

The background of the cover is a dark, low-angle photograph of a car's interior. A person is seen from behind, driving the car. The dashboard, steering wheel, and rearview mirror are visible. The text is overlaid on this image.

Работа над ошибками

Олег Бойко

18+

Олег Бойко

Работа над ошибками

«Автор»

2020

Бойко О. А.

Работа над ошибками / О. А. Бойко — «Автор», 2020

Больше года прошло с событий, описанных в "Капканах на баранов". В жизни главного героя - Владимира - произошли перемены. В попытке избавиться от переживаний, связанных с печальным прошлым, и назло отцу он находит применение своим качествам и знанию языков, отправившись с миссией Красного Креста работать в полевых госпиталях в зоне боевых действий в Нигерии. Там, вдали от дома, он старается избегать близких отношений, боясь в очередной раз испытать горькую боль утраты, и когда, кажется, старая жизнь остается в далеком прошлом, а новая посылает очередные трудные испытания, по воле случая ему ненадолго приходится вновь назваться тем, кем ему однажды уже приходилось быть. Но разве мог он знать, какие последствия повлечет за собой один раз неосторожно названное вслух имя? А еще Владимир узнает, что в прошлый раз был не единожды жестоко обманут и на этот раз по своей воле отправляется в опасное путешествие по Скандинавии навстречу правде, новым друзьям и уже знакомым читателю персонажам.

© Бойко О. А., 2020

© Автор, 2020

1

Нигерия.

Меня предупреждали, что эта земля чужая.

Красная, словно пропитанная кровью, почти бурая, она не только щедро дарит жизнь сочной зеленой растительности, но и с такой же легкостью безжалостно отнимала жизни местного населения, а также ступивших на нее иноземцев, к которым относился я сам. Мне удалось продержаться здесь уже год и два месяца.

Каждый день и на каждом углу я слышал, что ценность человеческой жизни в горячей точке, особенно в Африке, неумолимо стремится к нулю, и может оборваться в любой момент. Поэтому продолжительность жизни многих сорвиголов из числа молодых репортеров, медиков, сотрудников неправительственных организаций, а особенно военных контрактников, была очень короткой. Там, где можно наступить на мину, оставленную в кустах растяжку или, как в средневековье, провалиться в утыканную кольями яму не стоит заводить дружбу на длительный срок. В любой момент можно лишиться своего нового друга или подруги. Либо ты сам схлопочешь пулю или шальной осколок минометного снаряда. От этого никто не застрахован. А еще практически повсеместная антисанитария за пределами больших городов и целый букет различных болезней от малярии до лихорадки Эбола или СПИДа.

Старый помятый и продырявленный пулями «Лендровер» когда-то белого цвета с заляпанными грязью красными крестами на дверцах, словно из последних сил жутко ревел изношенным двигателем и подпрыгивал на ухабистой дороге. И без того захламленный и потертый временем салон автомобиля был усыпан осколками выбитых стекол и покрыт слоем красной пыли, в облаке которой мы на максимально возможной скорости неслись сквозь неизвестность навстречу своему спасению от смерти. А она, не желая отступать, время от времени постукивала по корпусу автомобиля, оставляя на нем новые и новые отметины с облущенной краской вокруг пулевых отверстий. Но агонизирующий автомобиль по-прежнему продолжал защищать нас – своих четверых пассажиров. На каждой кочке я, подпрыгивая на своем сиденье, едва не бился головой в потолок. И вдруг неожиданно для себя ощутил, как тряска отдалась острой болью в правом бедре.

Но я терпел, потому что ничего другого не оставалось. Потом чуть приподнявшись, скользнул ладонью под себя и вляпался во что-то липкое. Выдернул руку, плюхнулся обратно и с ужасом уставился на перепачканные кровью пальцы. А ведь до этого считал, что сиденье просто пропиталось моим потом. Оказалось – нет. Меня прошиб озноб. Вот она моя первая пуля. Маленький свинцовый комочек смерти, засевший в живой плоти.

– Как вы, сэр?

Я сунул пистолет, который держал в левой руке, за пояс и перевел взгляд на водителя – молодого нигерийца двадцати пяти лет от роду, который обратился ко мне с каким-то особым почтением и заботой в голосе. Одет он был в грязные камуфляжные штаны и местами порванную такую же грязную, когда-то красную, а теперь застиранную и выгоревшую, футболку. Вот уже двадцать минут он сосредоточенно вел машину по неровной грунтовой дороге, вцепившись в руль обеими руками и плотно сжав губы. Но сейчас то и дело поглядывал на меня и мою окровавленную руку, которую я сам никак не мог перестать рассматривать.

– По-моему меня подстрелили, Джим... – ответил я.

– Я вижу. Куда попали?

– В ногу. Наверное, пуля пробила дверь.

– Вам больно?

– Не знаю... да... больно... но терпеть можно... Ты поднажми!

– Я стараюсь, но нам, похоже, бак пробиты...

– Далеко еще? Этой дорогой я ни разу не ездил.

– Нет, сэр. До аэродрома километров пять... Обычно только местные здесь и ездят, но чуть дальше эта дорога свернет на север к границе с Нигером. А мы свернем левее и напрямик через буш попадем к блокпосту. Там дальше все оцеплено правительственными войсками и миротворцами. Они не пустят «Боко Харам» к своим складам и технике. Так что до блокпоста, думаю, дотянем на том, что осталось в баке.

– Да, одно дело на колесах, другое – пешком... Не хотелось бы ковылять на своих двоих даже лишний десяток метров. Тем более что ходок из меня сейчас тот еще... – ответил я и попытался выдавить улыбку.

– Слушайте, даже если эта колымага не дотянет, я вас на себе понесу, сэр! Сколько бы ни пришлось пройти. Я вас не брошу! Вы же спасли все самое дорогое, что у меня есть.

Я поймал его взгляд, брошенный в зеркало заднего вида на лобовом стекле. Обернулся и посмотрел на молодую негритянку, которая с затравленным видом сидела, съежившись, на заднем сиденье, в накинутом на голое тело медицинском халате. С пеленой слез на глазах она крепко прижимала к себе такую же до смерти перепуганную девочку лет шести. В ногах у них лежал «Калашников» с заляпанным кровью деревянным прикладом и тук с наскоро собранными вещами.

А ведь еще час назад я даже не подозревал, что все будет так.

После того как в начале августа 2016 года в средства массовой информации просочилась информация о том, что запрещенная в России и многих других странах организация ИГИЛ назначило нового лидера террористической группировки «Боко Харам», которым стал Мусаба аль-Барнави, все только и ждали очередного зверского кровопролития, которое и без того не прекращалось в Нигерии практически ни на один день. Едва ли ни по всей стране происходили стычки между регулярной армией, полицией или силами специального военного подразделения Африканского союза и боевиками. Особенно на севере, где экстремисты чувствовали себя гораздо свободнее и соответственно действовали более дерзко.

Российская миссия Красного Креста, где я работал переводчиком вот уже больше года, располагалась в Кано, но я, не желая сидеть на месте, при первом же удобном случае старался отправиться в какой-нибудь полевой госпиталь, разъезжал с разными поручениями в составе выездных медицинских бригад по всему северо-востоку. В основном это были штаты Джигава и Йобе. Неделю здесь, две – там, потом обратно в Кано к бумажной работе в административном центре и дежурству у телефона. Но последняя местная командировка, по истечении которой мне предстояло вернуться домой, затянулась дольше, чем на месяц.

После двух недель в Нгуру нас маленьким самолетом забросили на север штата Борно и мы разбили полевой госпиталь рядом с крохотным аэродромом, приспособленным для небольших самолетов, между Карету и Газабуре, который охраняли миротворцы в своих голубых касках. Я не должен был туда ехать, но кто-то сказал, что шведским коллегам не хватает сильных мужских рук, чтобы носить раненных, и еще были нужны водители. Шведский я знал, машину водить умел и слабаком тоже себя не считал, поэтому вызвался. Уговаривать взять меня с собой особо не пришлось. К тому же в нашем офисе в Кано меня не очень любили из-за моей нелюдимости. Я получил согласие своего руководства прямо по телефону, здесь – в Африке этого было вполне достаточно на первое время, а потом уже в Газабуре копии всех необходимых документов мне переслали по факсу в офис полковника Ламбера – иссушенного временем пожилого француза, командовавшего миротворцами в этом регионе.

Если раньше я практически не покидал отделений Красного креста в запруженных автомобилями и перенаселенных городах, похожих на многоярусные муравейники, одноэтажных деревень с ржавыми крышами из листового железа, издаലെка напоминающих заселенную свалку, или наших палаточных лагерей, то здесь я сполна вкусил ужасов войны под открытым небом. Я и до этого видел последствия терактов, когда террористы-смертники взрывали себя

на рынках, площадях или в церквях и мечетях. Видел множество убитых и раненных, покалеченных людей, мужчин и женщин, уставших и смирившихся с происходящим стариков и напуганных детей, которые выстраивались в длинные очереди перед пунктами оказания медицинской помощи. Но здесь в Борно я словно заглянул в самую преисподнюю.

Я видел сожженные деревни, чье население до последнего человека было вырезано боевиками «Боко Харам». Видел, растерзанные и изрубленные мачете тела, отрубленные руки и насаженные на колья головы. А однажды через линзы бинокля даже стал свидетелем того, как увешанные пулеметными лентами чернокожие молодчики в камуфляже, солнечных очках и надетых задом наперед бейсболках расстреляли троих полицейских. Сами они при этом веселились и пританцовывали. Ни дня без созерцания бесконечного насилия и его трагических последствий. Словно сама жизнь в этих краях кровоточила, но не сдавалась и не желала умирать окончательно. А я продолжал носить мертвых и раненых, привык даже к тому, что, ложась спать, не всегда утруждал себя очистить одежду от чужой крови. Но тщательно мыл руки и умывался, а также продолжал глотать горстями таблетки от малярии и прочей дряни, которую здесь можно было запросто подцепить.

Даже не заметил, как в этой смертельной чехарде пролетел месяц. А потом из столичного офиса в Абудже мне, как прикомандированному к шведской миссии в Кано россиянину, поступило предписание вернуться в связи с окончанием срока действия контракта.

– Пора домой, парень! – вручая полученный факс, без особой радости в голосе сказал мне тогда хмурый полковник Ламбер.

– Уже? – спросил я.

– А ты, что, остаться хочешь? – он махнул рукой в сторону открытого окна, через которое с улицы доносился далекий стрекот автоматных очередей. – Здесь?

В ответ я только пожал плечами.

Тогда он призадумался и на минуту погрузился в себя. А потом, заговорщически вскинув седые брови, спросил:

– Хочешь, чтобы я сделал вид, что не получал эту бумагу?

– А вы можете так сделать?

– Могу...

– Тогда я остаюсь.

И я остался. Но через неделю пришел повторный запрос, и я снова оказался в кабинете полковника Ламбера.

– Твое начальство не отстанет, парень. Скажи, тебя разве не ждут дома?

– Ждут.

– Кто?

– Мама... Но меня здесь словно держит что-то. Такое чувство, как будто я еще не сделал то, что должен. Хоть уже больше года в Африке...

– Влюбился в одну из ваших медсестричек? Только честно!

– Нет. Наоборот. Стараюсь ни с кем не сближаться? Чтобы потом не было больно терять. Вон, из нашей бригады за этот месяц четверых убили. Одна из них девушка. Инга. Домой должна была возвращаться через две недели... Но ее изнасиловали и застрелили... Твари!

– Н-да... Или из местных себе невесту присмотрел?

– Нет, что вы... меня предупреждали...

– Правильно! Я тоже считаю, что лучше этой головой поймать смерть, – он приставил указательный палец к своему по-армейски выбритому виску, – чем той, что ниже, какую-нибудь долгоиграющую болячку.

– Да, еще из Кано я проводил двоих коллег, по собственной глупости пополнивших армию ВИЧ-инфицированных. Одни уезжают раньше срока, другие – гибнут. А новых нет.

– Людей у вас здесь не хватает, я правильно понимаю?

– Да. Катастрофически...

– Сколько вас в бригаде?

– Со мной шестеро.

– А ты можешь доверять всем своим коллегам?

– В каком смысле?

– Если хочешь остаться и продолжать наблюдать за этим смертоубийством – дело твое, оставайся. Но тебя будут искать и с меня тоже не слезут из-за этой херни, – он помахал перед моим лицом бумагой из факса. – Скажи, если я отпишусь в ответ, что ты пропал без вести, твои люди тебя не сдадут? А главное, меня этим не подставят?

Признаюсь, я не поверил своим ушам. Но грех было отказываться от такого предложения, каким бы безумным оно ни показалось на первый взгляд. И тогда я ответил:

– Хотел бы сказать вам да, но позвольте мне сделать это чуть позже и с большей долей уверенности. Дайте время поговорить с коллегами, чтобы, приняв это решение, я не только вас, но и их не подставил.

– Хорошо. Но не тяни с этим. Жду ответ утром, парень. Иначе собирай манатки и вали отсюда ко всем чертям. Подальше от всего этого дерьма. Потому что по-хорошему нечего тебе здесь больше делать. Понял меня?

Шведские коллеги были в шоке от такой просьбы, но никто не отказался поддержать мое странное и, возможно, глупое решение. А утром я подтвердил полковнику, что остаюсь.

– Дурак! – ответил он, пожимая мне руку. – Позвони домой и скажи матери, чтобы она не ждала тебя еще какое-то время, а если получит бумагу, что ты пропал, то это просто ошибка, которую не успели исправить. А теперь постарайся не мозолить мне глаза, раз уж ты у нас без вести пропал...

Потом еще несколько раз полковнику приходили запросы подтвердить предоставленную им ранее информацию, которые он через один отправлял в урну. Звонили по спутнику и разговаривали с каждым из членов моей бригады, но все как один говорили, что я не вернулся из поездки в Куаву. Это на озере Чад. Все подтвердили, что я под обстрелом боевиков отстал от колонны с гуманитарным грузом, и больше меня никто не видел. А я снова позвонил матери и сказал, что у меня все нормально.

Три с лишним недели я продолжал работать, оставаясь на нелегальном положении, хотя от легального оно ничем не отличалось. Никто не спрашивал ни документов, ни пропусков, ничего вообще, даже имени. Солдаты почти на всех КПП уже знали меня в лицо и пропускали без проблем. Никому и в голову не могло прийти, что после окончания контракта кто-то по доброй воле может остаться в таком месте.

А позавчера все вдруг перевернулось вверх дном.

Началось все с нападения боевиков «Боко Харам» на гарнизон соседнего Нигера на границе с Нигерией, в результате которого погибли более тридцати военных. Той же ночью террористами был захвачен Гашагар, и сожжены три деревни. А утром они напали на гуманитарный конвой, который направлялся в Банова. Погибли одиннадцать человек, в том числе сотрудник ООН и трое солдат. Потом, пока правительственные войска и ооновцы не успели опомниться, блокпост миротворцев в Кукава закидали бутылками с зажигательной смесью и отрубленными головами жителей соседней деревни. А после серии взрывов в Майдугури, совершенных террористками-смертницами, на севере Борно экстремисты перешли в открытое наступление широким фронтом. Они продвинулись далеко на юг вдоль подтопленных пологих берегов озера Чад, но завязли в районе Карету и Газабуре, встретив более жесткое сопротивление.

Нам – гражданским запретили покидать охраняемую территорию под любым предлогом. И постепенно сузили ее, сосредоточив все силы вокруг единственного аэродрома, куда со всей округи стали стекаться гражданские сотрудники правительственных и неправительственных организаций, журналисты, врачи и миссионеры, а также согнанное с обжитых мест перепуган-

ное население. Туда же несли раненных, которых продолжали оперировать ожидавшие эвакуации врачи. И сегодня настала очередь моей шведской бригады Красного Креста, к которой я когда-то был прикомандирован от российского офиса. Меня звали с собой, но я отказался, учитывая, что официально считался пропавшим и не мог занимать чье-то место в самолете, который вот-вот должен был прилететь. Сказал, что уеду с последней колонной грузовиков, для которых армия уже прокладывала безопасный коридор из соседнего штата Йобе.

Время уже перевалило за полдень. Самолета не было. Раненные прибывали. Далекие звуки стрельбы и взрывы становились все слышнее. Напряжение росло. Помню, я помогал переложить на расположенный под брезентовым навесом операционный стол полуобмороченного чернокожего парнишку с отстреленной крупнокалиберным пулеметом ступней, когда кто-то из вновь прибывших сказал, что крупный отряд боевиков не так давно прорвал слабую оборону Газабуре и рассредоточился в городе. Полковник Ламбер тут же приказал закрыть КПП и никого не выпускать, а всех прибывающих тщательно обыскивать и разоружать.

Тогда-то я и обратил внимание на чернокожего парня в камуфляжных штанах и выцветшей футболке, который сейчас вел наш «Лендровер». Я не помнил, как его звали, но я знал, что он водитель и постоянно колесит по всему северному Борно с гуманитарными конvoями. Его покрытая испариной черная кожа словно приобрела серый оттенок. Он был очень взволнован или даже напуган. Словно огромный ребенок со слезами на глазах он метался из стороны в сторону в толпе, хватал всех за руки и постоянно повторял:

– Помогите... Помогите... Кто-нибудь... Помогите, пожалуйста...

Но все отмахивались от него. В лучшем случае говорили «извини», «отстань» или «ты не один такой» и «отвали». А то и толкнуть могли. Солдаты и миротворцы в голубых касках вообще потрясали оружием, когда он приближался.

– Стой! Остановись! Да, ты! – окликнул я его. – Что случилось?

– Моя семья... Жена и дочка, сэр... Они остались в Газабуре! Я думал, что заберу их следующим рейсом... Но полковник запретил выезжать. Сказал, что не хочет рисковать и не подарит террористам ни одной машины...

– Как тебя зовут?

– Олуджими Нгози, сэр... Можно просто Джим...

– Пошли, Джим... – сказал я, не представляя еще, что собираюсь делать, но зная, что у военных транспорта не выпросить, и потянул его за собой.

Разговаривать с полковником Ламбером было бесполезно. А вот узнать у руководителя нашей бригады хирурга Олофа Хенрикссона, не все ли машины, увозившие пациентов клиники в Газабуре, еще ушли в нашу сторону, вполне можно было. Но на входе в его палатку нашего лагеря при аэродроме я столкнулся с Кайсой Энгстром – его помощницей – хрупкой тридцатилетней блондинкой с большими, но почти прозрачными глазами, одетой в грязный и давно уже не белый халат. Она разговаривала с Андерсом Хольмом – репортером-фотографом, всем своим видом напоминавшим Индиану Джонса, только небритого, с татуировкой на шее в виде переплетенной колючей проволоки, копной грязных кудрявых волос на голове и массивной круглой серьгой в ухе.

К старику Хенриксону мы так и не попали. Кайса внимательно нас выслушала, но в палатку непустила. Сказала, что Олофа не стоит беспокоить, потому что он вот только получил телеграмму из дома, что его сын-наркоман этим утром скончался от героиновой передозировки. К тому же Клиника в Газабуре полностью эвакуирована. И Андерс Хольм это подтвердил, сказав, что прибыл с последним грузовиком.

– Тогда дай мне ключи от «Лендровера», Кайса! – сказал я. – Я сам поеду и привезу сюда семью этого парня!

– Совсем сдурел?! – возмутилась девушка. – Жить надоело?! Мало того, что остался, когда уже давно мог отправиться домой, так еще и в самое пекло ползть хочешь!

– Там настоящий ад! – кивнул лохматой головой Андерс Хольм. – Лучше не соваться...

– Каждый день этот парень возит нас и наши грузы. Он рискует своей жизнью ради нас и таких же, как он сам! – я, не глядя, ткнул пальцем Джиму в грудь. – Дай ключи, Кайса!

– Тебя не выпустят...

– А я спрашивать не буду...

Кайса тяжело вздохнула, обреченно покачала головой, но вынула из кармана халата ключи и нехотя вложила их в мою протянутую ладонь.

– На, вот... это еще держи... – снова вмешался в разговор Андерс Хольм и полез в свою кожаную сумку, вынул оттуда и протянул мне пистолет. – Самозарядный «Глок 17» из высокопрочного термопластика. Если вдруг что, навел и стреляй, никаких предохранителей... австрийское качество... Спрячь под рубашку!

– Спасибо...

– Дурак! – прокомментировала увиденное Кайса, спрятав лицо в ладонях. – Дурак – по другому не назовешь! Ты только вернись, пожалуйста, живым... Ладно?

– Вернусь...

– И ты, Джим, тоже... С семьей вернись!

– О, мэ, вы знаете, как меня зовут? – удивился чернокожий парень.

– Конечно, знаю, Олуджими Нгози...

Из оцепления мы вырвались, пробив «Лендрровером» закрытый шлагбаум. За это получили вдогонку автоматную очередь, выпущенную в воздух. Кайса и Андерс Хольм кричали на солдат и толкали их, чтобы те не стреляли нам вслед.

Удивительно, но по дороге в Газабуре мы больше ни разу не попали под обстрел. Видели и боевиков, и военных, которые тут и там стреляли друг в друга. Но наш автомобиль с красными крестами на дверцах, который вопреки логике стремительно несся в направлении захваченного экстремистами города, и те, и другие либо просто провожали удивленными взглядами, либо вообще не обращали на него внимания.

Дом, где жила семья Олуджими Нгози, находился на окраине и это оказалось большим плюсом, потому что мне вовсе не хотелось протискиваться по захлавленным и обстреливаемым улицам, на которых как попало стояли побитые пулями, брошенные своими хозяевами автомобили и валялись мертвые тела, объехать которые не представлялось возможным. Но мы удачно проехали по широким периферийным улицам между разномастными строениями из дерева, ржавого железа, самодельных глиняных блоков и прочего хлама.

– Это здесь! – сказал Джим, показав пальцем на обнесенный низким покосившимся забором двор перед таким же скособоченным строением из листового железа, на одной из стен которого, тем не менее, висел наружный блок кондиционера. – Стойте!

Я ударил по тормозам и остановил автомобиль. Вокруг, как безумные, носились кудахчущие куры, за забором блеяли несколько коз, а в конце улицы две собаки грызлись между собой возле тощей туши мертвой коровы. Во дворе перед домом в неестественных позах лежали двое солдат в окровавленном камуфляже. Видимо, обоим стреляли в спину, когда они бежали к дому.

Мы вышли, и я машинально вынул из-за пояса пистолет. Стал осматриваться, стараясь не думать о том, что мне придется им воспользоваться по прямому назначению. Где-то совсем неподалеку истошно кричала и плакала женщина. На заднем плане не утихала стрельба и яростные крики на местном диалекте – на соседней улице шла ожесточенная перестрелка. Но Джим, пренебрегая осторожностью, сразу бросился во двор и стал ногами распахивать коз. Только тогда я увидел, что там, в углу, забила маленькая испуганная девочка в национальном платье, сшитом из прямоугольного куска ткани.

– Аоко! – воскликнул Джим и, упав перед ней на колени, сгреб девочку в охапку, что-то приговаривая на местном диалекте.

Это была его дочь. Долго думать, чтобы понять это, не пришлось.

Зато крики женщины заставили меня стать чуть более расторопным. Я перешагнул через трупы военных и, выставив вперед пистолет, слегка толкнул ногой дверь. Бесшумно ступил за порог и увидел ужасную картину. Маленькая кухня, в которой прямо на кухонном столе здоровенный чернокожий детина насиловал женщину, а та, видимо, уже почти обессилев в своих попытках вырваться, плакала навзрыд и звала на помощь.

– Убери от нее руки, тварь! – прокричал я, хотя надо было просто выстрелить подонку в затылок.

Африканец сначала замер, а потом, как был со спущенными до колен камуфляжными штанами, так и повернулся ко мне всем корпусом. Видимо, подумал, что я уже не спущу курок, раз не выстрелил сразу, оскалился в кривой ухмылке и медленно потянулся одной рукой к стоявшему у стены «Калашникову».

Я целился ему в голову, но в последний момент понял, что не смогу этого сделать, опустил ствол ниже, направив его мужчине в живот, потом еще ниже и дважды нажал на курок, вогнав обе пули ему в бедро. Просто подумал, что не готов увидеть разлетающиеся по всей кухне мозги. Чернокожий верзила сложился пополам, упал на колени и скорчился на полу, изрыгая проклятья на своем языке. Женщина, не переставая плакать, сползла со стола и, безрезультатно прикрывая руками свою наготу, пыталась отвернуться.

Я оглянулся и увидел на пороге Джима. Быстро стянул с себя медицинский халат, оставшись в брюках и рубашке, и протянул ему. Он поспешил взять его и сразу бросился к жене. Накинул ей на плечи, запахнул, бережно обнял ее и поцеловал в лоб. А я так и держал корчившегося на полу насильника на мушке.

– Если вы отведете мою жену в машину...

– Да, Джим, конечно! – ответил я, не дав ему закончить.

Он подвел ближе свою жену, которую била мелкая дрожь, и передал мне, а я помог ей выйти из дома на улицу и повел к машине, где на заднем сиденье уже сидела их дочь, Аकोко Нгози, и испуганными глазенками смотрела на нас в окно. На пороге я на мгновение оглянулся и увидел, как Олуджими Нгози занес приклад «Калашникова» над головой раненного боевика, который посмел надругаться над его женой. Отвернулся, не желая смотреть на это, и, услышав звук удара, вскрик и хруст, невольно передернул плечами. А потом, судя по звукам, понял, что он еще раз обрушил приклад автомата на голову негодяя.

На обратном пути нас обстреливали, по-моему, уже и регулярная армия, и боевики. В этом урагане жестоких стычек никто не стеснялся открыть огонь по машине Красного Креста. Так что севший вместо меня за руль Джим даже свернул на одному ему известную дорогу, потому что на той, которой мы приехали действительно уже творился настоящий ад. Так мы и тряслись, слушая, как пули барабанят по корпусу, неслись изо всех сил, едва не опрокидываясь на поворотах. Молчали. Молчали до тех пор, пока я не понял, что ранен.

– Только вы меня и услышали, когда я просил помочь... – продолжал говорить Джим, уже не отвлекаясь от дороги. – Один из всех... Всем остальным, не только белым, простите, но и другим черным наплевать на нас и наших жен и детей! Даже миротворцам! И толку с того, что Нигерия состоит в ООН? Одна показуха... Миротворцы не защищают нас. Они просто смотрят со стороны, как наш народ убивает друг друга. Все эти красивые береты и голубые каски, новенькая форма, автоматы и техника только для видимости...

– Только полковнику Ламберу этого не говори...

– Плевать! Я повторяю, сэр, они здесь не нас защищают, а самих себя! Вот вы помогаете нам, я видел, как вы работаете. Вы и эта девушка – ваша подруга...

– Кайса? Она... моя коллега...

– Да какая разница... Она тот человек, которому не плевать на других. Она знает мое полное имя, сэр, а я вот не знал, как ее зовут... Стыдно...

Машина сдохла, не доехав каких-то метров пятьдесят до КПП, на котором мы, уезжая, разнесли в щепки шлагбаум. Но солдаты на всякий случай разрядили в и без того парящий радиатор пару автоматных магазинов. И то, что нас не задело, было на самом деле большим чудом.

Я вышвырнул в окно пистолет, выбрался из машины и с поднятыми руками направился к солдатам, с трудом передвигаясь и подволакивая за собой простреленную ногу. Олуджими Нгози чуть позади вел свою семью. А нам навстречу бежали несколько человек в голубых касках, Кайса и Андерс Хольм. Вдалеке за ними в лучах солнца поблескивал фюзеляж небольшого турбовинтового самолета.

– Да свои это!!! Пустите!!! – кричал Андерс Хольм двум солдатам, которые принялись меня обыскивать.

Еще трое обступили семью Джима, но, увидев в каком состоянии находилась женщина, подхватили ее на руки и понесли к полевому госпиталю. Сам Джим с дочкой на руках семенил за ними следом, иногда оборачивался и выкрикивал в мою сторону:

– Спасибо! Спасибо вам, сэр!

Я лишь улыбнулся и махнул рукой ему в ответ.

– Живой! Живой! – задыхалась на бегу Кайса. – А мы уж думали...

Остановилась, перевела дух и со злостью стукнула меня кулаком в грудь, отчего я покачнулся, оступился и схватился за раненную ногу.

– О Боже! – воскликнула она, взглянув на окровавленную штанину, и тут же бережно разгладила пальцами рубашку на моей груди в том месте, куда только что ударила кулаком. – Ты ранен!

– Только в ногу? – спросил Андерс Хольм, взваливая мою руку себе на плечо и помогая идти. – Больше не задело нигде?

– Нет, только в ногу... Всегда думал, что это больнее... А так, скорее страшно, чем больно...

– Ты ненормальный! – продолжала отчитывать меня Кайса, тоже поддерживая под руку. – А если бы ты не вернулся? А если б тебя убили?

Но я ничего ей не отвечал. Только шепнул тихо Андерсу Хольму:

– Я ствол скинул, когда мы подъехали... Он там у машины остался... Ты не в обиде?

– Да и хрен бы с ним! Я его купил у пацана в деревне за десять баксов.

– Понятно... Кстати, куда мы идем?

Палатки и брезентовые навесы полевого госпиталя остались слева. Несколько ангаров с оружием и техникой – справа. За ними виднелся палаточный лагерь миротворцев и деревянное здание нового командного пункта, куда еще вчера вечером из Газабуре перебрался полковник Ламбер. А меня вели напрямиком к самолету, где у трапа толпилась кучка людей.

– Из Кано наконец-то прислали самолет! – поспешила ответить Кайса. – Ты полетишь с нами.

– Я же собирался с колонной грузовиков, когда войска откроют безопасный коридор. И я еще вещи не собрал... Я ранен... Мне нужна медицинская помощь...

– Пулю Хенриксон вытащит из тебя и в самолете, даже несмотря на свое горе. А вещей, которые не жалко выбросить, у тебя нет. Причем, большая часть и так на тебе надета. Уж мне ли не знать. Поэтому заткнись и шагай! – с непривычной для ее голоса твердостью прошипела Кайса. – С пилотом говорить буду я!

Я промолчал в ответ, но заметил, как Андерс Хольм ухмыльнулся себе под нос. Он тоже промолчал и продолжил идти, изредка поглядывая то на меня, то на Кайсу.

Но когда мы пробились сквозь толпу к трапу, дорогу нам преградил мужчина в камуфляжном комбинезоне военного летчика и очках-каплях в позолоченной оправе.

– Эй, а вы куда собрались?! – в левой руке он держал старомодный деревянный планшет, в клипсе которого был зажат листок со списком имен и фамилий, а правую он выставил ладонью вперед. – Согласно списку у меня уже все на борту.

– Кайса Энгстрем – медик. Красный крест. Мы выходили только что...

– Точно, есть такая... – сверился со списком пилот.

– Андерс Хольм – репортер. «Свенска Дагбладет»...

– Тоже есть... А это кто такой?! – он ткнул пальцем в меня. – Его я что-то не видел еще!!!

– Он с нами.

– Стоп, дамочка! Что значит, он с вами?! Я здесь пилот и мне решать, кто с нами, а кто – нет! Вот список людей, которых мне предписано забрать, и я их всех уже погрузил! Кто это такой, я не знаю! Полковник и так мне пятерых раненых сверх нормы загрузил...

– Он тоже ранен! – вступилась за меня Кайса и показала на мою ногу.

– Херня это, а не рана! С такой можно и пешком дойти до самого Кано!

– Я же говорил... – начал было я, но Андерс Хольм ткнул меня в бок локтем и заставил умолкнуть.

Кайса не сдавалась:

– Это наш человек, если ты не понял, придурок! И он тоже полетит с нами! Я его здесь не оставляю!

– А теперь ты, овца, меня послушай! Не ты здесь решаешь, кто летит, а кто нет. Такое решение принимаю я. И я оставляю его здесь! У меня предписание. Я должен забрать груз, технику, определенное количество раненных, которых у меня и так уже сверх нормы и тридцать пассажиров по поименному списку, согласно которому все уже поднялись на борт. А просто так набивать свой самолет хахалями капризных девочек я не собираюсь! Поняла меня?!

В ответ Кайса неожиданно для всех отвесила ему хлесткую оплеуху. Да так, что у того очки слетели с лица и упали на землю. Он тут же замахнулся на нее планшетом, но Андерс Хольм резко перехватил его руку, а я прошипел:

– Тронешь ее – выбью зубы!

Пилот одернул руку, и, окончательно раздавив ботинком разбившиеся от падения очки, процедил сквозь зубы:

– Он не летит.

А потом устремил взор куда-то поверх наших голов и отчаянно замахал руками, пытаясь привлечь к себе чье-то внимание.

– Полковник! – закричал он. – Полковник!

Мы все тоже обернулись, и я увидел проезжавший мимо джип, в котором на пассажирском месте сидел полковник Ламбер. Тот увидел, что ему машут, и попросил водителя притормозить. Когда автомобиль остановился, он встал во весь рост, осмотрел нашу компанию и спросил:

– Что случилось, Жером?

– Они хотят, чтобы я еще и этого с собой взял!

Полковник Ламбер смерил меня с головы до ног взглядом, устало покачал головой, махнул рукой и сказал:

– Увези его, Жером! Даже если будет сопротивляться! Сейчас он мне здесь нахрен не нужен! Выполняй!

Полковник снова опустился на свое сиденье, и джип умчал его в сторону командного пункта. А Жером со своим планшетом в руках стоял перед нами, словно его облили помоями.

– Он сотрудник Шведской миссии Красного Креста... – очень спокойно сказала Кайса, словно только что не она была готова выцарапать пилоту глаза.

– Но... по списку у меня уже все...

– Неделю назад он отстал от гуманитарной колонны, – подключился Андерс Хольм, – и местные жители все это время прятали его от боевиков. Вот почему его нет в списке! А сегодня парню с боем удалось вырваться... Он даже пулю схлопотал!

– Мне нужно имя... и фамилия, чтобы добавить в список. Как вас зовут?

Я понял, что должен назвать шведские имя и фамилию. И я ответил ему, назвав именно те, которыми, думал, или, точнее, надеялся, никогда больше не придется воспользоваться.

– Эрик Хансен.

Пилот сделал запись, но пропускать по-прежнему не торопился. Вместо этого он сам поднялся по короткому трапу и, заглянув внутрь, спросил:

– Кто-нибудь знает этого человека?

Изнутри высунулась седая голова Олофа Хенриксона, который окинул нас всех отрешенным взглядом. Вот кто точно мог напортачить в последний момент, учитывая, что руководитель бригады медиков переживал глубокую семейную трагедию.

– Это ваш человек? – не унимался пилот.

– Да, это...

– Господи! – всплеснула руками Кайса. – Эрик Хансен! Он же сказал!

– Эрик Хансен... – подтвердил Олоф Хенриксон, а я увидел, как испуганная последней проверкой Кайса вдруг расплылась в благодарной улыбке и кивнула старику.

Пилот шумно выдохнул, плюнул в сторону и приглашающим жестом махнул нам своим планшетом.

– Поднимайтесь. Взлетаем.

2

Россия. Москва.

– Зачем тебе снимать отдельную квартиру?

– Потому что мне уже почти тридцать, и я хочу жить отдельно.

– А как же я?

– А ты – здесь. Я буду тебя навещать!

– Конечно! Уезжая, ты обещал звонить каждый день!

– Не начинай, мама...

– Ты говорил, что в их столице... как она там называется? Все время забываю...

– Столица Нигерии – Абуджа...

– Вот, точно! Ты говорил, что в этой Абудже будет интернет, и мы сможем общаться даже по видеосвязи. А на деле я своего единственного сына больше года не видела и даже слышала через раз!

– Ну, я же не виноват, что пришлось колесить по всей стране, а не только в офисе сидеть... Я взрослый мужчина и хочу жить самостоятельно. И я не понимаю, почему ты против моего переезда.

– Вот-вот! Пока ты жил самостоятельно у черта на рогах там, в своей Африке, будь она трижды не ладна, я тут ночами не спала и разговаривала раз в две-три недели с хрипящим помехами телефоном... Забыла, как ты выглядишь. Вот почему!

– Слушай. В любом случае теперь ты будешь видеть меня чаще.

– Как ты думаешь, каково мне было, когда я получила сообщение, что ты пропал без вести, а?

– Я же заранее тебя предупредил, что это просто ошибка, и такое может произойти. Там в офисе напутали в списках. Я уже не раз объяснял, что в той неразберихе по-другому редко бывает...

– Мне от этого не легче, Володя! Получить это же сообщение повторно было ничуть не радостней...

– И тогда я тоже тебя заранее предупредил, что все в порядке!

– Но тебя там ранили!

– В ногу, мама! Считай, просто поцарапали... Ничего страшного. Даже кость не была задета. Такой раной и похвастаться стыдно! Доктор Хенриксон извлек пулю прямо в самолете, а в Кано и Абудже я уже скакал, как кузнечик...

– Ага. Вижу я, как ты сейчас скачешь! Как кузнечик... хромой... С этим костылем еще... Смотрю, и сердце кровью обливается!

– Мама!

– Ну, что мама? Что мама?

– Ничего...

– Володя!

– Что?

– Отец спрашивал, когда ты будешь дома? Он завтра последний день в Москве, а вы так и не встретились ни разу. Почему? Пока ты спал утром, он звонил и говорил, что хочет сегодня захватить, если у него получится освободиться. Надеется тебя увидеть...

– А я его видеть не хочу!

Мама тяжело вздохнула и покачала головой.

– Честно, не знаю, что у вас произошло тогда там, в Стокгольме, но это меня убьет когда-нибудь. Почему вы мне ничего не рассказываете?

– Потому что ты прекрасно знаешь, где Анатолий служит... ой, простите, работает...

– Володя! Это твой отец! Почему ты все время называешь его по имени?

– Я долго жил в Европе, а там так принято!

– Ох... Ты неисправим... Вы с тех пор разговаривали с ним хоть раз?

– Да. Дважды. Первый раз, когда я сказал, что отправляюсь в Африку после того, как моя стокгольмская командировка прервалась благодаря его стараниям, и он прилетел сюда вслед за мной, чтобы в очередной раз кардинально поменять мою жизнь. А второй раз – по спутниковому телефону, когда он отыскал меня в полевом госпитале в Нгуру для того, чтобы напомнить позвонить тебе и сказать, что со мной все в порядке.

– Ты тогда на три недели пропал... Вот я и попросила его найти тебя...

– Я работал, мама.

– Что отец сделал тебе в Стокгольме?

– Слушай, если тебе интересно, спроси у него!

– Они тебя завербовали к себе? Ты ведь ездил в Африку не с миссией Красного Креста? Только не говори, что ваша взаимная неприязнь – это игра на публику, а на самом деле вы работаете вместе.

– О, Боже мой! Все! Это уже похоже на паранойю! Запомни, Анатолий – последний человек, с кем я стал бы работать! Вопрос исчерпан?

Пока длился этот разговор, я успел одеться, натянуть плащ и зашнуровать ботинки. Стоял в прихожей и был готов выйти из дома.

– Шапку надень – там холодно.

– Плюс восемь.

– Простынешь!

– Все, пока. Вернусь поздно... – я открыл дверь и уже ступил за порог квартиры, а потом обернулся и добавил. – И еще поэтому...

– Что поэтому?

– Хочу жить отдельно...

Прошла ровно неделя с тех пор, как Кайса Энгстрем и Андерс Хольм втащили меня в салон самолета, присланного для эвакуации сотрудников ООН, Красного Креста, репортеров и раненных солдат из зоны боевых действий. Олоф Хенриксон действительно вынул пулю из моей ноги прямо во время полета и отдал ее мне на память, а сам убрал инструменты и ушел в себя, просидев с закрытыми глазами до самого приземления в Кано.

На борту было шумно и весело. Шведские коллеги из медицинской бригады всю дорогу оживленно болтали, радуясь возвращению, одобрительно кивали мне, подбадривали и подливали виски, который вместе с местной анестезией превратил меня в непривычно расслабленного, приветливого и общительного человека. Андерс Хольм во время полета тоже, нисколько не халтуря, качественно прикладывался к бутылке. Он называл меня самым отчаянным психом, которого только встречал, и рассказывал всем желающим ничего не имеющую к реальности историю о том, как я вместе с Олуджими Нгози и его многочисленной, по его словам, семьей с боем прорывался сквозь позиции боевиков и выжил только благодаря пистолету, который он мне дал.

А меня настолько развезло, что в какой-то момент я, слишком расслабившись, как-то чересчур раскрепощено и недвусмысленно обнял Кайсу Энгстрем и даже что-то стал говорить ей на ухо заплетающимся языком. И что бы я там ни сказал, ей это явно не понравилось. На лице была строгость, в глазах – разочарование. Думаю, она впервые видела меня в таком состоянии и ничего подобного не ожидала. Поэтому в какой-то момент просто вlepила мне пощечину, стряхнула с себя мои руки, поднялась и удалилась в хвост самолета, где последние несколько рядов кресел были сняты и прямо на полу на носилках лежали раненные.

Приземление в Кано я не помню. И что было после приземления – тоже. Зато в памяти хорошо запечатлелся момент, когда в уже сгустившихся над городом сумерках я в стельку пьяный вывалился из такси в центре города и вскоре предстал перед своим руководством в российском офисе, где меня уже месяц считали пропавшим без вести. Сначала все были в шоке. Затем поздравляли с возвращением, жали руку и трясли ее так, будто хотели оторвать. А потом как следует отчитали за раздолбайство, дали телефон, чтобы позвонить домой, и отправили в госпиталь, где с меня, наконец, смыли грязь, тщательно обработали рану, наложили новые швы, накормили и уложили спать до утра.

На следующий день я хотел навеститься в офис шведской миссии, чтобы по-человечески попрощаться со всеми бывшими коллегами и, может быть, попросить прощения у Кайсы за свое вчерашнее поведение, но приехавший за мной в госпиталь водитель сказал, что времени на это нет, и повез прямиком в аэропорт. Первым же рейсом я улетел в Абуджу. А там прямо в аэропорту мне вручили билет на ночной рейс Турецкими авиалиниями через Стамбул в Москву.

И вот, спустя еще сутки, я оказался дома. Приехал из аэропорта на такси и появился перед матерью загорелый, как подкопченная рыба, но исхудавший, утомленный дорогой, в потертой одежде, которая стала мне велика почти на два размера, и, опираясь на подлокотный костыль, потому что ранение в ногу хоть не было серьезным, все равно доставляло неудобства и мешало нормально передвигаться. Все мои вещи вмещались в крохотный тряпичный рюкзак. Эдакое возвращение блудного попугая.

И с этого момента я попал под неутомимый и безжалостный пресс материнского внимания и заботы, проявление которых едва ли не с первого дня стали меня угнетать. Ведь за время, проведенное в Швеции и Нигерии с перерывом в месяц между двумя этими поездками, я привык жить так, как мне хочется. Есть тогда и то, когда и что хочу, ложиться спать, когда посчитаю необходимым и возможным, одеваться, как мне удобно. А здесь я словно стал ребенком, которого мама вознамерилась в кратчайшие сроки перевоспитать и сделать таким, чтобы ей больше никогда в жизни не было за меня стыдно и не пришлось волноваться на мой счет.

Чтобы я словно раз и навсегда оправдал все надежды, возложенные на сына. Вот, почему я, отдохнув несколько дней, принялся искать отдельное жилье.

Тех денег, которые я заработал в Нигерии, и кое-каких прошлых сбережений мне должно было хватить на год, даже с учетом предстоящих трат на съемное жилье. Это при условии, если бы я не работал и просто валял дурака, но я собирался для начала вернуться к своей прежней удаленной работе, связанной с переводами. А потом можно было бы поискать и что-то на постоянной основе.

Поэтому последние три дня я с утра до вечера мотался по городу. Общался с риэлторами, смотрел квартиры, приценивался, выбирал. Просто гулял. Иногда встречался с людьми из своей прошлой жизни, кого не видел несколько лет – восстанавливал утраченные за это время контакты и собирал информацию о возможной работе на будущее.

Еще одной причиной, по которой я в эти дни не хотел появляться дома, был Анатолий. Отец находился в Москве последние несколько дней. Приехал по работе. Или, в его случае, по долгу службы. Несколько раз он звонил матери, спрашивал, как у меня дела и все обещал навестить нас, но так и не приехал ни разу. Видимо, потому что я целенаправленно избегал встречи, дважды оставшись ночевать у кого-нибудь из друзей, чтобы полностью исключить возможность разговора с ним в случае, если он заявится даже после моего позднего возвращения домой. Вот я и старался проводить весь день в разъездах по городу, ночевать у друзей, а потом приходил домой утром, чтобы принять душ, поесть, переодеться, отдохнуть часок-другой, выслушать наставление от матери и снова отправиться в город по своим делам.

Сегодня я собирался совершить очередной такой маневр, ведь завтра утром Анатолий должен был улететь в Джакарту, если, конечно, он не врал матери, чтобы усыпить мою бдительность. С другой стороны, за все это время он ни разу не позвонил мне на мобильный. Почему, я не знал. Может, на самом деле не так уж он и жаждал этой встречи. В любом случае это лишь играло мне на руку.

Я своих планов менять не собирался и четко им следовал.

Встретился с риэлтором, посмотрел одну квартиру в новостройке, которая мне не понравилась и была дороговата. Потом съездил по другому адресу, указанному в частном объявлении, но там тоже оказался не мой вариант – убогий клоповник с советской мебелью, коврами на стенах и балконом, заваленным всем, что последним трем поколениям, жившим в этой квартире, было жалко или лень выкинуть.

После заглянул в шведское консульство, где когда-то работал сам и, дождавшись перерыва, поболтал с несколькими приятелями и приятельницами, которые выбежали на перекур. Все удивлялись моему загару, костылю, на который я опирался, и тому, откуда я недавно вернулся. А когда узнавали о причинах хромоты, вообще теряли дар речи и ошеломленно хлопали глазами. Одна из знакомых даже сигарету выронила изо рта себе на блузку и прожгла ее, за что почему-то обиделась на меня и удалилась с недовольным видом.

Потом отправился в центр. Пообедал в итальянском ресторанчике, прогулялся, чтобы убить время, и заглянул в маленькое кафе в Камергерском переулке, чтобы выпить чашку кофе.

Ближе к вечеру встретился еще с одним риэлтором и посмотрел две квартиры. Но я никак не мог определиться. И вроде бы все в них было хорошо: и цена, и расположение, и удобства, и близко от метро, но ни одна из них не шла в сравнение с той маленькой и уютной светлой мансардой, которую я когда-то снимал в Стокгольме. Любой из предложенных мне вариантов проигрывал той комнатке в доме на пересечении Гёрвельгатан и Лагерлёфсгатан в Мариенберге на острове Кунгсхольмен, которая служила мне одновременно и кухней, и спальней, и гостиной. Вот туда бы я вернулся, не раздумывая, а пока снова отказался, вызвав недовольное и презрительное выражение на лице риэлтора, потратившего на меня свое драгоценное время.

В последнее время почему-то все стало мне напоминать о том, что я вспоминать не любил. А именно историю, произошедшую больше года назад, из-за которой моя тихая и раз-

меренная жизнь в шведской столице вдруг превратилась в кошмар, и мне спешно пришлось вернуться в Москву, а также наш последний разговор с Анатолием, если не считать ругани перед моим отправлением в Нигерию.

Видимо, неделю назад, садясь в самолет на забытом Богом аэродроме в районе боевых действий на севере нигерийского штата Борно, мне не стоило называться этим ненавистным именем – Эрик Хансен. Хотя, с другой стороны, назовись я другим, это имя все равно пульсировало бы в моем мозгу. Так уж он устроен. Никуда не денешься. Всплывет что-то в памяти и давай за собой разматывать клубок из мест, имен, оставшихся в прошлом разговоров, чувств и даже мимолетного аромата духов. Сам бы ты, конечно, свернул этот клубок и закинул обратно в самый дальний и темный угол, так ведь нет же. Говорят же, что специально пытаться что-то забыть – значит, постоянно помнить об этом.

А тут, как назло, накануне мне позвонил Вадим Стрельников – бывший коллега, с которым мы вместе работали в российском посольстве в Стокгольме, пока это не прекратилось, благодаря Анатолию, его старому другу Юрию Валентиновичу и той истории, в которую они меня втянули. Оказалось, что после того, как я спешно отбыл на Родину, Вадим занял мое место и продолжал работать по сей день. В Москву приехал в отпуск.

Не то, что я не был рад ему. Наоборот. В то время, когда я сам еще жил и работал в Стокгольме, из всех коллег с ним мы общались больше всего. Настоящей дружбой это вряд ли можно было назвать, но в целом общение не было никому в тягость. Или, как писал великий поэт: «от делать нечего друзья». Мы часто бывали друг у друга в гостях, посещали различные тусовки или просто могли попить пивка вдвоем. А по возвращении в Москву он через одного из общих знакомых раздобыл мой номер телефона и позвонил. Даже сам напомнил о том, что до сих пор не вернул мне около двух тысяч крон с тех пор, как я ему одолжил, когда он проигрался в покер. Так что мы договорились о встрече сегодня вечером. И я с удовольствием на эту встречу поспешил.

Мы встретились в небольшом пабе, который располагался в подвале старого дома на Китай-Городе. Вечерний шум-гам, музыка, приглушенный свет и атмосфера хмельной расслабленности. Мы заказали по пиву и большую порцию закусок.

Вадим первым делом вернул мне долг в шведской валюте, которую еще не успел обменять по возвращении, и недоверчиво косясь на мой немного потрепанный внешний вид, спросил, чем я занимаюсь и все ли у меня в порядке. Я ответил, что в данный момент не работаю, но занимаюсь поиском, а также ищу квартиру, чтобы съехать от матери. А потом долго рассказывал о том, как провел последний год в Нигерии, куда уехал месяц спустя после возвращения из Швеции.

– Мы все тогда голову сломали, думая, что произошло, – говорил Вадим. – Все, кто тебя более или менее знал, понимали, что на работу ты не ходишь, потому что почти все твои дела передали мне. Но в графике соблюдения пропускного режима все было четко, словно ты исправно каждый день приходил вовремя на свое рабочее место, а вечером уходил домой. Поговаривали, что в последний день, когда тебя видели в нашем посольстве, к тебе приезжали какие-то два типа в костюмах и вы долго беседовали в кабинете начальника службы безопасности. Не знаю, правда это или сплетни. Говорю то, что слышал... Но, ты не расскажешь, что с тобой приключилось?

Я задумчиво молчал, потягивая пиво.

– Просто тебя реально не было на работе две недели. И дома, по-моему, тоже, потому что я ни разу тебя там не видел, хотя в квартире кто-то жил. Кто-то, кто не стал мне открывать, когда я приходил и стоял под дверью. А потом ты появился, задним числом написал заявление и через два дня уехал. Даже ни с кем не попрощался... Володь, честно, это выглядело странно...

– Считаю, что это кризис среднего возраста... – усмехнулся я в ответ, не желая говорить о том, чем был занят в те две недели, но не вспоминать об этом уже не получалось. – Надо было разобраться в себе. Понять, чего я действительно хочу...

– Да? А те два мужика, что приезжали к тебе накануне твоего погружения в себя? Это кто были? – Вадим вдруг сделал паузу и сосредоточенно задумался. – Я тут, Володь, вот что подумал вдруг... Ты у нас, случаем, не в разведке, а?

– Не выдумывай, Вадим. Какая нахрен разведка?

– Ну, наша разведка, а ты типа сотрудник посольства, выезжаешь с дипломатами на встречи, слушаешь, пишешь там все, что надо...

– Не мели чепухи!

– Ладно. А эти двое, что приезжали к тебе, кто они?

– Отец со своим другом... Повздорили мы с ним тогда...

– Ясно. Ну, видать, хорошая у тебя там крыша была – в нашем посольстве, раз уж безопасники прикрывали твое отсутствие, пока ты приходил в себя после разговора с отцом...

– Да, связи были... Но не у меня, а у отца... И, может, сменим тему?

– Не вопрос! – добродушно улыбнулся Вадим, всплеснув руками, попросил пробежавшего официанта принести еще по пиву. – А в Нигерию-то тебя как занесло?

И я понял, что просто так не отделаюсь.

– Слушай, мы здорово поругались тогда с отцом и я, честно, просто забил на работу. Он помог сделать так, чтобы меня не выперли, но я, когда пришел в себя и собрался с мыслями, вернулся и сам написал заявление. Я понятия не имел, что собираюсь делать дальше. Поэтому просто собрал манатки и улетел в Москву.

Отец был в гневе. Несколько дней спустя, он прилетел следом и предложил мне помочь с работой. Я сказал, что справлюсь без него, а сам через бывшего однокурсника по МГИМО случайно узнал о наборе людей в Российский Красный Крест для отправки с гуманитарной миссией в Нигерию. Он-то мне и помог подать заявку, быстро оформить все документы, разрешения, пройти медицинское освидетельствование и сделать все необходимые прививки. Вся подготовка и заключение контракта заняли около месяца. А потом я просто собрал сумку и объявил матери, что уезжаю работать в Африку. Отцу уже она сама сказала. Не знаю, где он был на тот момент, когда услышал новость, но на следующее утро мы встретились с ним в аэропорту. Он был весь в мыле и догнал меня практически на трапе. Мы еще раз поругались и на этом все...

– Протест и все такое...

Я пожал плечами.

– Но ведь там опасно было. Я бы не поехал, честно. Побоялся бы, что убьют. Не знаю, как здесь – в России, а в западной прессе регулярно мелькают красноречивые статьи о зверствах «Боко Харам», которые подкреплены не менее кричащими фотографиями! – словно в подтверждение этим своим словам Вадим похлопал ладонью по свернутой газете, которую принес с собой и еще в самом начале нашей беседы положил на край стола. – Хотя, я думаю, что наиболее яркие иллюстрации по морально-этическим соображениям вряд ли доводят до широкого круга читателей.

С этим я не мог не согласиться. Я помнил, как Андерс Хольм всегда возмущался, что редакторы печатных изданий, кому он продавал свои фото и статьи, очень придирчиво относились к выбору иллюстраций. Всегда выбирали нечто нейтральное, отсеивали все то, ради чего корреспондент, рискуя своей жизнью, лез под пули в самое пекло непрекращающегося конфликта.

Газетой, на которой так и осталась лежать рука Вадима, оказалась одна из двух крупнейших шведских вечерних газет – «Экспрессен». Я узнал ее по красным буквам названия и логотипу в виде осы. Вспомнил, что одним из ее слоганов было: «она жалит», а, живя в Швеции, я

всегда отдавал предпочтение именно этому изданию, а не их главному конкуренту – «Афтонбладет».

– Они тоже что-то пишут о том, что происходит в Нигерии? – спросил я, и, пригубив пива, по порции которого официант только что поставил перед нами, задумался, разглядывая бывшего коллегу.

Вадим был одет в приталенный песочного цвета костюм в крупную клетку. С чуть вздыбленной прической, в очках с толстой черной оправой, небрежно расстегнутой пуговицей на вороте рубашки и ослабленным узлом галстука он представлял собой наиболее полный набор штампов, присущих образу современного офисного сотрудника, недавно окончившего свой трудовой день. В дополнение к ним был щегольский плащ, перекинутый через спинку соседнего стула, кожаный портфель со старомодными застежками на ремешках и свернутая втрое вечерняя газета. Я ведь сам был таким немногим больше полутора лет назад.

В ответ на мой вопрос он медленно помотал головой из стороны в сторону, тоже не отрываясь от кружки с пивом. Потом поставил ее на стол и, с наслаждением выдохнув, сказал:

– Нет. Это я так просто... для примера. Кстати, это выпуск уже трехдневной давности... Не хочешь почитать? А то я уже все... закончил. И собирался отправить его в мусорное ведро.

– Трехдневной давности? – спросил я.

– Ага.

– Ты же неделю, как вернулся из Швеции...

– Сестра привезла. Сегодня утром прилетела родителей навестить. Она же у меня за шведа замуж вышла. Помнишь?

– Точно! – я шлепнул себя ладонью по лбу.

– На вот, почитай на досуге, – Вадим подвинул газету ко мне. – Хотя, ничего там интересного нет. Видимо, исчерпали все интересные темы и снова мурыжат набивший оскомину вопрос правомерности повсеместной слежки за пользователями сети и не только, учиненной АНБ. Переливают из пустого в порожнее. Сноудена опять вспомнили, Викиликс и иже с ними... Скукотища, короче. Но, если соскучился по шведской прессе, то полистай.

Я благодарно кивнул и забрал газету, придвинув ее ближе к себе.

Мы еще около двух часов болтали обо всем понемногу. Вспоминали, как работали вместе и как отдыхали. Вадим рассказывал о себе. О том, как работал после моего отъезда, делился последними новостями о тех из наших общих знакомых, кто все еще продолжал работать в российском посольстве в Стокгольме. Затем я рассказывал об Африке, а он с интересом слушал и иногда брезгливо морщился, если я вспоминал какие-нибудь страшные подробности.

За разговором мы пропустили еще по три кружки пива и под вечер неплохо захмелели. Смеялись над тем, что мне с костылем идти домой будет проще, чем ему, потому что это хоть какая-то поддержка. А потом ему кто-то позвонил. Вадим извинился, оставил денег, чтобы я рассчитался за него по счету, распрощался и, оставив свою последнюю порцию недопитой, поспешно убежал. Точнее уковылял на заплетающихся ногах.

Я же решил посидеть еще немного и все-таки расправиться с тем, что оставалось в кружке. Но не торопился. Поэтому взял газету и стал просматривать колонки, обращая внимание только на заголовки и картинки, потому что вникать в смысл убогистого текста мой мозг уже не был способен. Листал, переворачивая страницу за страницей, пока не остановился взглядом на развороте со статьей, о которой говорил Вадим. Пробежал по ней взглядом и почувствовал, как моментально протрезвел.

Заголовок гласил: «АНБ продолжает следить!».

Но не он произвел на меня такое впечатление. И даже не три колонки текста, а большая цветная фотография на полстраницы, расположенная между текстом статьи и заголовком. Я смотрел на нее и чувствовал, как у меня на затылке шевелятся волосы. Настолько ошарашило меня то, что я увидел.

Это был стоп-кадр с какой-то из камер видеонаблюдения высокого разрешения, на котором была запечатлена заполненная людьми платформа железнодорожной станции в момент прибытия поезда. В нижнем правом углу снимка застыли дата и время: «16.09.2016, 15:29:48». Ровно неделю назад.

Я облокотился на спинку стула, отодвинувшись от стола, и еще несколько минут изучал снимок, пытаясь проглотить подступивший к горлу горький ком, мысленно успокоить колотившееся сердце и заставить себя дышать ровно. Потом вынул из кармана телефон и позвонил домой.

Мама ответила после третьего гудка.

– Отец не приезжал? – спросил я, без лишних предисловий.

– Нет, – растерянно ответила она и уже с тревожными нотками тоже спросила. – Что у тебя с голосом, Володя? Все в порядке?

– Звонил?

– Что? Кто звонил?

– Анатолий звонил?!

– Нет...

– Тогда, если позвонит, скажи, что я сегодня буду дома... Пусть приезжает. Появится без предупреждения – пусть дождется. Я уже еду...

– Да в чем дело-то, Володя? – спросила мать.

– Скоро буду... – ответил я и отключился.

Потом попросил счет, тут же расплатился и быстро покинул паб.

Позавчерашний выпуск «Экспрессен» я бережно сложил и держал газету, неосознанно прижимая ее одной рукой к груди, как что-то очень дорогое. Опираясь на костыль, я спешил к ближайшему входу в метро на непослушных ногах. Потом понял, что это долго и стал ловить такси.

Дело было в снимке, который многие читатели могли пропустить мимо, удостоив лишь беглым взглядом. Но только не я. А все потому, что из многочисленной толпы пассажиров только один человек, который стоял прямо под камерой, оглянулся на нее и замер на этом кадре. Человек, которого я не мог не узнать, несмотря на отросшие и перекрашенные в светло-русый цвет волосы, подстриженные под каре. Все остальное было прежним: хрупкая женская фигурка, спрятанная под мешковатыми штанами в стиле «милитари» и грубой брезентовой курткой с откинутым назад капюшоном, строгий тревожный взгляд, плотно сжатые аккуратные губки и чуть вздернутый носик. Разве что цвет глаз на столь мелком изображении было невозможно определить. Впрочем, контактные линзы могли придать им любой оттенок. Но я знал, что их натуральный цвет – зеленый.

Я не верил сам себе, но ошибаться точно не мог.

Я знал девушку на снимке. На снимке, который был сделан ровно неделю назад неизвестно где и опубликован в ежевечерней газете.

Это была она – Элис Бергман.

3

Анатолий так и не приехал.

И даже не позвонил тем вечером.

А я терпеливо ждал на протяжении нескольких долгих часов. Не ложился спать, не смотрел телевизор или в окно и не расхаживал по комнате взад-вперед, а просто сидел на диване, уставившись в стену, считал секунды и вертел в руках сложенную газету. Просто угрюмо молчал, стиснув зубы, и изредка поглядывал то на снимок, то на мать, которая никак не могла понять, что со мной происходит, и не находила себе места. Благо, она просто вздыхала время

от времени, но не лезла с расспросами, потому что спокойно что-либо объяснить я не был способен.

Когда стрелки часов прошли полуночный рубеж, я не выдержал и все-таки сам набрал его номер. Но мой телефон ответил, что абонент находится вне зоны действия сети. Позже мы с мамой по очереди пытались ему дозвониться, но все наши усилия пошли прахом.

Поэтому во втором часу ночи я сел за компьютер и стал проверять, из каких аэропортов летят утренние рейсы в Джакарту. Ведь именно в Джакарту Анатолий должен был улететь этим утром. Но мои поиски привели к удручающему результату: я обнаружил восемь возможных рейсов в промежутке между четырьмя и одиннадцатью часами утра, выполняемых пятью различными авиакомпаниями. Потом присмотрелся и понял, что все не так уж плохо. Всего лишь один из двух рейсов «Турецких авиалиний» вылетал из Внуково в 04:40, второй – из Шереметьево в 09:50. Все остальные авиакомпании тоже летели из северной воздушной гавани российской столицы. Два рейса датских авиалиний «КЛМ» и индонезийской «Гаруда Индонейша» вылетали одновременно в 05:30 и 10:25, «Эмирэйтс» – в 08:50, а отечественный «Аэрофлот» – в 09:45.

В половине третьего ночи я снова оделся, проверил наличие денег в портмоне, запахнул плащ и, опираясь на костыль, вышел из дома. Мама, наблюдая за мной, причитала и охала:

– Да куда же ты, на ночь-то глядя? Володя, горе ты мое... Ты ведь даже не знаешь, откуда он летит... То бежишь от него, как черт от ладана, то сам ищешь – готов землю рыть! Почему? Зачем?

– Ничего страшного, мама, – ответил я. – Так надо... Я найду его, не переживай. Есть у нас с ним один незаконченный разговор, и сейчас самое время для того, чтобы прояснить кое-какие детали.

Хлопнув за собой дверь, я поправил за пазухой свернутую газету, спустился на лифте на первый этаж и вышел на улицу, где меня уже ждало заранее заказанное желтое такси. Водитель курил рядом с машиной.

– Это вы во Внуково? – спросил он. – Один поедете?

– Да, – коротко ответил я сразу на оба вопроса.

– Без багажа?

– Как видите. И я буду вам очень признателен, если мы поторопимся. У меня очень мало времени.

Водитель затушил носком ботинка брошенный на землю окурок и ловко юркнул за руль. Я плюхнулся на заднее сиденье, и мы помчались сквозь ночную столицу в аэропорт. По дороге я несколько раз пытался дозвониться Анатолию, но результат по-прежнему оказался нулевым.

Спустя тридцать минут машина остановилась перед входом в терминал аэропорта, и я расплатился за поездку. Но перед тем, как выйти сунул водителю еще денег и сказал:

– Это за парковку здесь в зоне вылета и за час ожидания. Если не приду – уезжайте. А вернусь – поедем в Шереметьево... О-кей?

– Лады!

Я выгрузился и, прихрамывая, направился внутрь. Прошел досмотр на входе, что с моим костылем, заняло чуть больше времени, чем я бы того хотел, и отправился на второй этаж – искать табло с расписанием вылета и номеров стоек регистрации на рейс «Турецких авиалиний».

Аэропорт. Толпы людей с багажными тележками и чемоданами на колесиках. Непрерывно суета, несмотря на еще поздний ночной или уже ранний утренний час, непонятно. Объявления по громкой связи, гудение эскалаторов и моечных машин, снующих между людьми и полирующими пол. И я на костыле посреди всего этого броуновского движения.

К нужным мне четырем стойкам змейкой тянулась огороженная разделительными лентами плотная очередь людей с багажом. Издалека я несколько раз пробежался взглядом по

лицам, но не увидел среди них знакомого. А потом вдруг меня словно осенило, и я почти бегом бросился к крайней из стоек, над которой горело табло «Бизнес-класс». Эта стойка пустовала, и молоденькая девушка за ней явно уже заскучала, но я развеял ее сонливое состояние своим неожиданным появлением и не менее неожиданной просьбой: проверить, не зарегистрирован ли на этот рейс интересующий меня человек.

– Извините, но я не могу вам помочь... – испуганно ответила она.

– Почему?

– Потому, что это закрытая информация, которую я не имею права разглашать. А если я это сделаю, то нарушу закон.

– Серьезно? – я и на самом деле не думал, что все может оказаться настолько серьезно. – Какой закон?

– Список пассажиров самолета относится к информации, которая попадает под действие закона о конфиденциальных личных данных. Поэтому, еще раз извините. Ничем не могу вам помочь.

– Девушка, милая, это мой отец, которого я не видел несколько лет. Мы с ним разминулись в Москве, и этим утром он улетает в Джакарту. Но я не могу ему дозвониться. Только поэтому я и прошу вас...

– Обратитесь в информационное бюро и попросите их дать объявление по громкой связи. Думаю, это наиболее приемлемый вариант...

– Это долго! Если он не в этом аэропорте, то мне надо проверить еще семь рейсов в Шереметьево... Там это, может быть, будет иметь смысл, но здесь... всего один рейс. И все, что мне нужно – это знать, есть ли на этом рейсе нужный мне человек... Ну, пожалуйста!

– Мужчина, поймите, выдать личную информацию о пассажирах сотрудник компании имеет право только в случае, если ее требуют правоохранительные органы, либо исключительно в экстренных случаях.

– У меня самый экстренный случай, девушка! Помогите, прошу вас!

– Экстренный случай – это авария, внезапная незапланированная посадка или любой другой форс-мажор... И то, такого рода информация предоставляется исключительно родственникам пассажиров...

– Так это же мой отец, повторяю вам! Я родственник! Хотите, документы свои покажу? Паспорт есть... Только... вот же блин... У нас с ним фамилии разные... Родители в разводе...

– В крайнем случае, – продолжала девушка уже более рассеянно, – ваш родственник должен иметь серьезные проблемы со здоровьем... если, например, его психическое состояние вызывает опасение, и он может представлять собой угрозу для остальных пассажиров самолета...

– Не поверите, Виктория, – я прочитал имя девушки на бейдже и расплылся в блаженной улыбке, снова посмотрев ей в глаза, – вы только что описали именно его случай. Псих ненормальный! Всех на борту порешит... И это будет на вашей совести! Помогите, а?

Девушка тоже смотрела на меня и еле сдерживала улыбку.

– Просто «да» или «нет». Мне больше ничего не надо...

– Как, вы говорите, его зовут?

– Мечников Анатолий Карпович.

Девушка пробежала пальцами по клавиатуре своего компьютера, потом, сдвинув к переносице брови, поводила взглядом по экрану и в итоге отрицательно покачала головой.

– Мне очень жаль...

– Спасибо.

– Очень надеюсь, что это не проверка и меня теперь не уволят из-за вас.

– Нет. Это не проверка. И я никому не скажу. А там не видно, онлайн регистрацию он тоже не проходил?

– Нет, не проходил...

– Черт! – я в сердцах стукнул кулаком по стойке.

Девушка даже вздрогнула, а потом, покосившись на соседнюю очередь и своих коллег за другими стойками, которые стали бросать на нас косые взгляды, заговорщическим шепотом тихо проговорила:

– Смотрите, регистрация завершится через двадцать минут. Если подождете, то я смогу вам сказать точно, есть ваш отец на этом рейсе или нет. Идет?

Мне ничего другого не оставалось. Но по истечении этого времени меня снова ожидало отрицательное мотание головой прекрасной сотрудницы, так любезно согласившейся помочь вопреки строгому предписанию.

И я снова уселся в такси.

– А вы быстро... – сказал водитель. – Теперь куда? В Шереметьево?

– Да.

Про ближайшие рейсы «КЛМ» и «Гаруда Индонейша», вылетающие в 05:30 можно было смело забыть. Я не успевал не то, что к завершению регистрации на них, но, видимо, уже и к самому вылету. Зато оставались те два рейса, что должны были вылететь в 10:25, а также более ранние: «Эмирэйтс» в 08:50, родной «Аэрофлот» в 09:45 и опять же «Турецкие авиалинии» в 09:50.

По поводу такого же успеха на стойке регистрации, как во Внуково, я не строил больших иллюзий. И этот случай можно было назвать, скорее, исключением из правил. Поэтому еще в пути я для себя решил, что по прибытии воспользуюсь полученным советом и попрошу сотрудника информационного бюро дать объявление по громкой связи.

Так я и сделал.

В дороге я не оставлял попыток дозвониться Анатолию, но его телефон по-прежнему был выключен. Время и пространство вокруг меня спрессовалось в тугий комок из нервов, скорости и злости. Спустя час я расплатился с водителем и отпустил такси, а сам пустился в долгое путешествие по длинным пешеходным галереям с траволаторами, объединяющим терминалы D, E и F в один большой Южный терминальный комплекс аэропорта Шереметьево.

Как я и предполагал, два из оставшихся семи рейсов я пропустил. Но оставались еще пять. Поэтому я все-таки дал объявление, в котором просил Анатолия подойти к информационной стойке у выхода из терминала E к поездам «Аэроэкспресс». Но результат превзошел все мои ожидания. Не прошло и пяти минут с момента, когда прозвучало объявление, как мой телефон вдруг ожил в кармане. Взглянув на экран, я даже оторопел, увидев, что это звонил Анатолий.

– Где ты? – спросил я, не тратя времени на приветствия.

– Терминал F. Кафе в центре зала. Напротив большого табло с расписанием... – ответил он в таком же стиле. – Если хочешь, сам подходи.

Несколько минут спешногоковыляния в многолюдной сутолоке по коридорам между терминалами, и я уже навис над Анатолием, который сидел за небольшим столиком, смакуя утренний кофе.

Все, как всегда: костюм, галстук, простая, но аккуратная стрижка средней длины, свернутый плащ, переброшенный через спинку соседнего стула и аккуратный чемоданчик на колесиках, как у пилота, который можно не сдавать в багаж, а взять в салон самолета. Само олицетворение уверенного спокойствия и невозмутимости. Не сказать, что он как-то ярко выделялся на фоне других пассажиров. Тем более с его вполне заурядной и не особо запоминающейся внешностью. На вид просто очередной бизнесмен, собирающийся отправиться в не очень длительную деловую поездку. Но именно в этот момент чувство превосходства над всеми, особенно надо мной, так и выплескивалось из него через край, когда я стоял перед ним, опираясь на костыль и переводя дыхание, а он откусывал круассан и прихлебывал кофе.

– Это уже становится традицией... – проговорил он с набитым ртом, проявив при этом не больше эмоций, чем, если бы мы не виделись всего каких-то несколько часов.

– Что именно? – спросил я.

– Общаться в аэропорту.

– Приехал бы вчера домой – поговорили бы там.

– Я не смог. Дела.

– Видимо, поважнее нас с мамой...

– Ха! Не надо мне тут из себя обиженного строить! По пальцам можно пересчитать, сколько раз ты звонил матери за последний год. И если мне не изменяет память, ты сам не горел желанием со мной встречаться. Так что, считай, я пошел тебе навстречу. Какие претензии?

– Никаких... – процедил я сквозь зубы.

– А с ногой что? – кивнул он на мой костыль. – Чего хромаешь?

– Можно подумать, мама тебе не сказала...

Анатолий усмехнулся и пожал плечами.

– Хотел от тебя услышать.

– Меня ранили.

– Seriously?

– Нет, в шутку!

– И поделом! Скажи спасибо, что не в голову попали! Будешь знать, как заниматься подобной херней. А то поехал он, видите ли, в Африку – спасать людей! Айболит хренов! Поздно переходный возраст бомбанул что-то. Не находишь?

– Лучше поздно, чем никогда! Сам же говорил, что надо мужиком быть. Вот я и побыл мужиком. Провести год под пулями и схлопотать одну из них, мне кажется, нормальный результат.

– Ладно тебе. Не ерпенься! – отмахнулся Анатолий и снова пригубил кофе. – Садись...

– Я постою. Спасибо.

– Упрямый, как баран. Короче, выкладывай, зачем я тебе так понадобился, что ты аж сюда приковылял с утра пораньше?

Удивительно, но после года с лишним, проведенных вдали от него и вообще от родного дома, когда я, наконец, почувствовал себя полноценным хозяином своей жизни, сейчас снова вернулось ощущение подчиненного положения. И я ощутил всю неловкость сложившегося момента. Понял, что клокотавшее во мне всю ночь возмущение испепелило само себя, а Анатолий, изначально задав беседе определенный тон, сразу отвел себе доминирующую роль. Сразу стал хозяином положения. Он вальяжно развалился на стуле, скрестив на груди руки, и каким-то образом умудрялся снисходительно смотреть на меня даже снизу вверх.

Я с ужасом вдруг осознал, что продолжаю стоять и молчать, переминаясь с ноги на ногу. Ступор и неоправданное чувство, словно провинился.

– Молчишь... – мне сначала показалось, что Анатолий спросил, но потом я понял, что это было утверждение. – Тогда я тебе скажу, Володя. Ты остопоп! Знаешь почему?

– Почему?

– Потому что после всего того, нахреноверченного тобой в Стокгольме, что, благодаря мне, осталось для тебя самого в далеком прошлом, и последствия чего кое-кто разгребал еще очень долго, единственной глупостью, которую ты мог сделать и сделал-таки – было снова назваться Эриком Хансеном.

– Откуда ты...

– Откуда я знаю? От верблюда! Нахрена, ты думаешь, пилотам нужны списки их будущих пассажиров? ООН эвакуировало шведскую миссию Красного Креста в Газабуре и, выполнив предписание, пилот самолета, в который тебя затащили твои шведские друзья, передал списки пассажиров в генеральный штаб, а копию – в офис шведов.

Вот они и стали искать своего невесть откуда взявшегося сотрудника, эвакуированного из зоны боевых действий и вписанного в эвакуационный лист от руки, которого в их собственных формулярах почему-то не значилось. Даже направили запрос в Швецию, а также разослали аналогичные запросы в посольства и консульства по всему миру, чтобы установить, какой именно из Эриков Хансенов, проживающих на территории страны или за ее пределами, мог оказаться в Африке, а после успешной эвакуации снова исчезнуть?

И что удивительно, большая часть пассажиров самолета не помнят никакого Эрика Хансена и вообще о таком никогда не слышали, а несколько человек припоминают раненного в ногу мужчину, которого последним завели в самолет. И только пятеро человек из той бригады, к которой ты был прикомандирован, сказали, что просто помогли незнакомому шведскому парню с таким именем, а после приземления в Кано, где творилась адская неразбериха, тот просто исчез.

Я был поражен такой осведомленностью и по-прежнему молчал, изумленно хлопая глазами. А впрочем, чему я удивлялся? Мне ведь было известно, где работает, а точнее, служит Анатолий.

– Молчишь? – на этот раз уже точно спросил он. – Молчи. Мне есть, что еще сказать. Это, конечно, здорово, что у тебя появились такие замечательные друзья, которые готовы на руках вынести тебя из пожара войны, запихнуть в самолет и прикрыть твою задницу, какое бы имя ты ей ни дал. Но нахрена было называться Эриком Хансеном, твою мать, а?!

– Надо было быстро придумать имя, а это – первое, которое пришло мне в голову...

– Первое, которое пришло в голову? Ты совсем идиот? Володя! Когда ты включишь свои мозги и начнешь ими шевелить?

Я думаю, ты просто не представляешь, каких усилий стоило мне и Юрию, если ты помнишь такого, замаять историю с Эриком Хансеном. А ведь Юре могло очень крепко достаться. Из-за тебя! Из-за твоей идиотской выходки!

И вот, когда уже ничего не предвещало беды, Эриком Хансеном начинают интересоваться государственные структуры, включая полицию. Володя, ты понимаешь, что даже из консульства в Мале пришел ответ? Несмотря на то, что наши хакеры подчистили всю официальную переписку по электронной почте, у них там остались какие-то бумажные копии копий в хреновом качестве. Но, слава Богу, ничего такого, что могло бы дискредитировать настоящего Эрика. Повезло даже с тем, что фото на ксерокопии паспорта с твоей физиономией совершенно неузнаваемо. Но сам факт, что эта история с Мальдивами всплыла почти через полтора года, заставил многих людей понервничать. А ты, видите ли, просто назвал первое имя, которое пришло в голову. Молодец!

– Мне сейчас кажется, что если бы я не сел в тот самолет в Газабуре и меня там застрелили, ты бы не так сильно расстроился...

– Ошибаешься! Мне было бы жалко, что мой сын так бездарно потратил свою жизнь, имея в своих руках то, с чем на самом деле можно жить долго, ярко и счастливо.

– Хватит!

– Это я тебе должен сказать ХВАТИТ! Хватит протирать штаны, как ты жил до той истории, и хватит вести себя, как капризная девчонка! Это я уже про твой выбрык и поездку в Нигерию. Не был бы я тогда так занят и не появился только в последний момент – хрен бы ты куда отправился у меня! Ясно?

– Более, чем...

– Вот и отлично! А теперь ты, наконец, можешь сказать, что же все-таки привело тебя ко мне в день отлета? Или ты просто соскучился?

– Нет. Я не соскучился. Просто хотел спросить кое о чем...

– Ну, так спрашивай, давай.

– Почему тебе было так важно, чтобы я уехал из Стокгольма и Швеции? Ты дал мне два дня на увольнение и сборы. Всего два дня... Почему так мало? К чему была эта спешка?

– Чтобы тебя не убили, дубина ты! Это были меры предосторожности. Исключительно ради твоей безопасности. Пойми, что кроме твоей дамочки, которая тебя так великодушно пощадила, твоя физиономия была известна англичанам, и немцам, чьих людей мы не видели поблизости, но не могли со стопроцентной уверенностью гарантировать, что их нет, и они тебя не ищут. А с чего ты вдруг заинтересовался этим вопросом? И почему именно сегодня?

Я хотел вынуть из-за пазухи газету и швырнуть ее Анатолию в лицо. Но сдержал себя в руках и вместо этого просто шумно выдохнул, стиснув зубы.

– Утром последнего дня, когда я был Эриком Хансеном, ты принес мне газету, в которой была напечатана статья... маленькая заметка об аварии. Автомобиль «Вольво» без номерных знаков столкнулся с грузовиком где-то на проселочной дороге и, слетев с дороги, упал в озеро. Там писали, что водителя не нашли, но в салоне автомобиля обнаружили документы на имя Элис Бергман... По автомобилю потом, я так понимаю, в полиции установили имя владельца, и бремя общения с представителями власти взял на себя уже настоящий Эрик Хансен... Так?

– Да. А в чем вопрос собственно?

– Что там на самом деле произошло?

– Хм-м-м... Дай подумать... Авария... Что там еще могло произойти? Ты же сам читал статью. Там все было написано...

– Не вешай мне лапшу на уши. Я спрашиваю не про то, что было написано в газете. Я хочу знать, что там произошло на самом деле? Это было ваших рук дело?

– Что именно?

– Авария! Это вы ее подстроили?

– Совсем сдурел?!

– Я спрашиваю, та авария – ваших рук дело?! Если да, то, как вам это удалось? Выследили ее после того, как Элис избавилась от меня? Или ни на секунду не выпускали из виду, пока мы отрывались от погони и, как я тогда думал, вместе пытались замести следы, бросив машину на парковке торгового центра?

– У тебя паранойя, сын...

– Если она не разбилась насмерть, то должна была утонуть. Ее тело нашли в итоге? Что с Элис Бергман?

– Не знаю я, что с этой потаскушкой... Не слежу за таким малозначительными новостями...

– Не смей ее так называть!

– Ах, да, конечно... Прости, что не хочу захламлять свой мозг лишними именами. Тем более именами женщин, которые готовы лечь под кого угодно, лишь бы получить то, что им нужно...

– Я же попросил тебя...

Анатолий лишь пренебрежительно скривился и махнул рукой.

– С чего вдруг ты вообще затеял этот разговор?

– Не важно. Ответь мне... Просто ответь на мой вопрос...

– Спроси лучше о чем-нибудь другом.

– Нет. Больше мне ничего не надо. Только это.

– Почему?

– Потому что я хочу знать правду! Мне нужны подробности о той аварии. И мне нужно знать, жива ли Элис Бергман на самом деле или погибла? Что-то мне подсказывает, ты знаешь ответ.

– Ты ошибаешься, Володя...

– Я мог бы ошибаться, если б сам случайно наткнулся на ту статью. Но именно ты принес мне тогда газету с заметкой о ее гибели. Именно в тот день, когда на сцену должен был выйти настоящий Эрик Хансен, а мне предстояло уйти в тень. Зачем? Чтобы убедить меня в том, что ее больше нет? Чтобы я сложил руки, не выкинул какой-нибудь очередной фортель и поскорее смирился со своим предстоящим отъездом? Разве не так?

Анатолий хмыкнул и картинно закатил глаза.

– Не надо делать из меня злодея.

– А ты не строй из себя святого!

– А ты не строй из себя жертву! На это противно смотреть...

Я стоял и не мог поверить, что все это снова происходит со мной. Ведь с момента нашего последнего разговора в таком духе, который состоялся в Стокгольме, прошло уже больше года. И вот он опять на коне и уверен в своей правоте, а я не в силах вымолвить даже слово. Стоял, словно замерев в оторопи, как кролик, загипнотизированный удавом. Я, который неделю назад смело или даже безрассудно лез под пули и сам стрелял в живого человека.

И тут я вдруг понял всю бессмысленность своей затеи. Хотя бы потому, что без его подтверждения знал все, что нужно. Анатолий никогда бы не признался в подлом обмане, рассчитанном на то, что я, в момент глубокого разочарования просто соглашусь на все, что он предложит. И уж тем более он не попросил бы за это прощения. Я понял, что зря вообще искал этой встречи.

Чего я хотел добиться этим разговором? Скорее всего, просто показать ему, что теперь знаю правду и выказать свое негодование из-за того, что он обманул меня когда-то, сыграв на моих чувствах. Хотелось одним ударом разрушить его оборону, покрыть все карты одним козырем – снимком в газетной статье. Но какой смысл, класть перед ним на стол газету с фотографией живой и здоровой Элис Бергман, если это и так ему известно. Всего лишь в очередной раз расписаться в своей ничтожности? Признать свое поражение, а точнее полную и безоговорочную капитуляцию без боя год назад? Ну, уж нет. Только не сейчас.

– Ладно... – махнул я рукой. – Извини, что отнял время...

– Это было твое время... – с безразличием пожал плечами Анатолий. – Я просто пил кофе в ожидании посадки на свой рейс.

Только сейчас я обратил внимание на лежавший на его столе билет в специальном конверте авиакомпании с логотипом «Эмирейтс». Вылет в 08:50, как я помнил. И если не считать полный провал в разговоре с Анатолием, то мои поиски и ночная поездка в один аэропорт, а потом в другой увенчались успехом – я его нашел и успел это сделать до вылета.

– Мой тебе совет, Володя, забудь ты уже эту девку, прекрати себя жалеть и начни, наконец, жить, а не существовать. Хватит плыть по течению! Начни шевелиться! Поставь себе цель, в конце концов, и иди к ней.

– Считаю, что уже поставил.

– Это какую, интересно?

– Тебя не касается!

– Да?

– Да. Хорошего полета...

С этими словами я развернулся и пошел прочь.

– Спасибо! – крикнул мне вдогонку Анатолий. – Увидимся!

Но я уже не ответил, продолжая шагать, опираясь на свой костыль. Обратившись в Москву я возвращался на экспрессе и на метро. Ужасно хотел спать, но так и не сомкнул глаз, потому что напряженно думал о том, что мне предстояло сделать в ближайшем будущем. Для начала отменить все встречи с риэлторами и возможными работодателями...

Еще по дороге домой, сразу после того, как оставил всем риэлторам голосовое сообщение, что отменяю запланированные на ближайшие дни встречи, я набрал номер одного из приятелей, который работал в Шведском визовом центре. Как мне казалось, он мог помочь с быстрым оформлением шенгена, но так как это было очень раннее утро, то ответили на мой звонок далеко не радостным тоном:

– Слушай, я в отпуске... – мучительно простонал он мне в трубку сонным голосом. – Тебе, что, горит прям?

– Да!

– Дождись десяти утра и позвони в визовый центр, телефон – в интернете. Сдашь документы сегодня – визу на полгода тебе оформят за три-пять дней...

– А если мне нужно срочно?

– Срочная виза – это пять «штук» плюс сборы... Володя, я не справочная! И вообще есть куча контор, которые тебе за бабки все в два дня оформят... Хотя... Лучше, правда, позвони в визовый центр... О-кей?

– А если...

– Я могу выспаться в своем отпуске?

– Да, конечно... Прости, что потревожил...

Вторым человеком, которому я позвонил, был Вадим Стрельников, благодаря которому накануне вечером у меня в руках оказался выпуск «Экспрессен» с фотографией Элис Бергман. Он тоже еще спал. Мой ранний звонок его разбудил и удивил. Наверное, не меньше, чем заданный вопрос.

– Ускорить получение шведской визы? – еще не до конца проснувшись, повторил он вслед за мной.

– Да. Твои связи наверняка покрепче моих будут.

– А когда она тебе нужна – эта виза?

– Как можно скорее, если сегодня же сдам все необходимые документы в визовый центр!

– Сегодня не сдашь. По субботам они не работают. И завтра тоже. Тебе нужна выписка со счета в банке, а банк даст ее тебе в лучшем случае только в понедельник – послезавтра... Плюс билеты и бронирование, копии которых надо приложить к заявлению на выдачу визы...

– Все это будет! Будет сегодня. Ну, кроме выписки, наверное... Если в понедельник сдам документы, сможешь?

– Конечно! О чем речь? Только мне сразу позвони, я все устрою. Если сдашь все до обеда, гарантирую, что на рассмотрение они попадут на следующее утро, то есть во вторник. И к вечеру ты уже будешь знать о результатах... Может, даже получишь паспорт с визой на руки... Но, даже если все пройдет без проблем, рассчитывай на среду. Не раньше.

– Это было бы идеально...

– А что за срочность такая?

– Как с тобой поговорили, понял, что соскучился! Нафиг все – и переезд на отдельную квартиру, и работу... Хочу туда. Просто поехать, пожить в свое удовольствие...

– Надолго?

– Как получится... Не знаю, еще... Было бы неплохо сразу на полгода или на год.

– Ого! Я смотрю, ты серьезно все решил...

– А что, проблемы могут быть?

– Не знаю... Тебе никто приглашение сделать не может? Да, это оттянет все на день-другой с пересылкой экспресс-почтой, зато в выдаче визы точно не откажут! Один лишний день ожидания не стоит того? Ты подумай, это и с бронированием гостиницы вопрос снимет. А по факту потом сможешь найти жилье по душе и по карману... Как ты на это смотришь?

– А ты точно сможешь? – переспросил я. – В любом случае?

– Я же сказал, что помогу!

- О-кей... Я подумаю и перезвоню... Прости, что разбудил.
- Да без проблем. Звони в любое время!
- Спасибо.

Идея Вадима мне понравилась.

Первым делом я почему-то сразу подумал о Кайсе Энгстрём. Думаю, что она не отказала бы в помощи. Даже из вредности. Даже если была очень зла на меня. Только я сразу же отменил эту идею, потому что мне не хватило бы наглости просить ее о таком одолжении после моего безобразного поведения на борту самолета, которым нас эвакуировали из Газабуре. Даже при том, что не помнил о том, чего наговорил ей в самолете. К тому же я вспомнил, что так и не попрощался с ней и своими шведскими коллегами после приземления в Кано, что тоже выглядело крайне по-хамски. Особенно после того, как эти люди защищали меня на трапе самолета буквально под обстрелом боевиков «Боко-Харам» и отстаивали мое право лететь с ними вопреки официальному предписанию и желанию пилота послать меня ко всем чертям, оставив погибать на раскаленных войной нигерийских задворках. И прежде, чем просить ее о чем-либо, я считал, что должен перед ней извиниться и поблагодарить.

Из всех остальных шведских коллег я не стал бы тревожить никого, кроме пожилого Олофа Хенриксона. Вот только постигшее его семью несчастье – скончавшийся от передозировки сын-наркоман – говорило не в пользу такого выбора. Этого человека не стоило нагружать дополнительными проблемами.

Поэтому, вторым в моем списке был Андерс Хольм. Репортер, который, если мне не изменяла память, тоже собирался возвращаться в Стокгольм после нашей эвакуации в Кано и чей номер телефона когда-то был предусмотрительно записан в мою записную книжку, но почему-то не в телефон. С ним мы не были ни друзьями, ни коллегами. И познакомились всего пару месяцев назад. Несколько раз пересекались в общей компании, на посиделках в занюханных барах или в сутолоке палаточного лагеря миротворцев ООН и нашего полевого госпиталя. Но я был уверен, что этот татуированный лохматый бородач с серьгой в ухе мне не откажет в подобного рода просьбе. Хотя бы, потому что ему, как он сам любил выражаться, «такая движуха всегда была по приколу». И все же на этого человека у меня были совершенно иные планы, в случае если за последнюю неделю нелегкая не сорвала его с места и не занесла в какой-нибудь другой уголок планеты, раздираемый очередным конфликтом.

И тогда я вспомнил еще кое-кого. Людей, с которыми меня когда-то связывали поначалу только рабочие, а потом не просто приятельские, но, скорее, даже похожие на дружеские отношения. Это была замечательная молодая пара, пожившаяся около полутора лет назад. Ивор и Аника Хедлунд. Мы познакомились еще до того, как я впервые примерил на себя имя и жизнь Эрика Хансена. Они работали в одном из стокгольмских журналов, для которого я несколько раз выполнял заказы, переводя с русского и английского на шведский язык ворох зарубежных статей и документов о новинках автомобильного рынка.

Проблема заключалась в том, что, покидая Стокгольм чуть более года назад, я с ними тоже не попрощался и после этого ни разу им не написал и не позвонил. Впрочем, от них тоже вестей не было. Но это и не удивительно, ведь, вернувшись тогда в Москву, я больше ни разу не пользовался шведской сим-картой и даже не помнил, куда она подевалась. Поэтому дозвониться мне никто из старых знакомых не мог, даже если пытался. А почти все шведские контакты, сохраненные в телефоне, канули в небытие вместе с этим же телефоном, когда его у меня украли к концу первой недели пребывания в Африке. Поэтому контакты Ивора и Аники мне стоило поискать в своей крохотной старой записной книжке в кожаном переплете. Эту книжицу я умудрился истрепать до состояния ветхой рукописи с вываливающимися измятыми и изорванными страницами, но, тем не менее, протащил с собой через нигерийский кошмар.

– Ну, что? – спросила мама, когда я, переступив порог квартиры, принялся стягивать с себя плащ.

Видимо, мое ковыряние ключом в замке ее разбудило, но было видно, что она тоже провела бессонную ночь. Если она и спала, то, скорее всего, урывками. И теперь стояла в накинутом на плечи халате посреди узкого коридора, потирая заспанные глаза.

– Что? – переспросил я, разуваясь, но, не выпуская из рук газету, которую протаскал всю ночь за пазухой.

– Ты говорил с отцом?

– То есть, в том, что я его нашел, у тебя сомнений нет...

– Ох... Он позвонил мне перед вылетом.

– Тогда ты прекрасно знаешь, что мы с ним говорили.

– Да, я знаю.

– Тогда зачем спрашиваешь?

– Потому что я не понимаю, что с тобой происходит, Володя. Ты вернулся из Швеции сам не свой. Словно потерянный... И злой... Говорил, что знать его больше не желаешь. Потом в эту Африку собрался и уехал, поругавшись с ним. Не звонил толком, ничего о себе не рассказывал, как ты там, а теперь снова вернулся на себя не похожим. И снова с отцом поругался...

– Сейчас мы с ним не ругались!

– А что же тогда произошло? Ты в бешенстве был вчера весь вечер и полночи. Сомневаюсь, что вы просто мирно побеседовали...

– Он жаловался тебе на меня?

– Нет. Ты знаешь, что он не умеет жаловаться...

– Правильно! Он не жалуется, он всегда занимает позицию учителя и каждым своим словом долбит, как указкой, по голове. И делает это назидательным тоном, ведь он всегда прав! И тебе наверняка в упрек ставил то, что ты меня не так воспитала. Я прав? Скажи мне! Ну? Разве нет?

– Володя...

– Что он тебе сказал?!

– Он позвонил, сказал, что вылетает через час с небольшим. Сказал, что разговаривал с тобой, и ты был не в себе. Сказал, что, возможно, ты не понимаешь сейчас, что делаешь и все наши с ним слова и уговоры – это пустая трата времени и сил. Но при этом твой отец попросил меня не мешать тебе, что бы ты ни задумал сделать. Пусть наломает дров, пусть набьет шишек, но переберется и возьмется, наконец, за голову. Вот, что он сказал мне перед тем, как положить трубку.

– Да? Отлично. Вот и не мешай, мама. Просто сделай все, как обычно. Сделай так, как он решил, и все...

– Не мешать чему? Что он имел в виду, Володя?

– Не мешай мне делать то, что я задумал!

– А что ты задумал? Я же ничего не понимаю.

– Уехать. Не мешай мне снова уехать!

– На новую квартиру?

– Нет. Я уже отменил все встречи с риэлторами. Отдельное жилье мне больше не нужно.

– Нет? А куда? Куда ты собираешься опять уехать?

– В Стокгольм, мама. В Швецию.

В ответ мама только удивленно вскинула брови, но ничего не ответила. Лишь проводила меня встревоженным взглядом, когда я прошел мимо и уселся за компьютер в своей комнате. Постояла в дверях, подпирая плечом дверной косяк, пока я включал компьютер и ждал, когда загрузится операционная система, и только потом спросила:

– Позавтракаешь?

– Нет, спасибо. Я чуть позже сварю себе кофе. Иди, поспи, пожалуйста.

И она оставила меня наедине с ожившим экраном и клавиатурой.

А я принялся искать интересующую меня информацию. Во-первых, посетил сайт Шведского визового центра и уточнил перечень документов, необходимых для получения визы. Сразу скачал форму анкеты и заполнил ее.

Потом прикинул, что при самом удачном раскладе я смогу получить все необходимые для выезда из страны документы не раньше, чем через пять дней, то есть в следующую среду, а может быть даже в четверг. Разозлился, но решил не пороть горячку и на всякий случай купил себе билет на единственный прямой утренний рейс в пятницу.

Получится ли у меня повернуть дело с пригласительным письмом, я не знал. Но даже в случае успеха точно не собирался ютиться у кого-то. Поэтому потратил еще немного времени на поиски своего возможного пристанища в шведской столице и спустя сорок минут остановил выбор на трехзвездочном отеле, который представлял собой переоборудованный особняк восемнадцатого века, расположенный в оживленном районе Сёдермальм недалеко от станции метро Зинкенсдамм. Там было все, что мне могло понадобиться: крыша над головой, постель, собственный туалет и душ, включенные в стоимость проживания завтраки, Wi-Fi и парковка на случай, если я решу арендовать автомобиль. Крохотный номер в мансарде, к которым я испытывал необъяснимую слабость, я забронировал на целый месяц.

Когда с покупкой билетов и выбором жилья было покончено, я ненадолго отвлекся, чтобы сварить себе кофе и сделать пару бутербродов. Затем, вернулся за компьютер с кружкой и тарелкой, чтобы в процессе перекуса отыскать адрес и узнать время работы ближайшего отделения банка, обладателем карты которого являлся. Мне повезло – ближайший офис сегодня открывался в десять утра и работал до четырех часов дня.

Следующим этапом моей подготовки был поиск своей записной книжки, которую я нашел в нижнем ящике письменного стола, куда бросил ее по возвращении из Нигерии. Отыскал в ней нужные мне записи и на всякий случай переписал на отдельный листок номера Кайсы Энгстрём и Ивора с Аникой. А вот с номером Андерса Хольма вышла досадная неприятность – несколько страниц, в том числе и та, на которой был накарябан его номер, когда-то размокли от пота или от дождя, и разобрать размытые цифры стало невозможно. Только часть имени и фамилию.

Я, сжав кулаки, выругался, отложил записную книжку на край стола и, несмотря на разницу во времени между Москвой и Стокгольмом, позвонил на домашний номер Ивора и Аники. Там еще было раннее утро – около восьми. Но я помнил, что эти двое были жаворонками, которые всегда, даже по выходным, вставали ни свет ни заря.

– Да... – после нескольких гудков ответил мне в трубку молодой, но замученный женский голос, который тут же был перекрыт громким детским плачем.

– Аника? – переспросил я. – Аника Хедлунд?

– Да... – ответила девушка. – Кто это?

Ребенок продолжал разрываться криком.

– Это Владимир. Помнишь? Переводчик... русский...

– Ого!!! Ничего себе! – словно сбросив с себя оцепенение, с неподдельной радостью воскликнула Аника, заглушая на этот раз голос ребенка. – Владимир! Конечно, помню! Вот так сюрприз! Жаль, Ивора сейчас нет. Вот бы он обрадовался!

– А где он?

– С утра пораньше убежал в редакцию. Им скоро материал в печать сдавать, а у нас на той неделе двое сотрудников уволились – подались в более крупные издания, где и работа престижнее и зарплата повыше. Ну, и я, как ты понял, сейчас им не помощник... дома дел по горло...

– Ой, Аника, прости... Я, наверное, разбудил малыша?

– Не-е-ет, не переживай даже! – поспешила ответить Аника, судя по звукам, пытаюсь параллельно укачать на руках ребенка, который убавил громкость и теперь просто агукал

рядом с трубкой. – Мы ранние пташки, если ты помнишь! Уже два часа, как не спим и пытаемся командовать мамой.

– Ясно. Конечно, я помню. И давно вы с Ивором стали родителями?

– Месяцев пять назад.

Я присвистнул.

– А ты там не женился еще?

– Нет... в последнее время не до того было...

Аника ничего не ответила сразу, потому что ненадолго отвлеклась на ребенка. А я воспользовался этой заминкой, быстро перехватил инициативу и сменил тему:

– У вас мальчик или девочка?

– Девочка. Свеа Хедлунд – наша принцесса!

– Красивое имя. Поздравляю вас, друзья!

– Спасибо. А ты куда пропал? Где был все это время? Мы пытались тебе дозвониться, но твой мобильный каждый раз был отключен, а потом его и вовсе заблокировали. И твой почтовый ящик, через который мы обычно переписывались по работе, как бездонная пропасть...

– Если расскажу, где я был и что делал, Аника, ты мне все равно неверишь... А на почту, через которую принимал заказы на переводы, я действительно не заглядывал уже больше года... С тех самых пор, как уехал из Стокгольма. Так получилось, что с основной работой на тот момент пришлось покончить и вернуться в Москву.

– Так ты дома все это время был, в Москве?

– Нет. Я целый год и два месяца пробыл в Нигерии. По возвращении из Стокгольма практически сразу подал документы в Красный Крест и уехал в Африку, а в последнее время был прикомандирован там к шведской миссии. Неделю назад только вернулся домой.

– Невероятно! Я в шоке... Честное слово!

– Знаешь, я тоже. Сейчас вспоминаю, и думаю, что не со мной все это было. А вы с Ивором простите, что я так пропал и даже словом не обмолвился...

– Ну, всяко бывает... Мы не в обиде! И я очень рада, что ты позвонил!

– Спасибо. Я тоже очень рад тебя слышать. Но я по делу... Точнее, с просьбой...

– Ну, если ты веришь в то, что отчаянная домохозяйка, погрязшая в готовке, уборке и уходе за ребенком, а также ее муж-трудоголик могут тебе чем-то помочь, мы очень постараемся тебя не разочаровать! – Аника приветливо рассмеялась. – Что у тебя за просьба?

Тогда я рассказал ей о необходимом мне письме-приглашении. Пока говорил, думал, что, наверное, ничего из этой затеи не выйдет, но Аника, не задумываясь, ответила согласием. Единственное, о чем попросила – это подыскать себе жилье, потому что в их крохотной квартирке им самим с трудом хватало места. Я заверил ее, что уже забронировал номер в отеле, но попросил не спешить с ответом и обсудить этот вопрос с Ивором. А она отмахнулась, сказав, что муж будет только рад моему возвращению из небытия и не откажет помочь. И, тем не менее, я настоял, чтобы мы созвонились еще раз ближе к вечеру, когда Ивор вернется домой из редакции. На том и попрощались.

После разговора с Аникой я быстро собрался и в приподнятом настроении отправился в банк, где отстоял огромную очередь из клиентов, отложивших решение насущных вопросов на выходной день, но к обеду уже заказал выписку со счета, которую мне пообещали выдать в понедельник. А когда возвращался домой, мне, не дожидаясь вечера, перезвонил Ивор Хедлунд и в шуточной форме сперва отчитал за то, что я пропадал столько времени, не давая о себе ничего знать. Потом обсыпал радостными восклицаниями и приветствиями. Разумеется, Аника сразу же после нашего с ней разговора позвонила ему и рассказала о моей просьбе. И Ивор с уверенностью подтвердил слова своей супруги. Я мог рассчитывать на письмо-приглашение, но с обязательным условием – в первый же день по приезду прийти к ним на ужин. Конечно же, я согласился. И моей радости не было предела.

Я сразу же перезвонил Вадиму, как обещал, и подтвердил, что моя просьба остается в силе, а он заверил в том, что непременно поможет. Оставалось только набраться терпения.

И я стал ждать, считая минуты, часы и дни.

Самым невыносимым и практически безрезультатным оказалось воскресенье, если не считать, что этот день я от и до посвятил походу по магазинам в поисках всего необходимого, что могло пригодиться в моем деле. Для начала я купил средних размеров сумку, а затем собрал весь гардероб, который планировал надеть в дорогу и взять на смену с собой. Две пары не стесняющих движений туристических брюк, к которым так привык за год в Африке, прочные и удобные туристические ботинки на шнуровке, несколько комплектов нательного белья и носков, две черные водолазки, две голубые хлопковые рубашки, и тонкий, но теплый шерстяной свитер под горло. Из верхней одежды я планировал взять лишь кожаную куртку и свой короткий плащ. Ну и, разумеется, шерстяную шапку, чтобы мама была спокойна.

Помимо шмотья, я обзавелся хорошим смартфоном с расширенной памятью и сильной батареей, куда перенес все контакты из старого кнопочного телефона, купленного еще в Абудже взамен украденному, а также номера из своей потрепанной записной книжки, которую, впрочем, тоже планировал взять с собой.

Понедельник ознаменовался двумя событиями: получением выписки с банковского счета, подтверждающей мою платежеспособность, и звонком Ивора и Аники, которые сообщили, что письмо-приглашение было оформлено и отправлено мне экспресс-почтой. Больше ничего интересного. Только томительное ожидание и разглядывание фотографии в газете, которая в одночасье так кардинально поменяла все мои представления об окончании истории более чем годичной давности и планы на ближайшее будущее.

Оба дня мама не приставала ко мне с расспросами, но с тревогой поглядывала на собранную сумку и стопку документов на краю стола.

Во вторник после обеда мне доставили долгожданное письмо, которое я тут же приложил к собранному комплекту документов. Заказал такси и отправился напрямик в визовый центр. Подал заявку, передав все заполненные формуляры приветливой девушке-операционисту, и снова позвонил Вадиму.

– Жаль, что до обеда не получилось сдать документы, – ответил он, – но я посмотрю, что можно сделать... Если не завтра, то в четверг виза точно будет у тебя на руках. Не бойсь!

Всю среду я провел, как на иголках в ожидании звонка. Но телефон упрямо молчал. Я нервничал, глядя на часы, мама – глядя на меня. Постоянно спрашивала, не хочу ли я есть, пить, спать или прогуляться... Но я не хотел ничего из того, что она предлагала. Просто сидел в кресле и скучно убивал время. В итоге она все-таки спросила:

– Кто эта девушка на снимке в газете?

Я так и опешил. Даже не нашел, что сразу ответить.

– Володя. Неужели, ты думаешь, что я ничего не понимаю. Хорошая или плохая, я твоя мама, и я прекрасно вижу, что сердце твое сейчас не на месте. Я же помню, с чего началось твое помешательство. В прошлую пятницу ты явился домой с этой газетой в руках и неистовым желанием поговорить с отцом.

Уж не знаю, о чем вы там говорили в аэропорте, но с того самого дня эта газета лежит на твоём столе, развернутая на странице с фотографией, где я, кроме вполне симпатичного женского лица, к сожалению не вижу ничего интересного. Да, я не знаю, о чем написано в статье – иностранным языкам не обучена, но я вижу, как ты часами смотришь на это фото. Отсюда я делаю вывод, что тебя не интересует ни одно слово из текста... только фото... Я права?

– Да, – кивнул я в ответ.

– Ты знаешь ее?

С моей стороны снова последовал кивок. На этот раз молчаливый, без слов.

– Твое неожиданное возвращение из Стокгольма в прошлом году и разлад с отцом как-то с ней связан?

Очередной кивок. Я был не в состоянии выдать из себя ни слова.

– И поэтому ты тогда уехал в Нигерию? Туда, где идет война. Зачем?

– Да, поэтому. Назло ему – Анатолию! А еще, чтобы не вспоминать о ней! Но это не помогло...

– Ты ее любишь?

– Не знаю... Наверное, да...

– А она тебя?

– Не знаю... не уверен... Зачем тебе это, мама?

– Затем, что я ничего о тебе не знаю. Вижу, как ты места себе не находишь, но не пойму почему. Скажи мне, почему именно сейчас?

– Что сейчас?

– Почему сейчас решил вдруг вернуться в Швецию? Ведь столько времени прошло. Почему тогда не остался, если считаешь, что у тебя к ней чувства?

– Это долгая история, мама, детали которой тебе знать не следует. И еще я тогда думал, что ее нет в живых. Анатолий мне так сказал... Чтобы я согласился поскорее убраться из Стокгольма и вообще из Швеции.

– Нет в живых? Анатолий так сказал, чтобы ты уехал? – еще более встревожено переспросила мама, садясь напротив меня на край кровати. – Что у вас там такое произошло, Володя? А ну-ка рассказывай!

И я рассказал. Не знаю, зачем. Но рассказал все. Абсолютно все – до самой последней мелочи. Вопреки всем данным Анатолию обещаниям не разговаривать на эту тему ни с кем вообще. Не стал упоминать только про то, как собственноручно утопил человека и не испытывал по этому поводу ни малейшего угрызения совести.

Мама и без того была в шоке.

Она становилась все бледнее по мере того, как я продолжал свой рассказ, а под конец ее лицо совсем осунулось и помрачнело. Руки безвольно легли на колени. По-моему, она была в ужасе от всего услышанного. И пока я говорил, она не проронила ни звука.

– После тех событий Анатолий разочаровался во мне, как в сыне. Для него я предатель. Он и по сей день считает, что я слабак и тряпка. Что я не обладаю качествами, которыми должен быть наделен настоящий мужчина... Ну и ладно... Если скажешь ему, пусть это будет лишним подтверждением его правоты. Мне плевать. Я буду жить и поступать так, как сам считаю правильным, а не для того, чтобы оправдать его ожидания. Я не должен был всего этого тебе рассказывать, мама. Но скажи честно, не такого сына ты хотела вырастить, да?

– Не говори глупостей, Володя. Я знаю, что вырастила хорошего человека... Но мне сейчас страшно! И если раньше я не понимала абсолютно ничего и не знала, чего бояться, то теперь, после всего, что ты мне рассказал, этот страх приобрел вполне отчетливую форму. Я боюсь за твою жизнь! Наверное, даже сильнее, чем когда ты неделями пропадал без связи, находясь в своей Нигерии.

– Не думаю, что в Швеции будет опаснее, чем в Африке...

– Все равно... Эта девушка правда так важна для тебя?

– Да, мама. Я знаю, когда было сделано это фото – двенадцать дней назад. Я хочу узнать, где именно. Я хочу попытаться найти ее, чем бы эта затея мне ни грозила. И не смей даже пытаться меня отговаривать. Тебе это не удастся, мама. Еще никогда в жизни я не был настолько уверен в своем желании. Я все равно поеду.

– Конечно, поедешь... Плохо только, что отец в курсе твоей затеи... Раз уж ты с ним разговаривал на эту тему. Ты ведь за этим искал его тогда всю ночь... Плохо, что он знает о фотографии в газете...

– Да, я с ним говорил, но газету не показывал. Он понимает, что я сомневаюсь в гибели Элис, но не знает, что я уверен в обратном. И не думаю, что он пристально следит за шведской прессой, чтобы заметить, как лицо той, которую он мне когда-то представил погибшей, случайно мелькнуло на страницах в периодике.

Мама лишь грустно улыбнулась мне в ответ, взяла за руку и тихо сказала, глядя в глаза:

– От меня он ничего не узнает, Володя. Можешь не волноваться. И останавливать я тебя не собираюсь, хотя и отпускаю с тяжелым сердцем... Как будто в последний раз...

Я хотел сказать, чтобы она не говорила подобных глупостей, но именно в этот момент мой телефон разразился звонком.

Это был Вадим, который, наконец, сообщил, что все в порядке, и завтра я смогу получить свой паспорт с открытой на год визой. Еще через полчаса мне позвонили из визового центра и подтвердили то, что я уже услышал от Вадима.

К вопросу о причинах моей предстоящей поездки мы с мамой больше не возвращались. Впрочем, как мне казалось, все самое важное мы друг другу уже сказали, и быстрое напряжение будто рукой сняло.

В четверг паспорт с визой действительно ждал меня в визовом центре Швеции. Забрав его, я еще раз позвонил Вадиму и договорился о встрече. После обеда мы пересеклись в центре города, где выпили по чашке кофе, и я, не зная, как еще его отблагодарить, вручил ему бутылку дорогого коньяка, которую он еще не хотел брать. Потом вернулся домой и все оставшееся время пребывал в состоянии возбужденного предвкушения, которое даже ночью не дало мне сомкнуть глаз.

А в пятницу 30 сентября в 11:25 утра я вылетел прямым рейсом авиакомпании «Аэрофлот» из аэропорта Шереметьево по маршруту Москва – Стокгольм.

5

Швеция. Стокгольм.

В шведской столице было пасмурно.

Небо над аэропортом Арланда затянуло серой дождливой пеленой, но на работу воздушной гавани это никак не повлияло, и после двухчасового перелета самолет совершил посадку в 11:40 по местному времени.

Я быстро получил багаж – свою полупустую сумку, которую пришлось сдать в Москве из-за наличия в ней бритвенных принадлежностей, мужского маникюрного органайзера и швейцарского ножа, а потом без проблем прошел таможенный досмотр и паспортный контроль. Вот, что значит, быть уверенным в своем законном статусе, а не трястись, протягивая пограничнику пусть надежные, но все-таки чужие документы.

Я шел, прихрамывая на правую ногу, но передвигался вполне сносно, отказавшись от своего подлокотного костыля еще в начале недели. Меня окружало множество спящих во всех направлениях людей, разноязычные голоса, объявления по громкой связи, указатели и реклама на шведском и английском языках – привычная непрекращающаяся суэта крупного международного аэропорта. Постоянное движение людей и механизмов, которое заряжало энергией и духом авантюризма.

Первым делом я сверился с расписанием движения Шаттлов – автобусов, курсировавших между аэропортом и центром города, но понял, что один из них ушел буквально у меня из-под носа, а следующий надо было ждать около получаса. И тогда я отправился на подземную железнодорожную станцию, откуда в город уходили поезда «Арланда Экспресс», которые прибывали на Центральный железнодорожный вокзал Стокгольма.

Поезд уже стоял у платформы. Я поспешил купить билет в автоматическом терминале и едва успел запрыгнуть в ближайшие двери, которые сразу же захлопнулись за моей спи-

ной. Плюхнулся на свободное место у окна, покрытого прозрачными бисеринками дождевых капель, и выдохнул, словно мысленно поставил на полях крестик – знак выполнения очередного этапа.

Задумался, и почувствовал, что меня преследует ощущение дежавю. Так уже было. С той лишь разницей, что в прошлый раз этим маршрутом следовал не Владимир Старостин, а Эрик Хансен. Но и я сейчас, и Эрик Хансен год с лишним назад, глядя на проносившийся за окном размытый в пасмурной дымке урбанистический пейзаж, думали об одном и том же человеке – об Элис Бергман. Только теперь я точно знал, что она жива. И у меня на руках было неоспоримое доказательство – газета с фотографией, которая лежала в моей сумке. Доказательство, которое меня вдохновляло, придавало сил и заставляло двигаться вперед – навстречу своему собственному желанию, а не под влиянием необходимости, навязанной извне.

Спустя двадцать минут поезд остановился у платформы на центральном вокзале и открыл двери, чтобы выпустить в город очередную порцию прибывших и увезти тех, кто решил навсегда или временно попрощаться со шведской столицей. Вместе с плотным людским потоком я поплыл в направлении станции метро Т-Сентрален, где мне предстояло сесть на один из серебристых поездов с раздвижными дверями синего цвета, обслуживающих маршруты Т-13 и Т-14 красной ветки столичной подземки.

Ирония судьбы или закономерность? Может быть, я, выбирая себе гостиницу, подсознательно искал место поближе к адресу, с которым связано столько воспоминаний. По большей части не очень хороших. Кроме одного – там, на улице Бастугатан в доме под номером 31, Элис Бергман однажды уже воскресла из мертвых. Пусть, всего на несколько часов и уже не в качестве милой девушки, с которой можно было планировать совместное будущее, но это событие тогда невероятно перевернуло всю мою прежнюю жизнь. Я узнал ее, как очень жесткую и беспринципную особу, готовую даже убить ради дела или собственной безопасности. И, тем не менее, я все же верил, что в ней оставалось место для порядочности, сочувствия и человечности. Иначе, в тот самый день я не отделался бы, просто получив коленом в промежность, а схлопотал пулю в затылок, сидя за рулем машины на нижнем уровне подземной парковки торгового центра.

Не знаю, почему она тогда оставила меня в живых. Может быть, потому что в тот же день я тоже помог ей спастись от преследователей. Но чем чаще я об этом думал, тем отчетливее понимал: в тот момент я не торговался с ней за свою жизнь, а просто хотел помочь, потому что мне была невыносима мысль о том, что кто-то причинит ей вред. Вот и Элис отплатила мне тем же – не стала отнимать жизнь, отблагодарив за помощь, но врезала промеж ног и бросила, отомстив за то, что до этого водил ее за нос, представляясь другим человеком.

Вот о чем я думал, пока голос из динамиков объявлял одну за другой станции метро, которые мы проезжали: Гамла Стан, Слюссен, Мариаторгет. Последняя ближе всех располагалась к тому месту, где когда-то жил настоящий Эрик Хансен, и, наконец Зинкенсдамм – строгая в своем оформлении станция, стены и пол которой были выложены кафельной плиткой в светло-серых и коричневых тонах. Это была моя остановка.

Покинув вагон поезда, я осмотрелся. Меня окружали спешащие по своим делам незнакомые мужчины и женщины, которых словно объединяла одна общая цель – поскорее покинуть это замкнутое пространство из старого, но чистого кафеля, уставшего металла и потертого тусклого стекла. Понял, что все идут в одну сторону и пошел следом.

Выход на поверхность был всего один, и это во многом облегчило мне задачу с ориентированием на местности, когда я оказался на улице. Прошел буквально несколько шагов вверх по Рингваген и на первом же перекрестке свернул налево на улицу Браннкиркгатан, на которой и находился отель.

Я увидел его издалека. Он словно бастион возвышался над массивной подпорной стеной, вдоль которой вверх тянулась брусчатая пешеходная дорожка, которая привела меня к высо-

ким решетчатым воротам и калитке в высоком заборе. За ними располагался милый вымощенный камнем дворик с зеленой лужайкой, в центре которого росло огромное старое дерево. Сам отель представлял собой большой двухэтажный особняк в форме вытянутой в ширину буквы «П», который состоял из центрального здания и двух крыльев поменьше.

Чтобы попасть внутрь, я позвонил по интеркому и представился постояльцем, забронировавшим в отеле номер. Меня тут же пустили, и я поспешил войти внутрь, чтобы официально оформить на стойке регистрации свое заселение.

Мой номер располагался под самой крышей в мансарде центрального здания. Это была крохотная, но очень уютная комнатка со скошенным потолком и маленьким окошком, в которое можно было выглянуть, только привстав на цыпочки. Впрочем, это не было для меня неудобством. Все, что мне было нужно – это кровать, чтобы спать, шкаф, чтобы бросить туда свои вещи, сейф, чтобы запереть документы и деньги, которые я не планировал постоянно носить с собой, письменный столик, телефон и беспроводной интернет.

Опустошив свою сумку и разложив все вещи по местам, я отправил маме сообщение, что прилетел и разместился в отеле, потом принял душ и, завалившись на кровать, снова взял в руки телефон. На часах было 13:22. Пора бы уже было предупредить чету Хедлунд о своем приезде. Тем более что я просто обязан был выполнить обещание почтить их своим визитом в день прибытия и отужинать вместе с ними. Но Ивор на мой звонок не ответил, и автоответчик попросил меня оставить ему голосовое сообщение. Видимо, он был занят на работе. Я поздоровался, сказал, что уже в городе, остановился в отеле и собираюсь позвонить Анике, чтобы договориться о времени визита.

Аника ответила сразу. Как всегда, она была очень рада меня слышать, но говорила шепотом и быстро, потому что ребенок спал, а она в это время хлопотала на кухне, готовясь к вечерней встрече. Мы договорились о времени, и я не стал больше отвлекать ее от домашних хлопот. А сразу после того, как мы закончили говорить с Аникой, мне перезвонил Ивор и подтвердил все то же самое.

В общем, меня ждали в гости часам к шести вечера, и в запасе я имел еще целую кучу времени, которое нужно было использовать с максимальной пользой. Поэтому я встал с кровати, оделся, потому что перед своим будущим собеседником даже по телефону стеснялся предстать в одних трусах, собрался с духом и позвонил Кайсе Энгстрём.

– Алло, – ответила девушка почти сразу же.

Я вдруг понял, что мое горло словно сковало клещами, и я не могу выдавить из себя ни слова, даже банальное «привет».

– Алло... – повторила она. – Я вас не слышу... говорите... Кто это?

– Э-э-э... Кайса? – зачем-то спросил я. – Это ты?

– Да. С кем я говорю?

– Кайса, это Владимир... Привет...

На этот раз с ее стороны повисло долгое молчание.

– Кайса, привет. Очень рад тебя слышать! – чтобы повисшая пауза не сильно затягивалась, снова поздоровался и затараторил я, пытаясь скрыть свое волнение. – Я хотел изви...

– Я не рада тебя слышать! – резко оборвала она меня, сделав акцент на «Я». – И я надеюсь, ты понимаешь, почему...

– Да, Кайса, я догадываюсь. Прости меня, пожалуйста... Знаю, я должен был тебя поблагодарить и по-человечески попрощаться не только с тобой, но и со всеми ребятами. Просто в Кано так все быстро и непонятно получилось. Я сам опомниться не успел, как меня уже отправили домой и...

– Нет, ты не понимаешь!

– В смысле?

– Слушай, там, в Африке я прекрасно видела то, что все время, сколько мы были знакомы, ты вел себя, как надменный и эгоистичный мудака, при этом вроде бы не являясь таковым. Словно перед всеми и перед самим собой притворяясь хладнокровным и бесчувственным чурбаном... замкнутым, не разговорчивым и внешне равнодушным ко всему происходящему. Ну, может быть, кроме того случая, когда просил у меня ключи от машины, чтобы помочь Олуджими вывезти из Газабуре его семью. Но на самом деле ты всегда и всем был готов помочь в чем угодно, не жалея себя. Как будто назло всему миру. Как будто изо дня в день только и делал, что стремился сам себя сломать.

И, знаешь, в этом я отчасти могла тебя понять – многие из нас лезли в самое пекло с целью заглушить свою тоску или тревогу, пережить бывшее разочарование или горечь потери. Мало кому действительно нравилось то, что мы делали, и помощью другим людям, мы лечили собственные болячки. У кого-то это получилось, а у кого-то – нет. Это уж кому как повезло. Именно поэтому я могу тебе простить то, что ты тогда уехал и даже не попрощался. О благодарности в мой адрес и речи быть не может – я помогала не ради признания своей заслуги, а потому что действительно переживала, что ты не выберешься оттуда живым...

– Кайса, я очень признателен тебе за все, что ты для меня сделала... Правда! И я знаю, что с моей стороны было большим свинством не сказать об этом сразу, а потом пропасть на две недели...

– Давай, так: то, что ты не попрощался – это вполне в духе человека, которого я всегда знала. Поэтому я не обижаюсь. Если тебе это все-таки важно, то извинения приняты. А вот признательность свою можешь запихнуть поглубже, сам знаешь, куда, потому что словами, сказанными тобой мне в самолете, я была О-О-ОЧЕНЬ СИЛЬНО разочарована. На этом у меня все!

– Кайса...

– И не звони мне больше.

После этих ее слов я услышал в трубке короткие гудки. Кайса отключила связь.

– Черт!

Разбить телефон о стену – вот, чего мне хотелось в тот момент. Но я не мог себе этого позволить в самом начале своего пути. Поэтому со всего маху швырнул его в подушку на кровати, а потом взял в руки и снова набрал ее номер. Но мой вызов был отклонен. Видимо, я на самом деле сильно ее обидел. Только, к сожалению, не помнил ни слова из того, что ей тогда наплел, будучи пьяным в стельку – слабое оправдание своей вины, но ничего другого у меня в запасе не было.

Усевшись на край кровати, я стал быстро набирать сообщение, в котором хотел это объяснить, но в какой-то момент остановился и удалил все, что написал. А потом вообще отложил телефон в сторону. Что-то подсказывало, что сегодня в этом направлении уже не стоило делать лишних шагов. Надо было дать ей время пережить нахлынувшие эмоции и набраться терпения. Оставалось только злиться на самого себя и проклинать собственную глупость, невнимательность и невежество.

Но никто не запрещал навести кое-какие справки и подготовиться к завтрашнему дню, когда предстояло снова поговорить с Кайсой, несмотря на полный провал сегодняшней попытки. Поэтому я снова собрался с духом и позвонил человеку, которого изначально не собирался тревожить ни при каких обстоятельствах – Олофу Хенрикссону. Но сейчас это было необходимо и к тому же не обременяло меня тем, чтобы в обязательном порядке навещать недавнего коллегу, так как чета Хенрикссонов в отличие от Кайсы Энгстрём жила не в Стокгольме, а в Висбю на острове Готланд.

Старик не сразу ответил на звонок.

Его слабый с хрипотцой безразличный голос был трудно различим на фоне работающего телевизора, и я вспомнил, как он когда-то рассказывал о своей глуховатой супруге, которая вопреки здравому смыслу не желала пользоваться слуховым аппаратом.

– Как вы? – спросил я после того, как мы обменялись приветствиями.

– Если ты о том, как мы с Лоттой переживаем смерть единственного сына-наркомана, то мы справляемся. Скажем так, для нас это неожиданностью не было. Все к тому и шло... Причем, уже довольно давно.

– Сочувствую.

– Спасибо. Как твоя нога, парень? Хромаешь?

– Хромаю, – ответил я. – Спасибо, что вынули пулю и помогли Кайсе посадить меня на тот самолет, сказали, что я с вами, когда я назвался другим именем.

– Ты уже благодарил меня за это... Так что не стоит повторяться.

– Да? Я и не помню...

– Не удивительно. Вы тогда с этим обезьяноподобным репортером неплохо так набрались в полете. Уж на радостях или от страха, не знаю. И, знаешь, дело твое, конечно, но я бы тебе посоветовал больше не прикладываться к бутылке, если потом не можешь держать себя в руках и следить за тем, что и кому говоришь...

– Вам я тоже чего-то наговорил?

– Нет. Мне, слава богу, нет. Иначе, я бы с тобой сейчас не разговаривал.

– Да, уж... Хочется списать это на стресс, но не буду обманывать вас и себя тоже...

– Ой, избавь меня от этого! – вздохнул старик в трубку. – Говори уже, зачем я тебе понадобился. Ты же не просто так позвонил, чтобы поболтать по душам?

– Да вообще-то...

– Ну, так выкладывай уже.

– Я хотел вас спросить о Кайсе.

– Ты ее сильно обидел, парень! Поверь мне, я ее давно знаю, но еще никогда не видел такой расстроенной. И ей на самом деле есть на что обижаться, потому что я слышал твои слова...

– И что я ей сказал?

– Об этом тебе лучше с ней поговорить, а не со мной.

– Так в том-то и беда, что она не хочет говорить со мной. Бросила трубку и не отвечает на звонки. Даже не позволила толком извиниться.

– А я тогда чем могу тебе помочь?

– Я подумал, может, у вас есть ее адрес в Стокгольме?

– И ты, ради того, чтобы извиниться, поедешь в Стокгольм?

– Я уже здесь.

– Хм... Даже так? Признаюсь, Володя, – медленно заговорил он после небольшой паузы, как и большинство иностранцев, произнося мое имя излишне смягчая в нем последнюю согласную. – Уверен, что я много чего выслушаю от Кайсы, если дам тебе ее адрес, и она об этом узнает.

– Я не скажу ей. Не выдам вас. Честное слово, Олоф!

– А то она совсем дурочка и не поймет! – не без возмущения и с вызовом резко ответил мне старик, но потом вздохнул и, словно махнув рукой, проговорил. – А черт с тобой. Запишешь?

– Сейчас! Секундочку! – я бросился к письменному столу, открыл свой разваливающийся блокнот на пустой странице и, схватив ручку, приготовился записывать. – Да, говорите... Я готов!

– Шустрый какой! По-твоему, я ее адрес на память знаю? Я тебе не суперкомпьютер из Силиконовой долины! Мне тоже надо порыться в своих записях, приятель...

Пару минут я слушал его кряхтение и недовольное сопение в трубку, шелест бумажных страниц блокнота, приглушенные покашливания его престарелой супруги вперемешку с обрывками диалога героев какого-то сериала, от совместного просмотра которого я, видимо, оторвал старика, а потом Олоф Хенриксон, наконец, сказал:

– Вот он, ее адрес. Пиши...

И я быстро записал под диктовку район, название улицы и номер дома. Более того, Олоф Хенриксон продиктовал мне ее домашний номер телефона и адрес клиники, куда Кайса Энгстрем временно устроилась медсестрой после возвращения из Африки, чтобы не сидеть без дела, пока не найдет работу получше. Я поблагодарил старика и еще раз пообещал ему не выдавать его, когда буду говорить с Кайсой. А когда пришло время прощаться, вдруг решил еще раз попытать удачу и не дал ему повесить трубку:

– Подождите, Олоф!

– Что еще? – проворчал он. – Я тебе не справочное бюро...

– Знаю. Простите, но мало ли... У вас нет телефона Андерса Хольма?

– Это тот самый патлатый репортер, разрисованный татуировками, как вождь маори, и с серьгой в ухе, с которым ты напился, когда мы летели в Кано?

– Да. Он самый.

– Нет. Того небольшого опыта общения, когда мы несколько раз пересекались в Газабуре, мне вполне хватило, чтобы понять – у нас с этим человеком нет ничего общего. Его взгляды диаметрально противоположны моим, а жизненные ценности вызывают не просто сомнение, а неприязнь и отторжение. Так что с этим вопросом обратись к кому-нибудь еще.

На этом я снова поблагодарил Олофа Хенрикссона и мы попрощались.

Разговор этот оставил какое-то гнетущее впечатление, словно я ненароком взболмунтил давно отстоявшуюся воду, потревожив этого человека. Но я мысленно придушил свою совесть и заставил ее забиться в дальний угол, успокоив себя тем, что если бы не этот звонок старому хирургу, то я не получил бы шанса поговорить завтра с Кайсой, попросить у нее прощения и попытаться выведать, где можно найти Андерса Хольма.

Я посмотрел на часы. На них было 14:05. Время тянулось медленно. Но сидеть до вечера в номере я не хотел. С каких-то пор я утратил свою прежнюю способность убивать время, просто глядя в потолок. Поэтому я запер документы, записную книжку и основную часть наличных денег в сейфе, накинул кожаную куртку, сунул во внутренний карман погремушку, купленную для малыша Ивора и Аники еще в Москве, вышел и запер номер. Спустился на первый этаж отеля, где на застекленной веранде рядом с кофе-машиной стоял поднос с печеньем и конфетами для постояльцев, и устроил себе незамысловатый полдник, прежде чем отправиться в город.

Несмотря на то, что на улице было пасмурно и ветрено, я все равно вдоволь нагулялся по средневековым мощеным улицам, дорожкам и переулкам района Гамла-Стан, по которым успел соскучиться за то время, что не был здесь. С удовольствием побродил среди старых зданий, потолкался в туристической давке на Сторторгет и едва протиснулся между домами в переулке Мортена Тротзига – самой узкой улице Стокгольма. Благо – после обеда немного распогодилось, и небо перестало осыпать город мелкой моросью.

Потом на своих двоих через все мосты и пешеходные переходы перебрался на остров Кунгсхольмен, где погулял на территории Стокгольмской ратуши и прошелся вдоль Норр Маларстранд мимо целой вереницы пришвартованных в два ряда лодок, катеров и баркасов. Выпил кофе в баре, расположившемся на понтоне в водах залива Риддафьерден, а оттуда отправился в район Мариберг.

Там я когда-то работал. В посольстве, которое располагалось на улице Гёрвельсгатан. Но появляться у ворот посольства и даже случайно встречаться с кем-то из бывших коллег я не горел желанием, поэтому ограничился тем, что постоял на пересечении этой улицы и Лагер-

лэфсгатан, с тоской разглядывая дом, в котором когда-то снимал однокомнатную мансарду, пока однажды не пришлось оттуда съехать, распрощавшись с прежней жизнью.

После, на гудящих от почти трехчасового марш-броска ногах я доковылял до станции Фридхемсплан и, ненадолго устроившись в кресле вагона метро, вернулся по зеленой ветке на три станции назад. Вышел в районе Васастан на станции Оденплан и по-прежнему пешком, не спеша, направился в гости к Ивору и Анике. По пути заглянул в магазин и купил бутылку красного вина, чтобы не приходиться с пустыми руками.

Жили они в небольшой двухкомнатной квартирке на Норртуллсгатан, доставшейся Ивору от родителей. Когда я пришел, Хэдлунды оба были дома, Ивор уже вернулся с работы, и встретили меня как родного. Обнимали и целовали. Эти двое действительно были искренне рады меня видеть. Правда, посетовали, что я зря потратился на вино, потому что они сами все купили.

А потом мы долго оживленно разговаривали за ужином. Аника приготовила потрясающие традиционные шведские фрикадельки, которые мы уплетали с картошкой и салатом. Молодые родители, по очереди нянчась с малышом, наперебой рассказывали обо всем, что случилось в их жизни за последние почти полтора года, которые мы не виделись. А потом настала моя очередь рассказывать о себе, и я поведал историю о том, как больше года проработал в Нигерии, уехав туда в составе российской миссии Красного Креста и завершив свое пребывание там, будучи прикомандированным к шведскому корпусу.

Обе бутылки вина, и ту, что приготовили они, и ту, которую принес я, мы приговорили на двоих с Ивором, потому что Аника кормила их маленькую дочь грудью, и ей нельзя было пить. Потом, когда малышка Свеа уже спала в своей кроватке, а мы в полголоса продолжали общаться, настало время десерта – шоколадного торта, который Аника испекла сама. И это было просто потрясающим завершением столь приятного вечера в компании людей, которых смело можно было назвать своими друзьями.

Но я не мог не попытаться счастья в своем вопросе, с которым, собственно, и приехал в Стокгольм. Поэтому спросил у Ивора:

– Слушай, ты случайно не знаешь парня по имени Андерс Хольм?

– Нет, не припомню такого... – ответил он и слегка окосевшим взглядом посмотрел на супругу. – А ты?

Забавно было наблюдать за этой парочкой. Он – худой и высокий, с перманентной щетиной на впалых щеках, в круглых очках и с длинными прямыми волосами до плеч, чем очень сильно напоминал Джона Леннона. Немного медлительный, словно сонный, но это только с виду. Внутри у этого парня, я знал, был заведенный и работающий на максимальных оборотах мотор. Она – наоборот, невысокая и чуть полноватая, но не потерявшая форму, улыбчивая и активная девушка, которая всегда, везде и все успевала, а также в любой момент была готова взяться за что-нибудь еще.

– Дай подумать, Андерс Хольм... Что-то знакомое... Имя точно слышала, но не могу вспомнить...

– Он – репортер-фрилансер... – уточнил я. – Но, когда я последний раз видел его в Нигерии, он работал на «Свенска Дагбладет».

– Точно! – Аника хлопнула себя ладонью по лбу. – Это парень, что лезет под пули в разных горячих точках!

– Да, он самый. В общем, я потерял его номер и подумал, что, может быть, вы его знаете. Нет?

Ивор и Аника в ответ с сожалением покачали головами.

– А кого-нибудь из «Свенска Дагбладет»? Ну, кто мог бы помочь найти этого парня...

– Я с ними никогда не работала... – ответила Аника.

Ивор снова покачал головой, поджав губы.

Это был мой провал, как сыщика, в еще одном направлении, но я решил не сдаваться и попытаться зайти не так издалека.

– Тут просто такое дело... В одном из выпусков «Экспрессен», который случайно попал мне в руки, я недавно увидел фотографию человека, которого давно потерял. – Начал я, пожалев, что не прихватил с собой саму газету, оставив ее на письменном столе в номере. – Это была статья на уже набившую оскомину тему о тотальной слежке АНБ за всеми подряд, включая обычных граждан...

– Да, я, кажется, читал ее... – сказал Ивор, кивая. – Так, из пустого в порожнее переливают... Видимо, не было другого материала, чтобы вовремя сдать номер в печать.

– Возможно. Но не в этом суть. Фото в той статье – это стоп-кадр с камеры видеонаблюдения, и на нем есть человек – девушка, которую я очень хотел бы найти. Еще на этом кадре указаны дата и время, когда он был сделан. Так вот, я хотел бы найти того, кто может сказать, где именно был сделан этот снимок. Думаю, что с этим мне помогли бы в редакции «Экспрессен». Поэтому я и пытаюсь найти Андерса Хольма, у которого, возможно, есть там связи, и который, возможно, согласился бы мне помочь по старой памяти...

– Кстати, может сработать! – ответила Аника. – Да, Ивор?

– Как вариант... – согласился тот, но без энтузиазма в голосе.

– А у вас нет выходов на «Экспрессен»? – осторожно задал вопрос я.

Аника чуть вздернула брови и опустила взгляд, а Ивор поморщился и, покачав головой, словно в растерянности развел руками.

– Ты, наверное, не в курсе... Руководство нашего журнала уже очень давно в контрах с «Экспрессен». Я сам толком не знаю всей подоплеки, но там какая-то давняя вражда, которая тянется с тех пор, когда наш нынешний шеф работал у них и его оттуда поперли... Поэтому, сам понимаешь, негласно нам запрещены все сношения с этой газетой. Одного парня пару лет назад даже уволили за то, что он для своей статьи обратился к ним, между прочим, с официальным запросом. Идиотизм – одним словом!

– Ого! Даже так! – удивился я и почувствовал неловкость оттого, что невольно мог навредить Ивору и Анике, попросив их о такого рода помощи. – Я не знал, что это может быть настолько опасно. Вы, если что, не берите в голову и даже не думайте помогать, рискуя своей работой. У меня завтра еще будет возможность все разузнать. Так что просто забудьте о моем вопросе!

На этом тема была закрыта, а спустя еще полчаса я покинул этот гостеприимный дом, потому что время близилось к ночи. На часах было почти десять вечера. К тому же было видно, что хозяйева устали и начинают зевать, а малышка, наоборот, стала беспокойно ворочаться в кровати, позвякивая подаренной мною погремушкой.

К себе я возвращался на метро. Только вышел не на Зинкенсдамм, от которой до отеля было не больше трехсот метров, а, не доезжая одной станции, на Мариаторгет, и пошел по пустынным темным улицам ночного Сёдермальма дорогой, которую, наверное, стоило уже забыть раз и навсегда. Но мне вдруг очень захотелось снова побывать там – на Бастугатан 31. И это желание я не смог проигнорировать.

Я несколько минут простоял в темноте между припаркованными вдоль тротуара автомобилями и всматривался в освещенные окна той самой квартиры на втором этаже. Это были окна кухни и гостиной, я точно помнил. Я чувствовал, как замирало и покалывало сердце, когда в памяти всплывали события тех далеких дней, когда я жил в ней под именем Эрика Хансена. Вернулся ли туда настоящий Эрик Хансен или съехал? И если съехал, то, как давно и куда? И кто сейчас там живет? Столько вопросов роилось в голове. Вопросов, ответы на которые мне на самом деле не были нужны вовсе.

А потом оба окна погасли одно за другим. И это послужило сигналом, что мне здесь больше делать нечего. Я почувствовал, что ужасно устал и хочу спать. Но возвращаться к метро было бессмысленно. Далеко и долго. Поэтому я побрел в отель пешком.

6

Сольна, Остерваген 12 – четырехэтажный дом горчичного цвета с широкими окнами и маленькими открытыми балкончиками, огороженными такого же цвета рифлеными металлическими панелями. В выкрашенном в серый цвет цоколе рядом со стеклянной дверью единственного подъезда приютилась какая-то маленькая конторка без вывески. Если Олоф Хенриксон не обманул меня вчера, то именно здесь жила Кайса Энгстрём.

Я расплатился с водителем и отпустил такси.

Субботним утром 1 октября было свежо, но не промозгло и сыро, как накануне, и я какое-то время стоял, рассматривая дом и пустынную улицу. Аккуратно постриженные кусты низких живых изгородей, мусорные контейнеры, запертые в деревянные коробки с приемными отверстиями для сортировки отходов, расписанные граффити почтовые ящики и спящие парковки, плотно заставленные автомобилями, ожидающими своих хозяев. Потом быстро взглянул на часы, было 09:15 и подошел к двери, рядом с которой в стену был вмонтирован аккуратный щиток интеркома с пронумерованными кнопками и фамилиями хозяев квартир. Поколебался немного, но все-таки нажал на кнопку «№ 9 – К. Энгстрём».

– Да? – ответил из динамика переговорного устройства знакомый женский голос.

– Кайса, это Владимир. Мне очень нужно поговорить с тобой.

– Ты? – неподдельно удивилась она. – Как ты... Слушай, я же сказала тебе вчера, что нам не о чем разговаривать!

– Кайса, пожалуйста!

– Уходи!

– Кайса! Я очень тебя прошу!

– Я сказала, уходи! Все!

– Перестань. Ну, в самом деле... Кайса, открой, пожалуйста!

– Я вызову полицию. Отстань от меня!

– Вызывай! – ответил я и в сердцах стукнул в стену кулаком. – Если хочешь, пусть они меня увезут. Но сам я с места не сдвинусь и уж тем более не уйду, пока не поговорю с тобой. Хоть весь день просижу здесь. А надо будет – заночую. И завтра я тоже, кстати, свободен. Поэтому, если захочешь выйти, все равно придется со мной встретиться. Нет – я и до понедельника могу здесь проторчать. Слышишь меня?

– Придурок!

– Да я такой.

– Ох! Ты же не отвяжешься... – тяжело вздохнула Кайса. – Лучше б я с тобой вчера по телефону поговорила. Поднимайся... Третий этаж.

– Спасибо!

Услышав, как в интеркоме пропищал короткий сигнал, и щелкнул магнитный замок двери, я поспешил войти внутрь и стал подниматься по лестнице.

Когда поднялся на третий этаж, Кайса уже открыла дверь, но впускать меня к себе домой явно не собиралась, потому что вышла на лестницу в домашних тапочках и накинутом поверх пижамы плаще. Такая же загорелая, как я, и с привычно собранными в хвост на затылке светлыми волосами. Она выглядела просто великолепно, даже, несмотря на отсутствие макияжа, которого я, впрочем, никогда на ее лице не видел, потому что во время работы в Африке это было ни к чему. Видно, последние две недели, проведенные дома, пошли ей на пользу. Лицо как будто немного разгладилось и стало моложе, а прежде обветренные и потрескавшиеся бес-

кровные губы чуть порозовели и приобрели чувственную полноту. Только большие почти прозрачные голубые глаза выдавали внутреннюю тревогу и растерянность.

– Доброе утро... – постарался улыбнуться я ей.

– Не уверена, что оно доброе... – ответила она и указала рукой на окно с низким широким подоконником на лестничной клетке. – Можем поговорить здесь.

Я пожал плечами:

– Как скажешь.

Мы присели на край подоконника по разные его стороны вполоборота друг к другу. Кайса молчала, гордо подняв подбородок, но, избегая встречи взглядом со мной. И тогда я зачем-то сказал:

– Прекрасно выглядишь.

– Знаешь, это вовсе не обязательно... Делать комплименты лучше всего искренне и от чистого сердца. Поэтому, если тебе что-то нужно, говори сразу. Этим ты сэкономишь и свое, и мое время тоже. Не обязательно произносить слов, которых на самом деле говорить не хочется...

– Это не так, Кайса. Ты, правда, очень красивая, и я сожалею, что никогда раньше тебе этого не говорил.

– Ну-у... Однажды сказал... Так сказал, что я на всю жизнь запомню...

– Ты про мои слова в самолете?

– Да, про них!

Я, поджав губы, виновато смотрел на Кайсу, но она так ни разу на меня не взглянула и рассматривала противоположную стену, будто там было что-то интересное.

– Честное слово, Кайса, я не помню, что я тогда наговорил тебе... Я понимаю, что сильно обидел, но не знаю, чем именно, и поэтому не знаю, за что просить прощения. – Я робко протянул руку и едва коснулся пальцами рукава ее плаща, но она отстранилась. – Кайса, я хочу знать, в чем виноват, и очень хочу за это перед тобой извиниться. Что я тебе тогда сказал?

– Ты серьезно хочешь, чтобы я сейчас вслух повторила твои слова?

– Ну... Наверное, да. Иначе я так и не пойму...

– Ты спятил?

– Ну, а как? Как иначе?

– Видимо, никак... – тяжело вздохнула она.

– Что я сказал тебе?

– Ты был пьяный в стельку, но это несколько тебя не оправдывает! Я хочу, чтобы ты это понимал.

– Я понимаю. Говори уже, ну!

– Вы оба с Андерсом Хольмом были просто в хлам. Отличились на фоне всех остальных, кто пил с вами. Накидались в считанные минуты, а ты нет-нет, да зыркнешь на меня так, что аж мурашки пробирают. Потом вдруг встал со своего места, пробрался ко мне, грубо согнал моего соседа и уселся рядом. Сказал, что есть разговор, но... В общем, стал распускать руки... Фу, даже вспоминать противно! Честное слово, ты всегда для меня был человеком, к которому я испытывала искреннее уважение. Такой всегда строгий и сдержанный, даже холодный... Но всегда учтивый и вежливый. А тогда словно и не ты был вовсе. Как будто подменили другим человеком, отвратительным, грубым и банально похотливым мужланом.

– Да? – я почувствовал, как заливаюсь краской, и попытался спрятать свой взгляд, уставившись в пол. – Я, правда, так себя вел?

– Хуже было только то, что ты сказал мне тогда. Вот практически дословно твоя речь: «Кайса, милая, ты просто обалденная девчонка, при виде которой у меня иногда аж зубы сводит от желания тебя... что именно сделать, я повторять не буду... Я вижу, что тоже тебе нравлюсь, но мое сердце навсегда принадлежит другой – той, которой уже давно нет в живых, и

из-за которой я торчу в этой проклятой Африке. Именно поэтому я не могу предложить тебе серьезных отношений, которых ты заслуживаешь. Но если твои моральные принципы позволяют, и ты тоже хочешь, ведь все мы люди и у нас есть определенные потребности, я не против с тобой... сам понимаешь, что ты мне предложил, причем, довольно грубо...». Вот, что ты мне там наговорил, придурок!

Под конец Кайса не на шутку разозлилась и даже стукнула меня кулаком в плечо. А я сидел, не в силах повернуть в ее сторону голову и встретиться с ледяным огнем ее глаз. Хотелось провалиться сквозь землю, и я со вздохом спрятал лицо в ладонях.

– Серьезно? – спросил я, не убирая рук от своего лица. – Так и сказал?

– Да!

– Черт...

– Да, Володя. Ты это вслух сказал. При всех. И не переставал лапать своими погаными руками, пока не получил от меня пощечину! Это было просто омерзительно... Честное слово! В один день ты для меня сначала стал героем, который спас от смерти семью Олуджими Нгози, и ради которого я была готова перегрызть горло пилоту, если он не пустит тебя на борт, а потом упал так низко, что мне сейчас даже смотреть на тебя противно и вообще находиться рядом. Я в тебе очень сильно разочаровалась. И если раньше, признаюсь, испытывала к тебе необъяснимую симпатию, то сейчас – нет.

Я молчал. Не знал, что сказать.

Кайса тоже умолкла и сидела, глядя в пол.

А я понимал, что отпираться или оправдываться бессмысленно. Да, я не помнил всего этого. Я вообще с трудом припоминал все, что было после того, как уже в полете Олоф Хенриксон вынул из моей ноги пулю, и кто-то сунул мне в руки бутылку. Но врать самому себе было бессмысленно. К тому моменту я уже очень долго всеми силами гнал от себя мысли о ней, как о женщине. Ведь я сбежал в Африку назло Анатолию и подальше от самой возможности каких-либо отношений, но там, как назло, появилась она. При этом я смутно помнил, как впервые отмахнулся от своих принципов, когда это снова вдруг накатило на меня в самолете, и как подсел к Кайсе... потом провал до момента, когда получил оплеуху... а после ничего до самого своего появления на пороге офиса в Кано. Так что повода сомневаться в правдивости ее рассказа, у меня не было.

– Ну, и долго мы так будем сидеть, молчать? – наконец, спросила Кайса.

– Честно, я не знаю, что сказать тебе, – ответил я. – Мне очень стыдно за свое поведение, но я не знаю, какие слова подобрать.

– Я тебе уже говорила, свои извинения можешь оставить при себе. Они мне не нужны. Я для себя уже все поняла...

– Кайса, скажи, пожалуйста... Только, я очень прошу, сделай это без язвительного злораства. У меня совсем нет шансов как-то заслужить твое прощение?

– Опять ты за свое? Мне вовсе не нужно твое слезное раскаяние... Если дело в прощении, то, считай, что уже простила, но общаться с тобой дальше я не желаю. По крайней мере, в ближайшее время. И я очень надеюсь, что мы сейчас закроем эту тему раз и навсегда. Хорошо?

– Эх... Я просто не имею права с тобой спорить... Поэтому, пусть будет так. Но я бы очень хотел когда-нибудь заслужить хоть десятую часть бывшего доверия и уважения...

– Поверь, сделать это будет очень трудно.

– Я знаю.

– Это все, зачем ты пришел?

– Э-э-э... нет... – после всего услышанного мне уже было неловко просить Кайсу о чем-то, но я также понимал, что это самый быстрый способ узнать то, что мне нужно. – Есть еще кое-что...

– Говори, давай... – тяжело вздохнула Кайса.

– Ты случайно не знаешь, Андерс Хольм сейчас здесь, в Швеции?

Впервые за долгое время я осмелился посмотреть на Кайсу и встретил ее удивленный взгляд. Видимо, она на самом деле ожидала чего-то другого.

– Так получилось, что этот парень мне сейчас позарез необходим, а номер мобильного, который он мне дал когда-то, я потерял. В общем, если у тебя есть его телефон, скажи мне, пожалуйста... Очень выручишь.

– Да, он сейчас в Стокгольме. Тебе повезло, что он еще никуда не укатил, а то он на подъем легок. Мы виделись с ним на этой неделе, пили кофе в городе... Конечно, я скажу тебе его номер. Подожди только, схожу за своим телефоном.

– Угу.

Кайса встала с подоконника и направилась к оставленной приоткрытой двери в квартиру, а я остался сидеть. Но на пороге она вдруг замешкалась, обернулась и спросила:

– Как твоя нога?

– Нормально... – растерянно ответил я. – Почти не болит. И я вот уже неделю как без костыля обхожусь.

– М-м-м... понятно. Я сейчас...

Когда она скрылась за дверью своей квартиры, я немного повернулся к окну за спиной и осмотрел улицу, которая заметно ожила за то время, пока мы с Кайсой говорили. Несколько припаркованных вдоль дороги машин покинули свои места, и на освободившемся пространстве парковки у дома на противоположной стороне улицы, где до этого стояла крохотная красная малолитражка, теперь пытался пристроиться черный внедорожник «Ауди». Появились редкие прохожие. Мимо энергично пробежала девушка в соблазнительно облегающих лосинах и застегнутой под горло просторной олимпийке. Пожилой мужчина выгуливал на поводке маленькую собачонку, задумчиво глядя себе под ноги. Заранее сообщив ему о своем приближении сзади, одинокий велосипедист коротко тренькнул звонком и мягко прошелестел колесами по тротуарной плитке в сторону Расундваген.

– Вот, нашла. Запиши... – услышал я голос Кайсы.

Я не заметил, как она снова появилась в подъезде. Только на этот раз она уже была в одной пижаме, без накинутого поверх плаща, как в прошлый раз, и не стала подходить к окну на площадке, а осталась стоять в дверях.

– Да, сейчас... Спасибо!

Я поднялся с подоконника, вынул из кармана телефон и записал продиктованный номер. Потом убрал его обратно и робко посмотрел на Кайсу, которая по-прежнему стояла в дверях, только уже убрав телефон и скрестив на груди руки. Она так странно на меня смотрела, словно изучала недоверчивым взглядом.

– Все в порядке? – зачем-то спросил я.

– Просто интересно стало, зачем тебе вдруг понадобился Андерс Хольм? Друзьями вы с ним никогда не были и дел общих не имели.

– Это так. Но... – я пожал плечами, – я даже не знаю, как вкратце объяснить... Очень надеюсь, что он сможет помочь мне кое в чем – в одном очень важном для меня вопросе.

– М-м-м...

– Теперь мои шансы на успех значительно выросли. Спасибо тебе.

– Ты завтракал? – вдруг спросила она, когда я уже собирался попрощаться, чтобы больше не мозолить глаза и не докучать своим присутствием.

– Нет, – честно ответил я. – Завтрак в отеле я пропустил, потому что, как только проснулся, то сразу заказал такси и поехал сюда, чтобы застать тебя дома.

– У меня есть мюсли и кофе. Будешь?

Мне сначала показалось, что я ослышался. И я растерялся. Услышать подобный вопрос я никак не рассчитывал после ее слов о том, что она больше не желает со мной общаться. Стоял,

беспомощно хлопая глазами и не зная, что сказать в ответ. Откуда мне было знать, вдруг это проверка такая? И если проверка, то на что?

– Ну? – снова спросила она, теперь уже с нетерпением в голосе. – Знаю, это не логично, но я предложила тебе позавтракать. Если, конечно, ты никуда не торопишься, потому что в этом случае, я не смею тебя задерживать...

– Не тороплюсь.

– Тогда, давай, заходи уже! Мне холодно здесь стоять.

Я ничего не понимал, но и отказываться тоже было глупо. Поэтому я принял приглашение. Вошел, и Кайса закрыла за мной дверь, показала, где повесить куртку, поставить обувь и жестом пригласила пройти на кухню. А сама юркнула в ванную, чтобы умыться и переодеться. Потом, облаченная в домашний спортивный костюм, прошмыгнула в гостиную, которая также являлась спальней и, судя по звукам, быстро собрала диван, на котором спала. Я все это время сидел за столом на кухне, стараясь не шевелиться лишний раз.

– Как ты узнал мой адрес? – спросила она, войдя в кухню и начав возиться с кофеваркой.

– Пусть это будет моим маленьким секретом, – ответил я.

– А, ладно тебе! – отмахнулась Кайса, поставив вариться кофе и принявшись насыпать по тарелкам мюсли. – Из наших общих знакомых лишь старик Хенрикссон мог сказать тебе, где я живу. Только он один знает мой адрес.

Наверное, я переменился в лице, потому что, взглянув на меня, Кайса усмехнулась и добавила:

– Старый болван! Надо будет его отчитать за это при случае!

– Не надо.

– Это почему же?

– Он очень просил меня не выдавать его...

– Но ты только что это сделал!

– Лучше тогда мне выскажи все, что хочешь. Честное слово.

В ответ она лишь смерила меня безразличным взглядом, который, по-моему, был слишком безразличным для того, чтобы на самом деле являться таковым. Но больше к этому вопросу мы не возвращались.

– Давно ты в Стокгольме?

– Второй день. Вчера прилетел.

– Надолго?

– Не знаю. Уж как получится.

– Это как-то связано с тем, для чего тебе понадобился Андерс Хольм?

– Ну, в общем, да...

– Ты говоришь загадками. Это секретная информация?

Тут я немного засомневался в том, какой стоит дать ответ, потому что тема, к которой мы подбирались, была довольно щекотливой, и ответил уклончиво:

– И да, и нет. Скажем так, кое-кто предпочел бы, чтоб я не вспоминал об этом вслух и не тревожил никого своими расспросами. Но сейчас для меня это очень важно. И я не отступлю.

– Я вижу. По правде, никогда раньше не видела тебя таким озадаченным. Сначала подумала, ты из-за меня такой, но, вижу, что не только. Расскажешь, что у тебя случилось?

Я пожал плечами и сказал:

– Расскажу.

А сам подумал, что, наверное, не зря прихватил с собой вырванную из газеты страницу со статьей и фотографией Элис Бергман. Попросил Кайсу подождать минутку и сходил в прихожую, чтобы взять из кармана куртки сложенный в несколько раз лист бумаги. Она в это время залила рассыпанные по тарелкам мюсли молоком. Мы сели друг напротив друга, и я, развернув газетную страницу, положил ее между нами – в центре маленького кухонного стола.

– Вот.

– Ну, да, симпатичная... – Кайса вздернула брови.

Настала моя очередь удивиться:

– Как ты это делаешь?

Кайса закатила глаза, как будто ей приходилось общаться с непроходимым тупицей.

– На этой странице только часть статьи. Причем, статьи весьма посредственной – я читала этот выпуск по возвращении из Африки. Значит, дело не в ней, а, скорее всего, в фотографии, которая тоже не слишком информативна. Единственное, что, а точнее кто на ней бросается в глаза – это девушка, которая смотрит прямо в камеру. Поэтому я осмелилась предположить, что дело в ней. И, похоже, попала в точку. Так?

– Да, – капитулировал я, – это так.

– О-о-о! Браво мне! И кто она?

– Та, о ком я говорил тебе в самолете... две недели назад...

– Стоп! – краска моментально схлынула с лица Кайсы. – Ты говорил, что ее нет в живых!

– Мне так сказали... И я действительно тогда так думал. Но в Москве мне в руки попала газета, где я увидел эту фотографию и дату на ней, – я ткнул пальцем в цифры в правом нижнем углу снимка. – Две недели назад! Стоп-кадр с камеры видеонаблюдения на какой-то железнодорожной платформе. И я уверен, что это она! Кайса, меня обманули, заставили поверить в то, что ее больше нет, но все это время, почти полтора года, она была жива.

– И теперь ты хочешь найти ее?

– Не знаю. Не уверен, что у меня это получится. Но я хочу выяснить, где был сделан этот снимок. Я хочу знать, где она была шестнадцатого сентября в половине четвертого дня. Потом будет видно, что делать дальше.

– М-м-м... Кажется, теперь я понимаю, зачем тебе понадобился Андерс Хольм. Тебе нужны его связи.

– Да. Мне нужен человек, который имел бы выходы на шведские периодические издания, в частности на «Экспрессен», чтобы помочь выяснить, где был сделан снимок для статьи в этом выпуске. И я знаю только одного такого человека – Андерса Хольма.

– Согласна. У него уж точно найдется там кто-нибудь свой. Одного не могу понять, как это тебе сказали, что ее нет в живых? Ты не знал, где она живет, или у тебя не было ее номера телефона, чтобы позвонить?

– В это трудно поверить, но я ничего о ней не знаю... Мы были знакомы всего несколько дней, которые перевернули мою жизнь. А точнее, вывернули ее наизнанку...

– А ты большой оригинал! Не думала, что ты сможешь удивить меня еще чем-то, но у тебя получилось.

– Не смейся... Мне было очень больно, когда я понял, что больше никогда ее не увижу.

– Ладно, проехали. Как ее зовут?

– Элис Бергман.

– Красивое имя, достойное внешности.

– Но это не настоящее ее имя.

– Шутить?

– Нет. Я не знаю, как ее зовут на самом деле.

– Хорошо. А она сама не могла сообщить тебе о том, что жива?

– Сейчас я думаю, что для нее самой было безопаснее считаться погибшей. В качестве доказательства ее гибели мне дали прочитать статью в газете, где писалось об аварии со смертельным исходом водителя... Этим водителем была она. Сейчас я склоняюсь к версии, что в газете была утка. Статья могла быть сфабрикована. Ведь о том, что за рулем находилась Элис, знал я и еще несколько человек. В том числе и тот, кто сообщил мне о ее гибели...

– Тот, кто сообщил... – как будто передразнила меня Кайса. – Так обычно говорят, когда не хотят называть имя или указывать на конкретного человека. Кто это был?

– Мой отец.

– Что?

– Да, я сказал, что это был мой отец.

– Так. Сейчас ты точно надо мной издеваешься!

– Нет.

– Как твой отец мог сфабриковать статью в шведской газете? Кто он у тебя такой?

– Разведчик...

– Ты, видно, в самом деле за дурочку меня держишь!

– Вовсе нет, Кайса. Просто это очень странная история...

– Если не сказать больше! – Кайса возмущенно выдохнула, фыркнула и отодвинулась от стола. – Значит так, или ты мне рассказываешь абсолютно все, как есть, мы продолжаем завтракать и расходимся друзьями, или ты сейчас же встаешь и валишь отсюда нахрен со своими секретами и любовными перипетиями! Прошу заметить, что в этом случае мы перестаем быть друзьями, и ты мне больше никогда не звонишь, не пишешь и прикладываешь все усилия, чтобы мы даже случайно никогда с тобой не пересекались. Ясно?

Я какое-то время сидел, опустив голову, и, глядя в тарелку с мюслями, к которой так и не притронулся, так же как Кайса к своей. Взвешивал все за и против. С одной стороны, я понимал, что рассказывать ей историю о том, как Анатолий со своим коллегой Юрием Валентиновичем абсолютно нелегально привлекли меня к выполнению своей самостоятельной операции по возвращению утраченных секретных данных, благодаря чему я и познакомился с Элис Бергман, было совершенно неблагоразумно. Я словно снова становился предателем, как в тот раз, когда помог Элис сбежать от людей Юрия Валентиновича. С другой – все секретные материалы давным-давно уничтожены мною прямо на глазах у того же Юрия Валентиновича, так что сейчас я рисковал только одним – потерять друга в лице Кайсы. И я рассказал ей обо всем. Так же, как несколько дней назад рассказал матери.

Результат был такой же. Она сидела, словно ее пришибли чем-то тяжелым. И не удивительно. Потому что поверить в мою историю, достойную стать сюжетом остросюжетного детектива, было не просто. Отец, который в момент отчаяния обратился за помощью к своему сыну, потом мое путешествие под чужим именем на тропический остров и знакомство с прекрасной девушкой, ставшей заложницей трагической случайности – все это было как будто не со мной. Но я все еще помнил наш с ней короткий, но бурный курортный роман, ее гибель, вмешательство конкурирующих англичан с немцами и чехарду последовавших за этим жестоких убийств, завершившуюся тем, что я сам утопил человека. Пусть, он этого трижды заслужил. И если матери я про последнее говорить не стал, то Кайсе почему-то рассказал. Мне казалось, что она поймет. Шведский эпизод той истории, когда Элис впервые для меня воскресла из мертвых, Кайса слушала с открытым ртом и широко открытыми от изумления глазами.

– Теперь понятно, откуда взялся Эрик Хансен, когда мы садились в самолет в Газабуре? – медленно проговорила она, когда я закончил.

– Именно оттуда – из моего прошлого.

– Это просто невероятно, Володя...

– Ну, и как ты думаешь, каково мне было, когда я снова увидел ее живую и здоровую на этой фотографии в газете?

– Не представляю даже. Честно.

В общем, потом мы еще долго разговаривали с Кайсой. Не только обо мне, но и о ней тоже. Ели мюсли и пили кофе. Она рассказывала о том, как жила и чем занималась последние две недели после возвращения из Африки. Оказалось, в аэропортах Кано и Абуджи мы разми-

нулись всего на каких-то пару часов, и вместе пришли к выводу, что так даже лучше, потому что тогда мы оба, наверное, не были готовы к конструктивному диалогу.

В итоге я ушел от нее ближе к полудню. В совершенно ином настроении, чем состояние смутной тревоги, с которым утром садился в такси, покидая свой отель. Прощался я с ней с ощущением внутренней легкости и с уверенностью в том, что все непременно будет хорошо. Кайса тоже немного оттаяла, хоть и старалась всем своим видом показать, что это не так. Но на прощание улыбнулась, пожелала удачи и сказала, чтобы я обращался, если мне вдруг понадобится помощь.

Обратно я возвращался тоже на такси. Но попросил водителя высадить меня на пересечении Хорнгатан и Рингваген, где на первом этаже дома располагался большой супермаркет. Там я неторопливо прошелся по рядам между стеллажами и набрал полную корзину всякой всячины, не требующей особых условий хранения, потому что в моем крохотном номере не было мини-бара, и так же не спеша побрел в отель. Еще из такси я пару раз попытался позвонить Андерсу Хольму, но телефон журналиста был выключен. Поэтому мне ничего не оставалось, кроме как возвращаться к себе и ждать, когда его телефон снова окажется включен.

Погруженный в свои мысли, магнитным ключом от номера я отпер замок калитки, пересек брусчатый дворик усадьбы и вошел в узкий холл. Там, как всегда, царил привычный полумрак, добавляющий общему антуражу особую изюминку. Было людно. Кто-то сидел на диванчике под тусклым бра и читал развернутую во всю ширину газету, за которой самого чтеца не было видно. Рядом столпились несколько съезжающих постояльцев со своим багажом, которые ждали, когда услужливый парнишка за конторкой в соседней комнате рассчитает последнего из них.

И я уже собрался пройти мимо по направлению к современному стеклянному лифту, ярко выделявшемуся на фоне грубо отштукатуренной кирпичной кладки, но в целом удачно вписавшемуся в архитектурный ансамбль здания, как вдруг меня словно током прошибли услышанные слова:

– Здравствуй, Володя! – по-русски проскрипел откуда-то справа очень знакомый молодой голос. – Почему, проходишь мимо и не здороваешься?

Я обернулся и едва не выронил из рук пакет с продуктами.

Сворачивая газету, которую до этого так увлеченно читал, с диванчика медленно поднялся тщедушного вида пожилой мужчина в сером пальто, надетом поверх старомодного шерстяного костюма-тройки. Похожий на мумию, с которой сняли бинты, с воспаленными глазами за толстыми линзами очков в роговой оправе, которые он поправлял скрюченными артритом узловатыми пальцами подрагивающей от возраста руки. Это был никто иной, как Юрий Валентинович собственной персоной – тот, кого я меньше всего ожидал и хотел бы здесь встретить.

7

Я словно швабру проглотил. Так и замер на месте.

– Что ты встал, как вкопанный? – спросил Юрий Валентинович, глядя на меня своим лукавым прищуром. – Пошли, выйдем на воздух. Надо поговорить...

Он указал жестом на дверь, которая вела на террасу над подпорной стеной, где на квадратной гравийной площадке стояли несколько столиков для любителей завтракать или обедать на свежем воздухе. Я нервно слотнул и кивнул в ответ, не проронив ни слова. А он медленно подошел и, взяв меня своей старческой рукой под локоть, повел к выходу.

Видимо, в это время было уже слишком холодно, чтобы сидеть за столиком на улице, потому что терраса пустовала. Сложенные и уже не вполне уместные для этого времени года солнечные зонтики над столами слегка трепало прохладным ветром.

– Зачем вы здесь? – спросил я, когда мы уселись друг напротив друга.

– Я хотел задать тебе тот же вопрос, Володя. Зачем ты здесь?

– А если я не буду вам на него отвечать?

– Тогда я напомню тебе о том, что ты уже достаточно потрепал нам нервы в прошлый раз. И только-только все утряслось и наладилось, как ты снова всколыхнул старое болото своей идиотской выходкой двухнедельной давности. Я надеюсь, ты понимаешь, о чем я толкую...

– Да, Анатолий уже прочитал мне мораль по этому поводу.

– И что ты сам об этом думаешь? – старик поправил очки. Умно поступил, назвавшись Эриком Хансеном?

– Это спасло мне жизнь...

– Но это снова подпортило жизнь мне и настоящему Эрику Хансену!

Несмотря на сидевший глубоко во мне страх, я все-таки не смог сдержаться, и ответил с сарказмом:

– Ну, извините. Я не знал, что ваше спокойствие и благополучие Эрика Хансена стоят дороже моей жизни. Как-то не подумал. Не до того было...

– Ты просто не осознаешь всю серьезность ситуации, Володя. – Проговорил Юрий Валентинович, задумчиво разглядывая поблескивающие окна соседней многоэтажки. – Мы ведь здесь не шутки шутим. Я думал, ты еще в прошлый раз это понял. Видимо, нет...

Я сидел, затаив дыхание, но в какой-то момент встретил блуждающий по сторонам взгляд Юрия Валентиновича и вдруг понял, что он специально избрал такую тактику. Решил, что, напустив на себя ореол загадочности и внушив мне чувство вины, он сможет добиться от меня чего-то. Вопрос, чего?

– Вы, кажется, хотели о чем-то меня спросить, – ответил я, стараясь сохранять хладнокровие. – Если так, то спрашивайте.

– Зачем ты назвался Эриком Хансеном?

– Чтобы сесть в самолет, который эвакуировал сотрудников Красного Креста, мне надо было назваться шведским именем. Это имя первым пришло мне в голову. Если вы думаете, что я нарочно, то напрасно.

– Я верю тебе. Просто хочу, чтобы ты понял, мне было очень нелегко вернуть все на свои места. Настоящий Эрик Хансен тогда едва не потерял все, что у него было...

– Свою задрипанную халупу и работу в пыльном офисе?

– Нет. Перспективу попасть туда, где такие, как он, нужны! Чиновник среднего звена в госаппарате. Неприметный, но вежливый, внимательный и дотошный в работе, очень ответственный. Такой агент – на вес золота.

И мне пришлось немало похлопотать, чтобы наше с твоим отцом руководство не отправило нас обоих в отставку. Это бы погубило такого первоклассного сотрудника, как Эрик Хансен. Я же ценой своих нервов, рискуя своей собственной карьерой, дал ему второй шанс.

А задрипанная халупа, как ты выразился, и пыльный офис – это явление временное. Но это его жизнь, к которой он привык!

– В таком случае, мне очень жаль настоящего Эрика Хансена. А вам, Юрий Валентинович, не пора ли подумать об отдыхе? В вашем возрасте люди уже на пенсии давно телевизор смотрят или на даче в огороде ковыряются...

Кадык старика нервно дернулся, на скулах заиграли желваки, а в глазах за толстыми линзами очков сверкнули гневные искры. Видимо, я задел его за живое. Но он очень быстро взял себя в руки.

– Не волнуйся, уйду, как только придет время. А пока есть еще одно дело, которое надо закончить. Скажем, дело принципа. И вот, как закончу его, как разберусь до конца, так сразу и уйду. Ни дня раздумывать не стану.

– И что это за дело?

– Не твоего ума дело... Много будешь знать – не дадут состариться!

– Не хотите – не говорите. Ваше право. Так вы сюда пришли только для того, чтобы спросить, зачем я назвался именем вашего агента?

– Нет.

– Тогда зачем же?

– Чтобы спросить, какого черта ты вчера делал на Бастугатан 31?

Ему удалось застать меня врасплох. Но я быстро собрался и ответил:

– Возвращался в отель и не смог удержаться... Захотелось посмотреть на этот дом и окна.

– Поностальгировал?

– Ага...

– Доволен?

Я пожал плечами, а потом сам спросил:

– Неужели, меня засекли, пока я там стоял?

– Да.

– Кто? Группа наблюдения?

– Эрик Хансен.

– Seriously? Он сам?

– Да. А что тебя удивляет? Он опытный агент. Так что ты еще до своего отеля не дошел, как я уже знал о твоём визите на Бастугатан...

– И как вы узнали, что это был именно я?

– Эрик Хансен тебя опознал.

– В темноте? Разглядел из окна второго этажа? Смеетесь?

– Нет. Я же говорю тебе, что он очень хороший агент. Мало того, что обнаружил слежку, так еще и сам выследил тебя, проводив до отеля. Я думал было прямо ночью к тебе нагрянуть, но потом все-таки решил подождать до утра.

– И?

– И вот я здесь. Куда ты ездил сегодня утром, Володя?

– Навещал подругу. Мы с ней работали в Нигерии.

– Как зовут подругу?

– Кайса.

– Ее фамилия?

– Кайса Энгстрём.

Я подумал, что лучше выложить как можно больше правды. Пусть проверяет, если захочет. Ему не на чем будет меня подловить.

– Так. Я уже знаю, что ты прилетел вчера. Думаю, узнать, где ты был и что делал, не составит большого труда. Но ты мог бы сэкономить мне время и силы... Расскажешь?

И я снова решил, что будет лучше сказать правду. Поэтому тут же рассказал о том, как навещал своих шведских друзей Ивора и Анику Хэдлунд.

– А к этой своей подруге зачем ездил с утра пораньше?

– Извиниться хотел.

– За что?

– Это она для меня место в самолете выцарапала... А я ей уже в полете наговорил лишнего, пьяный был, и потом даже не попрощался.

– И что? Простила?

– Сказала, что да.

– А сам как думаешь?

– Не знаю, – я пожал плечами. – Не уверен...

– Покривляется и перестанет. Они всегда себя так ведут – женщины.

– А вы знаток женской психологии?

– Опыт есть...

– Не сомневаюсь.

– А если честно?

– Что?

– Зачем ты здесь? – Юрий Валентинович подозрительно прищурился за толстыми линзами своих очков в роговой оправе. – Зачем приехал в Стокгольм?

– Мне здесь нравится, – ответил я как можно более непринужденно.

– Надолго?

– Пока не надоест.

– Это как-то связано с прошлогодней историей и Эриком Хансеном?

– Нет, – возможно, слишком резко ответил я, а у самого сердце замерло при мысли, что во внутреннем кармане моей куртки лежала вырванная из газеты страница со статьей и фотографией Элис Бергман. – Я же сказал, что мне нравится этот город. Мне нравилось здесь жить и работать. И я бы не уехал отсюда, если б не ваша с Анатолием дурацкая затея, которая едва не стоила мне жизни.

– Тебя никто не просил помогать той девке! – парировал Юрий Валентинович, заставив меня на мгновение подумать, что он либо телепат, либо обладает рентгеновским зрением. – Сам виноват!

– Может быть. Но...

– Никаких НО. Слушай меня внимательно, Володя! Тогда ты был под защитой своего отца. И как бы я на тебя ни злился, я не имел права даже пальцем тебя тронуть. Сейчас ты – никто! И если будешь путаться у меня под ногами, я с тебя три шкуры спущу. Мало не покажется. Имей это в виду, пожалуйста.

Не посмотрю даже на то, что Анатолий – мой друг. Тогда, год назад, я действовал в его интересах. Помогал ему, спасал его шею от петли. Сейчас я действую в рамках своей основной работы и собственных интересов. И поэтому не потерплю, если какой-то сопляк вроде тебя будет мешаться под ногами и действовать мне на нервы.

– Что же мне делать-то, если одно мое присутствие в городе уже действует вам на нервы?

– Как можно быстрее насладиться местной атмосферой и свалить отсюда куда-нибудь подальше.

– Вам, я смотрю, не терпится вытурить меня из Стокгольма. Почему?

– Потому что мне так спокойнее. А тебе – безопаснее...

– Звучит, как угроза.

– Значит, я правильно выбрал слова и тон. Я искренне надеюсь, что ты меня услышал и правильно понял, Володя.

– Какую бы цель вы перед собой ни ставили, Юрий Валентинович, я хочу, чтобы вы тоже поняли, собирать сию же минуту чемодан я не побегу. И указывать мне, что я должен делать, вы не имеете права.

Юрий Валентинович неодобрительно скривил тонкие губы и усмехнулся. Потом с выражением крайнего разочарования покачал головой. Уперевшись руками в стол, медленно встал и выпрямился во весь свой небольшой рост. Посмотрел на меня, сидящего за столом, сверху вниз и сказал:

– Если не хочешь проблем, Володя, лучше покинь этот чертов город... В противном случае – пеняй на себя. У меня все. Очень надеюсь на твое благоразумие.

Я ничего ему не ответил. А Юрий Валентинович, словно и не ждал ответа, просто развернулся и пошел прочь. Жать мне на прощание руку он, видимо, не пожелал. Впрочем, уходя, он в принципе обошелся без какой-либо процедуры прощания. Я же проводил его взглядом, пока он не скрылся в дверях, ведущих в центральный холл, посидел еще немного, прокручивая в голове этот странный диалог, встал, взял пакет с продуктами и тоже покинул террасу.

На третий этаж – в мансарду, где располагался мой номер, я поднялся на лифте. Вышел, повернул налево, и погруженный в свои мысли направился к своей двери, попутно нашаривая свободной рукой в кармане ключ. Вот только он мне не понадобился. Потому что у порога моего номера меня ждал очередной сюрприз – дверь оказалась открыта.

Я остановился. Некоторое время смотрел на узкую щель. Потом осторожно толкнул дверь вовнутрь и увидел мужчину. Тот явно ожидал моего появления, потому что сидел на стуле, который развернул лицом к двери.

Худой, скуластый, с прямыми длинными светлыми волосами до плеч. Я сразу же его узнал. Один из людей Юрия Валентиновича по имени Феликс, которому когда-то неплохо досталось от Элис Бергман, когда она прямо посреди города обстреляла автомобиль, на котором они с напарником преследовали нас.

Он был одет в джинсы, бордовую водолазку и, по-моему, в тот же самый короткий серый плащ, в котором я видел его в последний раз. Сидел, вальяжно закинув ногу на ногу, и смотрел на меня с омерзительно самодовольной ухмылкой. Плащ расстегнут, одна рука на колене, вторая – опущена в карман плаща.

Наверняка, сжимает рукоять пистолета, подумал я.

– Заходи, не бойся! – сказал Феликс, увидев, как я замер на пороге.

Я не сдвинулся с места и ничего не ответил. Просто продолжал смотреть на того, кто так бесцеремонно вторгся на мою территорию.

– Да не трону я тебя, придурок. Заходи, говорю!

Я по-прежнему молчал, глядя на него.

– Ладно, – вздохнул Феликс. – Как хочешь.

Он мучительно закатил глаза и медленно, словно нехотя, встал со стула. А я отметил, что руку из кармана плаща мой гость так и не вынул.

– Я тут не для того, чтобы тебя убивать. Пока... Просто один наш общий знакомый попросил дождаться тебя и напомнить, что тебе здесь не рады.

– Тебе – тоже... – с трудом скрывая свой страх, коротко ответил я.

– Нет, ты посмотри на него! Какой смельчак! С чего бы это? Здесь нет ни твоего папаши, ни девки, за чьими спинами можно спрятаться. – Чеканя каждое слово, Феликс медленно подошел почти вплотную ко мне. – Так что, если насчет тебя будет определенное распоряжение, не обессудь. У меня давно руки чешутся.

– О стену их почешу.

– Я об тебя их почешу, сопляк. Понял?

– Только в том случае, если получишь приказ. А пока – убирайся из моего номера. Понял?

Феликс злобно оскалился. Наверное, потому что сильнее, чем я, был уверен в том, что трогать меня ему запрещено. И, наверное, поэтому, протискиваясь между мной и дверным косяком, он все-таки намеренно зацепил меня плечом.

– Аккуратнее! – процедил я в ответ сквозь зубы. – А не то пожалуюсь на твою невоспитанность, и тебе, поди, влетит по первое число от нашего общего знакомого.

– Да пошел ты! – услышал я уже из-за спины. – Лучше собирай манатки и вали отсюда! И, кстати, если интересуют новости, лучше купи газету посвежее...

Едва переступив порог, я снова замер и в ужасе уставился на оставленную на письменном столе газету, которую вот уже неделю таскал с собой повсюду, как имеющий лишь для меня ценность артефакт. Интересно, листал ли ее Феликс? Заметил ли, что одна страница отсутствует? И, если да, придал ли этому значение?

В коридоре звякнул лифт, и я услышал, как с мягким шорохом открылись и снова закрылись его двери. Феликс уехал. Казалось бы, можно выдохнуть. Но внутреннее ощущение тре-

воги, появившееся после разговора с Юрием Валентиновичем, теперь граничило с паникой. Ему с его цепным псом, безусловно, удалась их маленькая операция по устрашению.

Ступор. Я даже дверь за собой не закрыл. Просто стоял посреди своего номера с пакетом в руке, смотрел в пол невидящим взглядом и пытался понять, что же делать дальше. Сколько я так стоял, минуту, две или дольше, не знаю, но вывел меня из этого состояния завибрировавший во внутреннем кармане куртки телефон.

Я, наконец, опустил пакет с продуктами на пол и полез в карман, чтобы посмотреть, кто так настойчиво пытался со мной связаться.

Черная полоса снова сменилась белой – это был Андерс Хольм.

8

Возможно, это уже пахивало паранойей, но я не стал отвечать на звонок. Я не хотел этого делать, находясь в комнате, которая перестала быть моим убежищем. После неожиданного визита Юрия Валентиновича и Феликса меня не покидала мысль, что отныне здесь я не в безопасности. Иначе, зачем тогда Феликсу было вламываться в мой номер, если не для того, чтобы напичкать его прослушивающей аппаратурой?

Я дождался, когда телефон перестал вибрировать, оставил пакет с продуктами прямо на полу посреди номера и снова выглянул в коридор. Там было пусто и тихо. Вышел и по узкой лестнице спустился на этаж ниже. Там в конце коридора была небольшая ниша, в которой рядом с большим арочным окном приютились диванчик, журнальный столик и стеллаж с книгами, оставленными здесь прежними постояльцами.

И только убедившись, что меня никто не видит и не слышит, я перезвонил Андерсу Хольму, который громогласно обрушил на меня свое эмоциональное приветствие.

Я только и успел сказать «привет», как он тут же выложил, что ему звонила Кайса и рассказала о моем приезде и о том, что у меня есть к нему какое-то важное дело. Потом он долго вспоминал нашу эвакуацию из Газабуре и восхищался моей вылазкой за семьей Олуджими Нгози. Не дал мне даже слова вставить, когда я попытался объяснить, что это было скорее глупостью, чем геройством, но он и слушать не хотел. Поэтому мне пришлось набраться терпения и слушать, ожидая, когда Андерс Хольм успокоится, потому что теперь он уже отчитывал меня за то, что я исчез, не попрощавшись, после приземления в Кано. И вот, спустя почти три минуты с того момента, как я перезвонил, мне, наконец, дали слово.

– Так как там твоя нога, дружище? – спросил он. – Хромаешь?

– В порядке. Хромаю еще, но уже, слава Богу, без костыля...

– Ну, это нормально. Поправишься быстро. Я в прошлом году тоже пулю схлопотал. В Сомали дело было... Мы с ребятами, с такими же, как я, безбашенными придурками, решили, что надо...

– Андерс! Андерс! Постой!

– Что?

– Притормози, пожалуйста. Прости, что так обрываю на полуслове. Но, давай, ты в другой раз расскажешь мне эту историю, а? И я обещаю, что с удовольствием ее выслушаю.

– Э-э-э... Хорошо... – озадаченно промычал в трубку Андерс Хольм. – Я помню, что у тебя было ко мне какое-то дело. Что-то срочное?

– Да, мне нужна твоя помощь. Но это не телефонный разговор.

– Я понял, – серьезно ответил он. – Хочешь поговорить с глазу на глаз?

– Да.

– Сегодня?

– Да, если тебя это не затруднит.

– Нисколько! Хочешь, могу заехать за тобой. Ты где остановился?

После того, как я произнес в трубку название отеля, Андерс Хольм ответил, что знает, где это и перезвонит, как подъедет. Пообещал быть в течение часа.

За это время я успел вернуться в свой номер и собрать вещи. Опротечиво оставленную на столе газету с вырванной страницей я разорвал в клочья и отправил в корзину для мусора. Потом сходил на первый этаж к портье и, не объясняя причин, попросил переселить меня в любой другой номер. Свободные комнаты были, поэтому я без проблем переехал в точно такой же номер в мансарде, только чуть дальше по коридору. И пусть эта моя прихоть выглядела довольно странно, зато я мог быть спокоен, что люди Юрия Валентиновича меня не прослушивают.

Андерс Хольм перезвонил, спустя сорок минут и снова удивил:

– Давай, так: через час выходи из отеля и, не торопясь, шагай к метро.

– К метро?

– Да.

– Зачем?

– Так надо... Давай, делай, как я сказал.

И я не стал больше задавать вопросов. Собрался и через минуту уже вышел на улицу. Оглядел припаркованные автомобили от ярких и разноцветных, как ядовитые рыбы, малолитражек до brutальных черных внедорожников «Вольво», «Ауди» и «Порше», повернул налево и зашагал вниз по улице, мимо подпорной стены, над которой возвышалось здание отеля. Шел, не спеша, поглядывая по сторонам, но так нигде и не приметил Андреса Хольма. Даже заволновался и полез в карман за телефоном, но он меня опередил.

– Где ты? – спросил я, ответив на его вызов. – Я тебя не вижу...

– Зато я прекрасно тебя вижу, – ответил он. – Не оглядывайся! И еще вижу двух мужиков, которые тебя пасут от самых ворот, из которых ты вышел.

– Черт...

– Я смотрю, ты не сильно удивлен, что за тобой хвост?

– Я догадывался, что такое возможно.

– Телефон слушают?

– Не думаю.

– Знаешь, кто они такие?

– Думаю, да... опиши...

– У них черная «Ауди», седан. Водила – коренастый крепыш с квадратной мордой и ежиком на голове. Второй – высокий доходяга с длинными патлами. Знакомые персонажи?

– Ага...

– Опасны?

– Возможно.

– Вооружены?

– Думаю, да.

– И им лучше не знать о нашей встрече?

– Именно так.

– Хм... Интересно...

– Что?

– Интересно, во что ты ввязался, приятель... Расскажешь потом?

– Это связано с тем, о чем я хотел тебя попросить.

– Значит, мы скинем этот хвост.

– Как?

– Просто продолжай делать все, что я тебе скажу.

– Договорились. Я слушаю...

– Спускайся в метро и езжай в центр. Выйдешь на станции Хоторгет напротив Стокгольмского концертного зала. На улице оглядись – дальше по Кунгсгатан увидишь «Макдональдс» и за ним такую же желто-красную вывеску китайской забегаловки «Закусочная Мао». Заходи туда и спроси самого Мао. Скажешь, что от меня. Он тебя проведет дальше. Но до тех пор, пока не войдешь в эти двери, веди себя спокойно, просто иди и не оглядывайся, чтобы не вызывать подозрений.

Я так и сделал. Спустился в метро, купил билет и отправился в центр. Сердце выскочило из груди. Было страшно, но чего конкретно я боялся, мне было трудно понять. Возможно, просто неизвестности, навстречу которой меня быстро нес вагон метро. И я даже стал сомневаться в необходимости моих поисков, которые, еще не начавшись, уже превратились в опасную для жизни погоню. Но я все равно двигался вперед с упорством маньяка. Спустя несколько минут, в толчее на станции Т-централен пересел на поезд, который следовал по зеленой ветке и на следующей остановке покинул вагон.

Как советовал Андерс Хольм, выбравшись из-под земли, я огляделся. Стокгольмский концертный зал возвышался огромной прямоугольной коробкой на противоположной стороне Кунгсгатан. Там же, напротив входа, расположился палаточный рынок, а вокруг, на первых этажах окружавших его зданий, теснились магазинчики, кафе и рестораны. По моей стороне улицы тоже тянулись двери и вывески банков, витрины магазинов и кафе. Вдалеке виднелась большая желтая буква М на красном фоне – «Макдональдс». Значит, мне туда. Я пошел, не зная, продолжает ли кто-нибудь за мной следить. Просто следовал полученной по телефону инструкции.

Неприметная на фоне своего соседа – гиганта в мире ресторанов быстрого питания – «Закусочная Мао» действительно находилась там. Она представляла собой высокую узкую дверь и такое же окно рядом под желто-красной вывеской, с которой широко улыбался Мао Цзэдун, и была втиснута между «Макдональдсом» и каким-то магазином. За мутным стеклом, исписанным иероглифами, было видно длинное узкое помещение, вдоль одной из стен которого тянулся длинный общий стол и несколько высоких стульев. Три человека, на вид выходцы из «поднебесной», сидели за этим столом лицом к стене и уплетали лапшу из глубоких мисок, ловко орудуя деревянными палочками.

Я вошел.

– Доблый день! – поприветствовал меня молодой круглолицый парнишка с ежиком черных волос на голове, который мгновенно вынырнул откуда-то из-за стеллажа с посудой в глубине заведения.

– Мне нужен Мао.

– Мао – это я. Сем могу вам помочь, мистел?

Я недоверчиво посмотрел на троих китайцев у стены и ответил:

– Я от мистера Хольма...

– Да, конесью! Вы плисли по адресу. Мистел Хольм звониль мне. Мистел Хольм говориль, сьто вы плиходить!

– Он сказал, что вы поможете... Но мне он больше не давал инструкций...

– Инстлукции? Какие инстлукции? Плосто идите за мной, мистел! – Мао улыбался мне так, будто всю жизнь ждал моего появления, и вот я, наконец, оказался перед ним. – Все будет в поладке!

Я где-то слышал поговорку, что если китаец вам улыбается, то это вовсе не означает, что вы ему нравитесь, но в этот момент мне очень хотелось, чтобы я нравился Мао. Хотя бы, потому что именно от него зависел исход дела.

– Посли за мной... – Мао жестом позвал следовать за ним туда, откуда он появился, когда я вошел в закусочную. – Влемя не здет, мистел... Ну зе, быстлее!

Я выдохнул, сжал кулаки и пошел. А он что-то бросил по-китайски троим едокам, и те, как один тут же побросали свои палочки, спрыгнули со стульев и выбежали на улицу. Снаружи сразу слышался какой-то гам, словно началась драка.

Сменив улыбку тревожной морщинкой на лбу, Мао схватил меня за рукав куртки и потащил сначала через скворчащую раскаленными сковородами и заполненную густыми запахами кухню, а потом по узким заваленным ящиками коридорам. Редкие лампы тускло мерцали, не позволяя полумраку превратиться в непроглядную темноту. Под потолком тянулись трубы, коробка вентиляции и сплетенные в косы провода. Мы быстро шли вереницей подсобных помещений, в которых кипела невидимая снаружи жизнь. Здесь мыли посуду, чистили овощи, перетаскивали с места на место какие-то коробки, кто-то просто спал вповалку на разложенных вдоль стен матрасах.

Ступени вниз. Поворот налево. Дверь. Коридор, поворот, новая дверь. Снова ступени, на этот раз вверх, и снова поворот, но уже направо. Смогу ли я выбраться отсюда, если придется идти самому? Я засомневался. Но Мао уверенно тащил меня за собой, вцепившись в руку стальной хваткой.

Когда он толкнул рукой очередную дверь, мне в глаза ударил яркий солнечный свет, и я невольно зажмурился, а китаец вытолкнул меня наружу и указал куда-то пальцем.

– Апельбелгсгатан, мистел!

– Что? – в растерянности переспросил я. – Что дальше?!

Это была узкая улочка, по которой медленно катились автомобили и шли редкие прохожие. Чуть в стороне прямо на проезжей части стоял потрепанный «Сааб», который мешал движению других машин.

– Сколее зе, мистел! Сагайте! – Мао подтолкнул меня в спину и снова показал пальцем, куда надо смотреть. – Мистел Хольм узе здет вас!

Я понял, что он тычет пальцем именно в неправильно припаркованный «Сааб». Водитель, который сидел за рулем, тут же потянулся к пассажирской двери, и та распахнулась.

Не помню, поблагодарил ли я Мао за помощь. В два прыжка оказался рядом с машиной, плюхнулся на пассажирское сиденье рядом с водителем и захлопнул дверь.

– Ну, привет, шпион! – расплылся в белозубой улыбке Андерс Хольм и по-приятельски ткнул меня кулаком в плечо. – Выруби свой мобильный на всякий случай, и валим отсюда...

Я тут же полез в карман за телефоном и выключил его.

Машина взревела двигателем и рванулась с места. Но на первом же перекрестке Андерс Хольм уже сбавил обороты, пропустил черный внедорожник «Ауди», который едва не влетел нам в бок, когда мы сворачивали на Олофсгатан, и наш «Сааб» влился в неспешный городской поток автотранспорта.

– Привет... – наконец выдохнул я с облегчением, посмотрел на своего бесшабашного знакомого и тоже не смог сдержать улыбку.

Андерс Хольм заметно преобразился с момента нашей с ним последней встречи. Неряшливая поросль на подбородке и щеках приобрела ухоженный вид и четко обозначенные контуры. Непослушные волосы были пострижены и аккуратно уложены. Вместо привычного для меня грязного тряпья на нем были джинсы, джемпер с V-образным вырезом, обнаживший татуировку в виде обвившей шею колючей проволоки, и легкая стеганая куртка. А так все тот же необузданный дикарь с белозубой улыбкой и массивной серьгой в ухе, только упакованный в тесную обертку обычного городского жителя.

Машины мы оставили на углу Хумлегардсгатан и Стурегатан. Андерс Хольм сказал, что будет лучше, если мы прогуляемся на свежем воздухе, чем залезем в какой-нибудь темный и душный угол. В ближайшем кафе мы взяли кофе на вынос и теперь медленно брели под желтеющими кронами деревьев парка Хумлегарден, где располагалось здание Национальной Шведской Библиотеки.

– Прости, что втравил тебя в эту авантюру.

Андерс Хольм удивленно посмотрел на меня.

– Без таких штучек жизнь была бы слишком пресной. А я слишком люблю приключения! К тому же, если ты не заметил, я ни разу не засветился. Так что твои преследователи не знают меня в лицо.

– Да. Это было очень предусмотрительно с твоей стороны. И спасибо Мао за его помощь.

– Он мой старый приятель. Когда-то от моих показаний зависело, сядет ли он за решетку. Я помог сделать так, чтобы этого не произошло, и парень постепенно перевел свой бизнес в легальное русло. По крайней мере, так говорит, а я не задаю лишних вопросов. Вот он и помогает мне иногда.

– А ему ничего не будет за то, что он помог мне?

– «Моя твоя не понимай» – вот, что он ответит, если его спросят... Он умет выпутываться из таких переделок. Но я хотел бы знать, кто эти люди, что следили за тобой. А ты обещал мне рассказать. Так будет честно, по-моему.

– Да, конечно. Это российская разведка...

– Что?! Разведка? Я не ослышался?

– Ты все верно услышал...

– А ты? – он недоверчиво покосился на меня.

– Я – нет. Хотя чуть больше года назад меня привлекали к одному делу, которое я в итоге едва не завалил... Это было еще до Африки. А впрочем, я в том деле не просто напортачил, а именно завалил его – по-крупному подставил законспирированного агента. Поэтому меня и выперли из Стокгольма и Швеции в считанные дни.

– И, если я все правильно понял, теперь твои бывшие наниматели не рады твоему возвращению. Так?

– Да, так.

– То, что сейчас привело тебя в Стокгольм, как-то связано с тем делом?

– Да.

– И эти ребята из разведки знают об этом? О цели твоего визита.

– Нет. Для них одно мое присутствие в городе уже как заноза в заднице.

– А твоя просьба? Кайса говорила, что ты хотел о чем-то попросить меня. Она – эта твоя просьба – с этим связана?

– Да, – я решил не лукавить. – Напрямую...

– Я тебя слушаю.

Мы присели на одну из лавочек под деревьями.

– Все, что от меня требовалось – это две недели побыть другим человеком. Вроде бы ничего сложного, но в некоторые детали меня посвящать не стали. Было бы лучше, знай я весь расклад с самого начала, или нет, я не могу сказать, но пришлось мне не сладко. Меня чуть не убили, и защищая свою жизнь, я сам убил человека – агента британской разведки... – не знаю, зачем упомянул об этом, но подсознательно чувствовал, что могу доверять Андерсу Хольму – человеку, который не так давно одалживал мне свой пистолет, а значит, и сам мог иметь подобный моему опыт лишения человека жизни. – А потом я вернулся в Стокгольм и, когда узнал, что меня просто использовали в качестве приманки, то сорвался и наделал глупостей. По крайней мере, так посчитали руководители операции. Я считаю, что поступил правильно и попытался спасти жизнь человеку, который был мне очень дорог...

– Женщине?

– Да. Ты опять попал в точку, Андерс.

– *Cherchez la femme!* – ухмыльнулся репортер. – Ищите женщину!

– В общем, во время выполнения того задания, когда мне приходилось представляться другим именем, я познакомился с одной девушкой...

– Эрик Хансен? Так тебя тогда звали?

– Что?! – сначала удивился я, а потом отмахнулся, смирившись с тем, что в последнее время практически каждый читал меня, как открытую книгу. – Да... Как ты догадался?

– Даже я в какой-то момент поверил, что тебя так зовут, когда ты, не задумываясь, назвался этим именем на трапе самолета в Газабуре. Видимо, когда-то хорошо вжился в роль – так естественно это у тебя тогда вышло. Прости, я тебя перебил. Продолжай.

– Так вот, я познакомился с девушкой. Но она была на другой стороне. Понимаешь, о чем я? – Я посмотрел на своего собеседника, он кивнул в ответ. – Короче, я ей признался, что я никакой не Эрик Хансен и помог уйти от этих же ребят, что сегодня следили за мной. Она отплатила мне тем, что зарядила коленом в промежность, но оставила в живых, хотя должна была пустить пулю в затылок. Ну, а чтобы я безропотно убрался из страны, мне сказали, что она погибла... Даже показали статью в газете, где говорилось об аварии со смертельным исходом... И я уехал...

– И подвергая себя опасности в Африке, ты глушил горечь этой утраты?

– Да.

– Ха! – Андерс Хольм азартно хлопнул ладонью по своему колену. – А я все понять не мог, о чем это ты тогда в самолете Кайсе втирал!

– Лучше не вспоминай об этом...

– Понял. Не буду. Давай, что было дальше?

– Неделию назад мне в руки попало вот это! – я вынул из кармана сложенный в несколько раз потрепанный газетный лист и развернул его. – «Экспрессен», номер от двадцатого сентября. На снимке она – Элис Бергман, а снимок датирован шестнадцатым сентября! Андерс, меня обманули. Девушка, которую я больше года считал погибшей, жива! Она жива! Жива, понимаешь? И этот снимок – тому неоспоримое доказательство!

Возможно, я в этот момент был слишком эмоционален, не знаю. Но Андерс Хольм воспринял эту информацию гораздо более сдержанно. Кто знает, может, потому что Элис Бергман для него была всего лишь лицом с фотографии.

– Только не говори, что хочешь отыскать эту дамочку...

– Я хочу узнать, где был сделан этот снимок?

– И все?

– Пока да... Узнаю – дальше будет видно, что делать.

– Тебе нужен выход на кого-то из «Экспрессен». Правильно?

– Об этом я и хотел тебя попросить. Если у тебя есть связи, помоги мне найти такого человека. Я заплачу за информацию. Тебе, ему, кому угодно. Но я хочу знать, что это за место...

– Слушай, мне твоих денег не надо, приятель. Ты же знаешь, что мне по приколу такая движуха. Так что я помогу просто из интереса, а ты побереги кошелек для кого-то еще. А насчет выходов на «Экспрессен» ты обратился по адресу – у меня есть там приятель. Он-то нам и подскажет, к кому обратиться. Так что, если не сегодня, то завтра ты получишь ответ на свой вопрос. Погнали!

Андерс Хольм швырнул пустой стаканчик из-под кофе в урну и встал со скамейки. Я тоже допил кофе и отправил стаканчик туда же. Потом свернул газетную страницу, убрал ее во внутренний карман куртки и поспешил за своим новым союзником.

Когда я плюхнулся на пассажирское сиденье, Андерс Хольм попросил подождать, пока он позвонит, чтобы отменить несколько других запланированных на сегодня встреч, которые вполне можно было перенести на другое время. Несколько минут говорил по телефону, ходя из стороны в сторону перед капотом автомобиля, а потом присоединился ко мне. Уже в машине он сделал еще один короткий звонок, из которого я понял, что нам предстоит отправиться на Гёрвельсгатан 30, и меня словно столбняк прошиб, когда я услышал этот адрес.

– Прямо в редакцию? – переспросил я.

– Да, а что?

– Ничего, если не считать, что редакция «Экспрессен» находится напротив Российского посольства, где я проработал больше года до того, как вляпался в ту историю, о которой тебе рассказал... Почти каждый день я читал их газету и каждый день проходил мимо этого синесерого здания с эмблемой в виде жалящей осы на стене, даже не подозревая, что когда-либо попаду в его недра.

– Ну, надо же! Охренеть просто! Вот это совпадение!

– Вот-вот!

– Боишься засветиться?

– Ну, да... Как бы не пошла прахом вся наша конспирация...

– Мы аккуратно, – заверил меня Андерс Хольм. – Тем более что твои соотечественники вряд ли будут искать у себя под носом. Если вообще станут искать, а не засядут в засаде в отеле.

– Думаешь?

– Уверен в этом на девяносто девять процентов!

– Вот бы мне твою уверенность... – пожал плечами я. – А нас, правда, пустят? Там кто-то есть в субботу?

– Конечно, пустят... Думаю, по телефону тоже можно навести справки, но я предпочитаю живое общение. Так интереснее!

Я не мог не согласиться. Поэтому продолжал исправно играть роль пассажира, довольного тем, что его везут туда, куда нужно. А спустя пятнадцать минут, мы уже прибыли на место и остановились, съехав в специальный карман для парковки.

На противоположной стороне улицы, слева от нас, находилось Российское посольство. Центральные ворота остались чуть позади, и с того места, где мы остановились, не было видно зданий и сооружений на его территории. Здесь от клочка родной земли меня отделила узкая полоска деревьев, которые росли на пологом склоне холма, и высокий решетчатый забор, увенчанный острыми металлическими пиками. А за ним, как я помнил, находилась ухоженная парковая зона, здания с множеством кабинетов, переговорных комнат, залов для приема делегаций, парковки для автомобилей сотрудников и гостей, теннисный корт и спортивная площадка.

В серо-синем разноуровневом здании по правую сторону располагались редакции «Дагенс Нюхетер» – крупнейшей шведской ежедневной утренней газеты, «Экспрессен», которая являлась ее дочерней газетой, а также нескольких местных радиостанций. По тротуару медленно шли редкие прохожие, велосипедная парковка перед широкой витриной первого этажа практически пустовала.

Андерс Хольм тоже внимательно осмотрелся, потом заглушил двигатель и сказал, что нас уже ждут.

9

У раздвижных стеклянных дверей нас ждал тощий парнишка в помятых брюках, неряшливо заправленной в них рубашке и клетчатом пиджаке. Грубо попирая закон, запрещающий курить в общественных местах, он жадно смолил сигарету и то и дело поправлял пятерней жидкие волосенки, которые нещадно трепал ветер.

– Олле Якобссон! – не вынимая изо рта сигареты, парень протянул мне руку, когда мы подошли к нему. – Буквоед!

– Что? – переспросил я, отвечая на вялое рукопожатие.

– Руководитель корректорской службы... – пояснил Андерс Хольм, пожимая руку этому парню следующим после меня.

– Так точно... – кивнул тот. – Слежу за тем, чтобы наши «писаки» не прослыли безграмотными тупицами.

– И, по-моему, отлично с этим справляешься, Олле! – восторженно произнес Андерс Хольм и потрепал его по плечу.

– Брось, Андерс! – спокойно ответил Олле Якобссон, бросив окурок на землю и придавив его носком ботинка. – Чтобы я помог своему приятелю, мне не надо петь дифирамбы.

Приглядевшись, я вдруг понял, что передо мной стоит вовсе не молодой парнишка, каким он показался мне издали, а мужчина возрастом далеко за сорок. Возможно, даже ближе к пятидесяти.

– Пошли внутрь! – сказал он и жестом позвал за собой в разъехавшиеся стеклянные двери.

Мы без проблем миновали турникет, через который Олле Якобссон провел нас обоих по своему электронному пропуску, и пост охраны, где он обменялся с охранниками короткими кивками.

– Поскольку ты, Андерс, не стал мне объяснять по телефону, что именно вы ищете, я не могу ручаться, что смогу удовлетворить ваше любопытство именно сейчас, когда в редакции есть всего-навсего несколько человек, которые и без того заняты делом. Но учтите, ребята, времени у меня не так много, поэтому предлагаю вам начать прямо сейчас...

– Покажи ему, Володя! – толкнул меня в бок Андерс Хольм. – Давай!

Поднимаясь по лестнице на шаг впереди нас, Олле Якобссон обернулся и с интересом посмотрел на меня. Потом осторожно взял из моих рук сложенную в несколько раз газетную страницу, развернул ее и остановился, как вкопанный, занеся ногу над очередной ступенькой.

– Что? – в один голос просили мы с Андерсом.

Но Олле Якобссон только чертыхнулся вполголоса, устало потер глаза и тяжело вздохнул. Я напрягся, не понимая, что происходит. Андерс Хольм странно хмыкнул и первым нарушил молчание:

– Что случилось, Олле?

– Просто мы все в тайне надеялись, что это дерьмо не всплывет...

Я вдруг почувствовал, что у меня сердце буквально зашло от волнения, и увидел, как привычная улыбка сошла с лица Андерса Хольма.

– Кто это – все? И какое еще дерьмо? – серьезно спросил он без какого-либо намека на прежнюю веселость. – Объясни. Мы не понимаем...

– В моем кабинете. Не здесь...

Оставшуюся часть пути по лестнице, коридорам и через «оупенспейс», где перед мерцающими мониторами компьютеров кропотливо трудились вышедшие в выходной день сотрудники, мы преодолели молча. Все это время Олле Якобссон не выпускал газетную страницу из рук. Он провел нас в свою крохотную отдельную комнату, предложил сесть и плотно закрыл за собой дверь. Потом задумчиво посмотрел на снимок, сложил страницу и, молча, вернул ее мне. После опустился в продавленное кресло и положил сцепленные в замок руки на заваленный ворохом бумаг письменный стол.

– Ну? – развел руками Андерс Хольм.

Я молчал.

– Это была ошибка, которую заметили слишком поздно... – проговорил Олле. – Уже невозможно было что-либо исправить. Мало того, что тираж уже отдали в печать, его уже выпустили в продажу. И мы все просто понадеялись, что никто ничего не заметит. Но, видимо, напрасно... раз вы здесь...

– Понадеялись, что никто не заметит чего? – на этот раз спросил я.

Олле Якобссон ответил незамедлительно:

– Ты, что, издеваешься, парень? Лицо девушки на этом снимке!

– А что такого в этом лице?

– Это ты мне скажи! Ты ведь пришел в редакцию с вырванной из газеты страницей, на которой напечатано это фото. Только учти одну вещь – я признаю наличие проблемы и то, что редакция совершила ошибку, но я не буду закладывать своих коллег! И если дело дойдет до суда, я буду все отрицать!

– Стоп! – вмешался Андерс Хольм, обезоруживающе выставив вперед открытые ладони. – Давайте, мы все успокоимся и проясним ситуацию. Олле, мы пришли сюда не для того, чтобы кого-либо обвинять в чем-то.

– Обвинять в чем? – снова спросил я, не понимая, о чем идет речь.

И тут на лицо Андерса Хольма снова вернулась его белозубая улыбка.

– По-правде, я только сейчас, понял, о чем ты толкуешь, Олле! – сказал он. – Хотя, должен был понять сразу, как только впервые увидел снимок. Ты объяснишь или я?

Олле Якобссон сначала недоверчиво посмотрел на Андерса Хольма, потом на меня, еще раз на него и заговорил. На этот раз уже без страха или вызова в голосе. Очень спокойно и размеренно:

– Прежде всего, та допущенная газетой ошибка, о которой мы говорим, не относится к зоне моей ответственности. И я о ней знаю только потому, что этот вопрос обсуждался на специальном заседании, в результате которого было принято решение не поднимать лишнего шума самим и не предпринимать никаких действий.

Дело в том, что, если в статье освещается какое-то светское мероприятие, деловая встреча руководителей крупных компаний, заседание риксдага или митинг, то мы смело можем публиковать чьи угодно фотографии. Главное, чтобы это фото было сделано аккредитованным журналистом, который работает на конкретную газету или журнал.

Так же в качестве фотоматериала в любой газете могут быть использованы кадры, сделанные при помощи средств видео или фотофиксации, например, при помощи камер видеонаблюдения, которыми напичканы улицы нашего города, вокзалы, станции метро, магазины и дома. Но только в том случае, если целью публикации данного изображения является поимка правонарушителя, а само фото подтверждает противоправность действий запечатленного на нем лица.

То есть, если автомобиль сбил человека и скрылся с места преступления, для поимки водителя мы можем опубликовать фото с изображением номерного знака. Если на фото видно, как демонстрант швыряет камень в полицейского, бутылку с зажигательной смесью в витрину магазина или громит чей-то автомобиль, мы также можем показать широкому кругу наших читателей его лицо.

Но! Все обстоит совершенно иначе, если попавший в кадр человек, является законопослушным гражданином. А именно таким по умолчанию и является каждый гражданин нашей страны, пока его вина не доказана. Именно поэтому, если ты приглядишься, – Олле Якобссон нацелил в меня указательный палец, – то увидишь, что в большинстве случаев на газетных фотографиях лица людей как будто специально размыты. Замечал?

– Не знаю... – я пожал плечами в ответ.

– А ты обрати внимание! – ответил Олле Якобссон. – Я серьезно!

Я перевел взгляд на Андерса Хольма и увидел, как тот кивнул, подтверждая слова теперь уже вальяжно развалившегося в своем кресле хозяина кабинета, который тем временем продолжал говорить.

– Точно такая же ерунда с интерактивными картами в интернете. Открой любую в режиме «Панорама», и ты увидишь, что попавшие в кадр лица людей и номера автомобилей там тоже размыты. А знаешь, почему? Потому что, куда ни плюнь, везде неприкосновенность личной жизни. Потому, что в наше время каждый, кому не лень, чуть что – начинает вопить о том, как «проклятые журналисты» ущемляют его права! Каждый вонючий засранец начинает предьяв-

лять свои претензии или подавать в суд, в надежде вытрясти из владельца газеты хоть что-то... А сами-то только и рады тому, что засветились... Поди еще специально лезли под камеру!

– Так вы боитесь, что эта девушка подаст на вас в суд? – спросил я.

– Я не боюсь. Мне просто неприятна такая мысль, потому что я считаю, что, если ты попал в газету, то должен быть счастлив, а не кидаться снимать с говна пенку!

– Теперь я вас понимаю, – ответил я, – и могу смело заверить, что руководство газеты может не переживать. Даже если эта девушка и обратила внимание на свою фотографию, судебное разбирательство вас точно не ожидает.

– Что же тогда вам нужно? – Олле Якобссон снова окинул нас с Андерсом Хольмом слегка встревоженным взглядом.

– Просто расскажите, что вам известно об этом снимке, – ответил я. – Как получилось, что его не обработали должным образом перед тем, как сдать газету в тираж?

– Ну, раз уж ты в курсе... – добавил Андерс Хольм.

– И помогите определить место, где был сделан снимок, – добавил я. – Мне нужно узнать, что это за перрон изображен на снимке. Какой вокзал? В каком городе? Потому что это явно не Стокгольм...

– Знаю только, что заведующий отделом иллюстраций и техник, через которого проходило это фото, уже получили по шапке и были лишены премии за свою халатность. Последнему даже пригрозили увольнением, если адвокаты этой дамочки вдруг поднимут волну и подадут иск в суд. А вот с местом, где был сделан снимок, я вам точно не помогу.

– Мы можем поговорить с заведующим отделом иллюстраций? – спросил Андерс Хольм.

– Его сегодня нет. Он дома. Точнее, в больнице. У него жена рождает.

– А с техником? – уточнил я.

Олле Якобссон пожал плечами и ответил:

– Эти ребята обычно круглыми сутками тут сидят... Если не работают, так рубятся в онлайн-игры по выходным. Пошли, посмотрим, кто из них сегодня на месте...

Втроем мы дружно покинули кабинет. Пересекли разделенный перегородками на тесные комнатухи «оупенспейс» редакции и снова пошли по коридорам и лестницам. Потом Олле Якобссон остановился перед одной из дверей, из-за которой доносился какой-то гул, перемежающийся прерывистым стрекотом, и взволнованные голоса. Что-то смутно знакомое.

Без предупредительного стука он открыл дверь, бесцеремонно ввалился в темную комнату и щелкнул выключателем на стене. Сразу несколько человек, которые сидели, сторбившись перед мониторами компьютеров, резко встрепенулись, как один сорвали с голов большие наушники и испуганно обернулись. На экранах по-прежнему мелькали облаченные в камуфляж фигуры – их виртуальные подопечные, вооруженные автоматами и винтовками.

– Вот, полюбуйтесь! – усмехнулся Олле Якобссон. – Что я и говорил!

Мы с Андерсом Хольмом переглянулись, стоя на пороге, и, не знаю как он, а я почему-то сразу вспомнил Нигерию. Стрельба и эмоциональные переговоры по радиации – вот, что мы слышал из-за двери несколько мгновений назад. Эти ребята развлекались, виртуально убивая друг друга и таких же игроманов где-нибудь на другом конце света. Я же еще совсем недавно видел жертв подобных побоищ в реальной жизни. Меня даже слегка передернуло.

– Все, кроме Ларса Окессона могут пойти покурить... – строго произнес Олле Якобссон.

– А чё сразу Ларс Окессон? – пробубнил себе под нос молодой длинноволосый парень в джинсах и толстовке с выцветшим изображением среднего пальца и соответствующей надписью.

Остальные четверо, молча, поднялись со своих мест и, протиснувшись между мной и Андерсом Хольмом, удалились прочь по коридору.

– Чё опять не так? – продолжил Ларс Окессон, отвернувшись от монитора и повернувшись к нам в кресле, но потупив взгляд. – Чуть чё, сразу Ларс, Ларс... Можно подумать, я

один тут по выходным рублюсь в стрелялки! Я вам чё, козел отпущения? Или, раз облажался однажды, теперь можно всех собак на меня повесить? Давайте! И убийство Улофа Пальме на меня валите тоже! Похрену, что мне тогда еще года не было! Пускай, буду я во всем виноват!

– Заткнись, придурок! – осадил его Олле Якобссон. – Эти люди хотят спросить тебя про ту фотографию для статьи от двадцатого сентября.

Жестом он показал мне, чтобы я закрыл дверь.

Я закрыл ее, и мы с Андерсом Хольмом подошли ближе.

Парень заерзал. Получилось так, что мы втроем, еще толком не задав вопроса, угрожающе нависли над ним, а он продолжал сидеть перед нами в своем кресле и всем своим видом давал понять, что здорово струхнул. Затравленно смотрел снизу вверх то на одного, то на другого, то с какой-то мимолетной искоркой надежды на своего коллегу, который привел нас к нему.

Не знаю точно, для чего, но возможно, чтобы усилить уже полученный эффект, я на всякий случай снова развернул страницу с фотографией прямо напротив лица Ларса Окессона и спросил:

– Узнаешь?

Ларс Окессон кивнул.

Во мне кипела непонятная смесь эмоций. С одной стороны, из-за того, что этот чудила не обработал фотографию, как было положено, я узнал, что Элис Бергман жива. Я радовался, как ребенок. С другой стороны, я осознавал, что больше года своей жизни потратил на идиотское самобичевание и даже саморазрушение. И это меня злило, пробуждая чертовски сильное желание врезать этому беспечному придурку. А еще я переживал за Элис, потому что из-за его халатного отношения к работе, те, кто так же, как и я, считал ее погибшей, теперь могли начать активно ее искать. А мне меньше всего хотелось, чтобы кто-то причинил ей вред.

– Какого хрена ты не сделал то, что от тебя требовалось?! – я непроизвольно повысил голос.

– А чё?! – взвизгнул Ларс Окессон, косясь на Андерса Хольма, наверное, потому что тот своей комплекцией больше походил на человека, который может причинить ему физический вред. – Я, знаете, сколько материала обрабатываю за день? Знаете? Не знаете... Вот! Чё такого? Подумаешь, пропустил одну физиономию! Тоже мне – беда!

– Пропустил единственное лицо, которое смотрит в объектив? – с отсутствующим видом спросил Андерс Хольм. – Это странно...

Ларс Окессон вопросительно посмотрел на Олле Якобссона.

– Скажи то, что нам сказал! – ответил тот. – Просто скажи, как все было на самом деле...

Я превратился в сплошной слух. Андерс Хольм скрестил руки на груди и, нахмурившись, тоже принялся внимательно слушать.

– Вечером в понедельник девятнадцатого сентября я уже собирался идти домой. Я хотел раньше уйти, у меня свидание было назначено, и я отпросился у своего руководителя, но тут прибежал Хуго Линдберг из новостного отдела. А вы его знаете! – Ларс обратился к Олле, и тот кивнул ему в ответ.

– Хуго Линдберг – тот еще паникер! – пояснил Олле Якобссон. – Этот такой взъерошенный крикливый старикашка. У него еще среди наших сотрудников и прозвище такое – «паникер». Из старой гвардии, бывший военный, который всю свою жизнь стремился попасть в разведку, да не получилось. Видимо, из-за не затыкающегося рта не взяли. Мой отец с ним был знаком и именно так о нем отзывался, а я склонен верить отцу. В общем, Хуго в разведку не попал, но все равно никак не успокоится. И теперь на каждом углу пытается отыскать заговор. Продолжай, Ларс.

Ларс продолжил, а я вдруг понял, что сделал Олле. Сказав нам, что не собирается сдавать никого из своих коллег, он продал с потрохами мелкую сошку вроде Ларса Окессона, и охотно

поддакивал ему, вставляя свои комментарии. По сути, все-таки сдал своих коллег, но не сам, а при помощи затравленного сотрудника, которого не просто наказали, лишив премии, но и готовы были вообще пустить в расход, уволив, если дело примет скверный для газеты оборот. Очень удобно.

А картина вырисовалась следующая. Накануне выхода свежего номера «Экспрессен», который утром двадцатого сентября должен был появиться на прилавках всех газетных киосков, вдруг обнаружилось, что статья, которую готовил один из журналистов, по причине компьютерного сбоя пропала. Восстанавливать текст, над которым до этого долгое время кропотливо работал не один человек, времени не оставалось. Нечего было сдавать в печать.

И тут появился Хуго Линдберг. Этот вредный и заносчивый старикан с ущемленным самолюбием, напомнил руководству о своей статье, которую однажды забраковали просто потому, что тема тотальной слежки, учиненной американским АНБ, уже набила оскомину, и читатели просто-напросто пролистывали подобные материалы. Не удивительно, что даже такая посредственная работа, как статья Хуго неожиданно пришлась очень даже кстати. Ее незамедлительно приняли в работу, отдали на проверку Олле Якобссону и дальше – для подготовки в печать, но о подходящей для этой статьи иллюстрации никто так и не позаботился.

И тогда снова отличился Хуго Линдберг, который сказал, что идеальным вариантом может стать кадр, вырезанный из записи, сделанной какой-нибудь камерой видеонаблюдения. Времени оставалось в обрез, поэтому никто не стал спорить. К тому же по счастливой случайности у Хуго был друг, который работал в центре обработки информации, куда на временное хранение стекались данные со всех камер слежения, установленных на вокзалах страны.

Фотоматериал тоже не пришлось долго ждать. Приятель Хуго просто вырезал и переслал ему двадцатисекундный кусок первой попавшейся видеозаписи, датированной шестнадцатым сентября. Хуго Линдберг сам выбрал кадр – очень удачный, надо сказать, и именно с ним ввалился в технический отдел в тот самый момент, когда Ларс Окессон уже собирался уходить.

И Ларс, естественно, никуда не ушел, потому что ему было поручено срочное дело. Точнее, ушел, но немного позже, чем рассчитывал, и свидание сорвалось. Впрочем, работу свою он в итоге тоже не выполнил до конца. Ларс сделал все, что было положено, но впопыхах не сохранил результат последней правки, а именно: торопился и не зафиксировал размытие лица. Сдал в печать фотографию, на которой лицо незнакомой девушки по-прежнему оставалось четким. Допустил ошибку, которую утром обнаружил заместитель главного редактора.

– По итогам в минусе остался только я... – грустно констатировал Ларс Окессон. – Девушка, которую я обхаживал хрен знает сколько, пытаюсь уговорить пойти со мной на свидание, теперь со мной не разговаривает, потому что я сам на это свидание не пришел вовремя. За свою оплошность, которую я признаю, я получил нагоняй от начальства, и при хорошем раскладе еще три месяца не буду получать премию. В худшем случае – меня просто уволят и впаяют штраф! Буду должен своему работодателю! Круто! Даже этот старый засранец Хуго Линдберг – просто герой на моем фоне. Принял удар на себя и своей говеной статьей спас престиж газеты, который я едва не уронил и не разбил вдребезги...

– Ну, все! – с выражением усталости на лице всплеснул руками Олле Якобссон. – Хватит себя жалеть, страдалец! Сам виноват! Надо быть внимательней на рабочем месте! И думать о работе, а не о бабах!

– Я, между прочим... – хотел возразить ему Ларс Окессон, но я жестом попросил его умолкнуть.

– Хуго Линдберг сегодня здесь? – спросил я, обращаясь к Олле Якобссону. – Он в редакции?

– Нет, – ответил тот. – Старина Хуго уже почти две недели как на больничном. Лежит в больнице. С почками проблемы...

– Тогда слушай меня, Ларс, – обратился я к молодому технику, как можно более спокойно. – Слушай и запоминай. А главное, поверь мне. Я гарантирую, что из-за этой фотографии у тебя больше не будет проблем, потому что изображенная на ней девушка никогда не подаст в суд на вашу газету. Ей это не нужно! Думаю, что подобная шумиха, для нее самой крайне невыгодна. Но мне нужно, чтобы ты ответил еще на один вопрос, потому что я не хочу тратить время на посещение в больнице ворчливого старика, который ссытса под себя и оттого пребывает в еще более скверном расположении духа. Вспомни, Хуго Линдберг говорил, где был сделан этот снимок? На каком вокзале?

– Нет...

– Черт!

Я почувствовал, как на меня накатила волна злости, и заскрипел зубами так, что с них вот-вот должна была посыпаться эмаль. Но тут Ларс Окессон меня в очередной раз удивил. И не только меня, потому что Андерс Хольм и Олле Якобссон от неожиданности встрепенулись, когда тот вдруг едва слышно произнес себе под нос:

– Я и так могу сказать вам, что это за вокзал...

– Ну? – хором спросили мы.

– Это центральный железнодорожный вокзал Мальмё.

– Ты уверен? – переспросил я.

– Я родился в Мальмё, мистер, как вас там! Думаете, я не узнаю вокзал в своем родном городе? На снимке платформа 1b, заполненная людьми. В самом верху снимка справа, если присмотреться, видно край информационного табло и время отправления поезда...

– И что это за поезд?

– Мальмё-Копенгаген.

10

Теперь я точно знал, что в 15:30 в пятницу 16 сентября 2016 года девушка, которую я знал под именем Элис Бергман, ждала поезд на платформе железнодорожной станции в Мальмё для того, чтобы отправиться в Копенгаген.

Меня просто трясло от волнения.

Неужели я напал на след? Вот так просто? Благодаря случайно попавшей в газету фотографии и оплошности сотрудника технического отдела, что в наше время принято называть человеческим фактором.

Мне не было известно ровным счетом ничего о том, как она жила до этого дня с момента нашей последней встречи. Я не знал, что с ней могло произойти потом, после того как она попала в объектив камеры видеонаблюдения на железнодорожном вокзале. Две недели – большой срок. За это время можно добраться в любую точку земного шара. Но мне был известен ее маршрут в тот самый день. Или хотя бы его часть: Мальмё – Копенгаген.

Элис ездила в Данию. Но зачем? Или же, наоборот, возвращалась туда из Швеции? Но у нее не было никакого багажа, даже наплечной сумки для документов, что весьма странно для человека, который куда-то едет. А может, она встречала кого-то? Это могло объяснить отсутствие багажа. Или провожала? А если так, то кого? Но никто из присутствовавших на снимке людей не походил на ее спутника. Вопросов по-прежнему было гораздо больше, чем ответов.

Но и то небольшое, что мне удалось узнать, стало бальзамом для моей души. Я знал, что в тот день и час она была жива – стояла на перроне, одетая в мешковатые штаны в стиле «милитари» и грубую брезентовую куртку с откинутым на спину капюшоном. Элис – девушка, в которую я однажды безнадежно влюбился – такая непохожая в этом образе на ту, которая когда-то меня соблазнила своими зелеными глазами, точеной фигуркой, облаченной в легкое летнее платье, и трепетными разговорами о нашем совместном будущем. От ее строгого тревожного

взгляда из-под каре с челкой веяло какой-то вынужденной решительностью, а плотно сжатые аккуратные губки только усиливали это ощущение.

– И что ты думаешь?

Я оторвал взгляд от газетной страницы и посмотрел на Андерса Хольма. Мы уже вышли из редакции и теперь снова сидели в его машине. Задумчиво глядя на меня, он барабанил пальцами по рулю.

– О чем ты?

– Что собираешься делать дальше? – переспросил Андерс Хольм.

– Я не знаю... Поеду в Мальмё...

– Серьезно?

– Да.

– Зачем?

Я пожал плечами в ответ.

– Не хочу тебя расстраивать, но ее там не будет.

– Знаю, Андерс. Я знаю... Но она там была, и я хочу найти это место. Хочу побывать там и хотя бы просто постоять на том перроне.

Андерс Хольм усмехнулся.

– Что? – спросил я.

– Только не вздумай ждать ее там, как чертов Хатико! – ответил он.

– Этого делать я точно не собираюсь...

– А что тогда? Ну, приедешь, посмотришь, постоишь там... А потом?

– Вернусь обратно. Вернусь и буду жить дальше. Зато меня не будет мучить мысль, что я не сделал чего-то, чего мне очень хотелось...

– Мне всегда казалось, что последний романтик на этой чертовой планете – я. Но ты меня переплюнул, дружище! Честное слово!

Знаешь, я достаточно поколесил по миру и сам несколько раз влюблялся так, что сердце рвало на части, когда приходилось расставаться, но я никогда, ни разу в жизни не пытался потом найти ту или иную девушку.

– Почему?

– Наверное, потому что я трус.

– Трус? – удивился я. – Ты человек, который лезет под пули в горячих точках по всему миру, чтобы другие имели хотя бы малейшее представление о том, что происходит за пределами их комфортной жизни. И ты называешь себя трусом?

– Мне за это платят. Поэтому мной движут жажда наживы и страх забвения. Иными словами: алчность и тщеславие. А ты готов рисковать просто потому, что увидел в газете фото девушки, которую считал погибшей, и хочешь побывать там, где, ты точно знаешь, ступала ее нога. Это и есть настоящая смелость.

Я снова пожал плечами, свернул газетную страницу с фотографией Элис и сунул ее во внутренний карман куртки. В голове крутилось много вопросов. А не слишком ли далеко я зашел? Не пора ли остановиться? Зачем мне все это? Что и кому я хочу доказать своим безрассудством?

– Когда собираешься отправиться? – спросил Андерс Хольм.

Я коротко ответил:

– Сегодня.

– Поездом?

– Наверное...

– Будь я озадачен поисками того, кто внезапно скинул хвост, то первым делом отправил бы своих людей на вокзал и в аэропорт... Те ребята, что следили за отелем, так просто не сдадутся!

– Э-э-э... Наверное, ты прав... – я задумался и почесал затылок.

– Ты ведь не хочешь попадаться им на глаза. Так?

– Ну, да... не хотелось бы...

– Тогда идеальный вариант – на машине. Путь не близкий – шестьсот километров. Ехать часов шесть, если без остановок... Но в прокат тачку ты не возьмешь. Могут проверить по кредитке... А за наличку ни одна приличная контора тебе машину не даст.

– И наличка у меня осталась в номере, в сейфе. Собственно, как и все вещи...

Но Андерс Хольм сразу же решил эту проблему. Иначе бы он не был тем, кем являлся – совершенно безбашенным типом из всех, кого я когда-либо знал.

– Поедешь на моей машине! – вот, что он сказал, а потом изложил свой план действий, который непостижимым моему уму образом внезапно созрел в его абсолютно безумной голове.

И мы именно так все провернули. По настоянию Андерса Хольма я пересел за руль, чтобы привыкать к автомобилю, и мы поехали обратно в район Сёдермальм, где находилась моя гостиница. По пути остановились возле небольшого магазина, где Андерс Хольм купил самую простую спортивную сумку. Потом он пошарил в бардачке и вынул из него простецкий кнопочный мобильник и зарядное устройство к нему.

– Вот! – он показал их мне. – Свой телефон не включай, пока не поймешь, что готов снова встретиться с теми, от кого прячешься. А пока пользуйся этим.

Я кивнул в ответ.

Потом Андерс Хольм вышел возле станции метро Зинкенсдамм, а я объехал квартал и припарковался на Лундагатан, но не стал глушить двигатель и опустил оба стекла с водительской стороны. Стал ждать. Все, как договорились.

Исходя из того, что людям Юрия Валентиновича не была известна личность моего приятеля, они не должны были среагировать на его появление в отеле. Сам Андерс Хольм, вооружившись купленной несколько минут назад сумкой, электронным ключом от моего номера и кодом от сейфа, в котором лежала вся моя наличность, отправился за моими вещами.

И, надо сказать, что те пятнадцать минут ожидания тянулись для меня целую вечность. Состояние тревоги. Неопределенность. Вдруг, мы все-таки ошиблись? Вдруг, они его ждали там? Или меня, а пришел он...

Разыгравшееся воображение рисовало страшные картины того, как бесстрашный Андерс Хольм с разбитым в кровь лицом сидит в моем номере, привязанный к стулу, и плюет в лицо пытающему его Феликсу. В какой-то момент я уже был готов отправиться ему на помощь, но тут он сам появился в зеркале заднего вида. Быстро шел по улице, держа в одной руке спортивную сумку. А это значило, что у нас получилось. И еще то, что здесь наши пути разошлись на неопределенное время. В груди защемило от чувства досады, потому что у меня не было возможности от души поблагодарить этого человека за ту помощь, которую он мне оказал.

Андерс Хольм прошел мимо, даже не замедлив шаг. Но за эти несколько секунд он успел закинуть сумку в открытое окно на заднее сиденье своего «Сааба», за рулем которого сидел я, и напутственно хлопнуть ладонью по крыше. А еще он сказал:

– Уматывай отсюда!

Я так и сделал. Вывернул руль и нажал на газ. Даже не помню, попрощался или нет. Слова «спасибо» и «до встречи» вертелись в голове, пытаюсь пробиться сквозь пульсирующий от волнения шум в ушах, но я так и не понял, произнес я их или просто подумал. Так и расстались.

А потом я вырулил на Хорнsgатан и двинул к выезду из города. То и дело поглядывал в зеркала в надежде убедиться, что за мной нет хвоста. Но так и не смог этого определить. Опыта в подобных делах у меня не было. А потом шведская столица осталась позади, и я прибавил газу, ориентируясь по указателям на Норрчёпинг.

Под Сёдертелье сделал первую остановку, чтобы перевести дух, заправить полный бак и купить карту автомобильных дорог, потому что пользоваться своим телефоном мне было

нельзя, а в том кнопочном аппарате, который мне оставил Андерс Хольм, из полезных приложений были лишь калькулятор и будильник. Но и его я пока не стал включать. Потом открыл сумку, которая лежала на заднем сиденье, и обнаружил в ней все свои вещи, включая ту сумку, с которой прилетел в Швецию, деньги и документы. Андерс Хольм запихнул туда даже часть купленных мной сегодня и оставленных в номере продуктов. Я с удовольствием съел сэндвич с тунцом, запил все банкой колы, снова сел за руль и помчался дальше, мысленно ругая себя за безрассудство.

Дорога была легкой. Но внутреннее напряжение спало после того, как я преодолел около трети пути и миновал Линчёпинг. Мысли сменяли одна другую. То я думал об Элис и представлял, где она может быть и чем занимается в этот момент, то об Андерсе Хольме и надеялся, что у него не будет проблем из-за того, что я втравил его в подобную авантюру, то о том, как в ярости рвет и мечет Юрий Валентинович. Конечно же, вспомнил об Анатолии, который находился черт знает где на другом конце света – в Индонезии. Думал о матери, которая осталась в Москве и наверняка волновалась за меня. Хотел даже включить свой телефон и отправить ей сообщение, но все-таки решил не рисковать и отказался от этой идеи.

Мимо проносились указатели с названиями населенных пунктов: Мьельбю, Эдесхёг и совсем небольших городков, расположившихся один за другим вдоль берега озера Веттерн. За Йёнчёпингом, когда уже стемнело, я взял немного левее и устремился на юг. Спустя какое-то время, за окном мелькнул указатель Вернамо. Не останавливаясь, я развернул карту и сверился с маршрутом – две трети пути.

Я протянул еще немного, но, когда почувствовал, что было бы неплохо посетить туалет, свернул на небольшую стоянку у придорожного кафе в районе Юнгбю. Там я удовлетворил все свои естественные потребности, размялся и, наконец, включил полученный от Андерса Хольма телефон. Экран сначала моргнул, а потом загорелся ровным голубым светом.

Первое, что я отметил – это то, что заряд батареи был почти полным. Потом посыпались уведомления о пропущенных вызовах. Всего восемь. Все звонки были сделаны с одного и того же номера, который не был привязан к внутреннему телефонному справочнику. Справочник, кстати, тоже оказался пуст – я это проверил. А потом пришло короткое сообщение: «Ты в порядке? Перезвони. Это я – Андерс».

Почувствовав, как, несмотря на вечернюю прохладу, на лбу выступила испарина, и от волнения внутренности в животе скрутило в тугой узел, я нажал кнопку вызова.

– Ну, наконец-то! – без какого-либо приветствия после третьего гудка из динамика раздался знакомый мне голос. – Ты где сейчас?

Я с облегчением выдохнул.

– Под Юнгбю. Остановился передохнуть. Все в порядке. А ты как?

– В норме! Ты чего телефон сразу не включил?

– Не знаю...

– Засранец ты! Я же волнуюсь. Мало ли, что там с тобой...

– Я же говорю, все в порядке. До Мальмё осталась треть пути, ехать еще часа два...

– Отлично! Я предупредить хотел – ты с этого телефона только никому из своих знакомых и друзей постарался не звонить. Это что-то вроде моего секретного канала связи. Используй его только для того, чтобы связаться со мной. О-кей?

– Договорились.

– Так будет лучше для всех.

– Это логично, – согласился я. – Кстати, как все прошло в отеле?

– Без проблем вообще. Зашел, проверил, чтоб не было хвоста. Собрал вещи и вышел. Те двое остолопов, что следили за отелем, так и сидели в машине. Никого другого я не заметил. А после того, как закинул сумку в машину, обошел квартал пешком, чтобы еще раз убедиться, что за мной не следят, и уехал на метро. Так что мы с тобой всех обставили, приятель!

– Э-э-э... Я тут подумал... Может, это уже паранойя... А в моих шмотках не может быть передатчика, например?

– Если это паранойя, то я твой коллега по несчастью! Ха-ха! По-твоему, чего я так долго копался? Я пересмотрел и прошупал каждый шов на твоих вещах и все досконально изучил, прежде чем сунуть в сумку. Не волнуйся. Там все чисто.

– А ты точно журналист? – попытался пошутить я. – Такое ощущение, что нет.

– В этом и есть прелесть жизни! Ты можешь быть кем угодно и работать хоть на самой скучной работе в мире, но, главное, не отказывать себе в удовольствии добавлять в повседневную рутину самых разных красок и риска. И если есть возможность провести день необычно, то этот шанс упускать нельзя!

– Вот бы мне кто-то сказал это лет шесть-семь назад... Кто знает, где бы я сейчас был... Но мысль достойная того, чтобы над ней задуматься.

– Никогда не поздно что-то изменить. Ты мне скажи, чем я могу тебе еще помочь?

– По-моему, ты и так уже сделал для меня слишком много. Даже машину свою отдал. Не думаю, что вправе просить о чем-то большем.

– Не глупи.

– Серьезно?

– Да.

– Тогда слушай. Я не помню, что это была за газета, которую мне подсунули, чтобы я поверил в гибель Элис, но в той статье точно упоминалось ее имя. Там говорилось про аварию. Синяя «Вольво» столкнулась с грузовиком и вылетела с дороги в воду. Писали, что тело еще не найдено, но в машине были обнаружены документы на имя Элис Бергман. Не думаю, что в прошлом году в окрестностях Стокгольма таких происшествий было много. Если получится, выясни, пожалуйста, что это была за газета, и как материал попал в номер. Может, какие подробности всплывут. Хорошо?

– Да, конечно.

– Спасибо, Андерс!

– Пока не за что благодарить... Ты, давай, езжай дальше. Я все выясню и сообщу, если что раскопаю. А ты сообщи, как доберешься до места. Не пропадай.

– Хорошо.

Я отключил связь. Вдохнул полной грудью свежий воздух и медленно выдохнул, глядя в темное небо и слушая шум, доносившийся с дороги. Понаблюдал немного за проплывающими мимо огнями автомобилей и сам плюхнулся за руль.

Следующая остановка была в Хельсингборге. Я снова залил бак под завязку и проглотил еще один сэндвич. Потом сел за руль и провел еще чуть больше двадцати минут в пути. Проехал по ночному Мальмё и припарковал «Сааб» Андерса Хольма неподалеку от Центрального вокзала. Часы на приборной панели показывали 00:18. Я вынул из кармана телефон и, решив не тревожить приятеля в столь поздний час, просто отправил ему короткое сообщение: «Я на месте».

Вокзал располагался неподалеку от центра города и представлял собой комплекс, состоящий из двух зданий: старого – построенного из красного кирпича, и нового – стеклянного. Я запер машину, оставив в ней все свои вещи, и, прихрамывая, направился к входу в стеклянное здание. После долгой дороги, несмотря на несколько остановок в пути, полученное в Нигерии ранение в ногу снова напомнило о себе.

Несмотря на то, что этот вокзал являлся крупным транспортным узлом, куда прибывали поезда со всей Швеции и из соседней Дании, в это время суток внутри было немногочисленно и редкие сообщения по громкой связи эхом разносились под сводами стеклянного здания. Туда и сюда сновали редкие пассажиры, сотрудники железной дороги, люди в форме обслуживающего персонала и охрана. В стороне скучали двое полицейских.

Чтобы сориентироваться, я стал озиаться по сторонам, и даже не заметил, как ко мне подошел пожилой мужчина.

– Вам помочь?

– А?

Я резко обернулся и уставился на него. Судя по внешнему виду, это был просто сердобольный гражданин, решивший, что я нуждаюсь в помощи. Он с интересом изучал меня взглядом. Видимо, из-за моего африканского загара, воспаленных после шести часов, проведенных за рулем, глаз и осунувшегося от усталости лица, покрытого двухдневной щетиной.

– Я спрашиваю, вам помочь? – повторил мужчина. – У вас вид, как будто вы заблудились...

– Да, я впервые здесь... на этом вокзале... Ищу платформу 1b. Не подскажете, где это?

– Конечно.

Мужчина подробно объяснил, как мне пройти к платформе и даже вызвался проводить, но я сказал, что он может не утруждать себя, отказался и поблагодарил за помощь. Потом без труда отыскал нужный мне выход к поездам и, уже спускаясь по лестнице на перрон, понял, что это и есть то самое место. Здесь Элис Бергман ждала поезд. Та же платформа с номером 1b, только не заполненная людьми, а почти пустая, то же информационное табло.

Я остановился на ступеньках. Сердце в груди отстукивало ритм гораздо чаще обычного. Я обернулся назад, поднял голову и увидел ту самую камеру, которая была нацелена вниз – на платформу. Я нашел это место – вот оно. Выдохнул, медленно спустился на перрон, держась за перила и устало опустил свою пятую точку на нижнюю ступеньку, чтобы вытянуть ногу, которая начала нестерпимо ныть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.